

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Ощепкова В. В. — д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Жирова И. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О. И. — д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Гринев-Гриневич С. В. — д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Польша)

Епифанцева Н. Г. — д. филол. н., проф., МГОУ

Карпова О. М. — д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Германия)

Латышев Л. К. — д. филол. н., проф., МГОУ

Левченко М. Н. — д. филол. н., проф., МГОУ

Маслова В. А. — д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь)

Николаева О. В. — д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Носович Я.-Ф. М. — д. филол. н., проф., Лингвистическая высшая школа в Варшаве (Польша)

Олянич А. В. — д. филол. н., проф., Волгоградский государственный аграрный университет

Пан Кё Ён — д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Пешкова Н. П. — д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет

Прошина З. Г. — д. филол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Сесил Л. Нельсон — доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Скуратов И. В. — д. филол. н., доц., МГОУ

Стернин И. А. — д. филол. н., проф., Воронежский государственный университет

Туголукова Г. И. — к. филол. н., проф., МГОУ

Филиппова И. Н. — д. филол. н., доц., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2019. — № 5. — 162 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirona – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU
Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

N.G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

O.M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

L.K. Latyshev – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

M.N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V.A. Maslova – PhD in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O.V. Nikolaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

J.F. Nosowicz – PhD in Philological Sciences, Professor, Warsaw School of Applied Linguistics (Poland);

A.V. Olyanich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Volgograd State Agrarian University;

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N.P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z.G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Doctor of Linguistics, Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I.V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

J.A. Sternin – Doctor in Philological Sciences, Professor, Voronezh State University;

G.I. Tugolukova – PhD in Philological Sciences, Professor, MRSU;

I.N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2019. – № 5. – 162 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Валуйцева И. И., Хухуни И. Г. ТЕРМИН И СЛОВО: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ	6
Василенко Т. С., Шеваршинова Е. И. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТНЫХ ВЫПУСКОВ БИ-БИ-СИ)	17
Ефименко Т. Н. РЕАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	29
Коста П. МОДЕЛЬ «РАДИКАЛЬНОГО МИНИМАЛИЗМА» ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ (К КРИТИКЕ ПОНЯТИЙ «СОГЛАСОВАНИЕ», «УПРАВЛЕНИЕ», «СПЕЦИФИКАТОР»)	40
Лукьянова В. С. ЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ В ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕТСКОГО АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА	56
Маджаева С. И., Лукоянова Т. В., Сеницина А. О. РОЛЬ СЛОВАРЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	64
Малюга Е. Н., Орлова С. Н. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДИСФЕМИЗМОВ В КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ	72
Ощепкова В. В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ <i>VOGAN</i> В АВСТРАЛИЙСКОЙ И НОВОЗЕЛАНДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	82
Плаксин В. А. О ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ДЕРИВАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	89
Стародубова О. Ю. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	100

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Сиротин Д. В. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКРЕДИТЕМЫ	113
Юдина О. И. ГЛАГОЛЫ РЕЧИ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА И ИХ КОГНИТИВНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Т. ПРАТЧЕТТА СЕРИИ "DISCWORLD")	123

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сенченкова М. В. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ВИДА ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ АНАЛОГАМИ	131
Черноклинов Е. А. ВИДЫ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	139
Шляхтина Е. В. ПЕРЕДАЧА РИТМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. АТКИНСОН «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»)	149

CONTENTS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

I. Valuytseva, I. Khukhuni. A TERM AND A WORD: THE CORRELATION OF THE NOTIONS	6
T. Vasilenko, E. Shevarshinova. SPECIFIC FEATURES OF LINGUISTIC REALIZATION OF INFORMATIONAL MEDIA TEXTS (STUDY OF BBC TELEVISION NEWS PROGRAMMES)	17
T. Efimenko. ASSESSMENT MANIFESTATION IN MEDIA AND POLITICAL DISCOURSE	29
P. Kosta. ADJECTIVAL AND ARGUMENTAL SMALL CLAUSES VS. FREE ADVERBIAL ADJUNCTS – A PHASE-BASED APPROACH IN THE FRAMEWORK OF THE RADICAL MINIMALISM MODEL.....	40
V. Lukyanova. COMMUNICATIVE FAILURES IN ENGLISH ANIMATED MOVIES FOR CHILDREN	56
S. Madzhaeva, T. Lukyanova, A. Sinitsina. THE ROLE OF DICTIONARY IN THE PROFESSIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW FORMATION	64
E. Malyuga, S. Orlova. LEXICAL-SEMANTIC PROPERTIES OF DYSPHEMISMS IN CORPORATE COMMUNICATION.....	72
V. Oschepkova. LINGUOCULTURAL TYPE BOGAN IN AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND LINGUOCULTURES.....	82
V. Plaksin. ON PRODUCTIVE MODELS OF DERIVATION OF ECONOMIC PROFESSIONAL-TERMINOLOGICAL VOCABULARY	89
O. Starodubova. LINGUO-CULTURAL SITUATION THROUGH THE PRISM OF PRECEDENT PHENOMENON AS A REFLECTION OF INTERTEXTUALITY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION	100

SECTION II. GERMAN LANGUAGES

D. Sirotin. COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCREDITING IN POLITICAL DISCOURSE: DISCREDITEME STYLISTIC ASPECT.....	113
O. Yudina. SPEECH VERBS AS A MEANS OF CHARACTERIZING A NEGATIVE CHARACTER'S SPEECH AND THEIR COGNITIVE BASIS (STUDY OF T. PRATCHETT'S "DISCWORLD" SERIES)	123

SECTION III. COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

M. Senchenkova. GRAMMATICAL TENSE AND ASPECT CATEGORIES OF FRENCH VERBS IN COMPARISON WITH THEIR RUSSIAN ANALOGUES	131
E. Chernoklinov. KINDS OF MODAL MEANINGS IN RUSSIAN AND WESTERN LINGUISTICS.....	139
E. Shliakhtina. TRANSLATION OF RHYTHM FIGURES IN LITERARY PROSE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (A STUDY OF K. ATKINSON "LIFE AFTER LIFE").....	149

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81`37

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-6-16

ТЕРМИН И СЛОВО: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Валуйцева И. И., Хухуни И. Г.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с природой и отличительными особенностями термина как особой единицы языка в её отношении к слову. Анализируются парадигматика терминов (явления полисемии, омонимии, синонимии, антонимии), отношения терминов к номенам, а также проблема межъязыковой гармонизации и унификации терминов. Для решения поставленных в исследовании задач использованы общенаучный метод анализа специальной литературы и сопоставительный метод. Рассмотрение статуса терминов как особых единиц языка, различные аспекты их функционирования в языке и проблемы межъязыковой передачи позволяют уточнить ряд положений в теории термина и будут полезными как при разработке отдельных терминосистем, так и в преподавании терминоведения в высшей школе.

Ключевые слова: термин, слово, понятие, подчинение, переименование, парадигматика, номен, гармонизация

A TERM AND A WORD: THE CORRELATION OF THE NOTIONS

I. Valuytseva, I. Khukhuni

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The paper deals with some aspects of the nature of the term as a specific language unit and its relation to the word. The authors analyze the term paradigmatics (polysemy, homonymy, synonymy, antonymy) as well as a relation between the term and the nomen and the process of interlingual harmonization in terminology and the unification of terms. These issues are studied with general scientific research method of the special literature analysis and a comparative method. The study of terms as specific language units provides a possibility to clarify some aspects of the term theory and the results can be used in the development of different term systems and the terminology teaching in higher education institutions.

Keywords: term, word, concept, subordination, intersection, paradigmatics, nomen, harmonization

© CC BY Валуйцева И. И., Хухуни И. Г., 2019.

Проблематика, связанная с различными аспектами формирования, развития, употребления и перевода терминов, приобретала особую актуальность и привлекала пристальное внимание исследователей именно в периоды, характеризовавшиеся бурным ростом научных и технических достижений, становлением новых областей знания. Некорректное употребление терминов, незнание принципов организации и функционирования терминосистем могут привести к коммуникативным неудачам во всех сферах деятельности человека. В связи с этим можно утверждать, что XX – начало XXI в. – это уникальный период в развитии различных терминосистем, в разработке связанных с ними теоретических проблем терминоведения, лингвистических, философских и прикладных. В отечественном языкознании огромный вклад в разработку этих проблем внесли труды Д. С. Лотте [7], А. А. Реформатского [13; 14], В. М. Лейчика [6], Ю. Н. Марчука [8], С. В. Гринева-Гриневича [4], В. А. Татаринова [16], Е. С. Никитиной [9] и ряда других учёных. Представлены в отечественной науке и исследования по когнитивному изучению терминологии [3; 15], диахроническому терминоведению [17], нормализации и орфографической кодификации терминологических единиц [5], межъязыковой передачи терминов [2; 16].

Цель данного исследования – уточнение природы термина как особой единицы языка, соотношения объёма значения термина и слова, выявление их понятийных и лингвистических особенностей, универсальных и национально-специфических черт. Поставленная цель потребовала решения

следующих задач: 1) определить парадигматические отношения, присущие термину в рамках терминосистемы (полисемия, синонимия, антонимия); 2) сопоставить понятийные характеристики терминов и номенов и определить сходства и различия между ними; 3) изучить методы и способы унификации и гармонизации терминов для достижения нормализации терминосистем в национальном и международном масштабе; 4) отметить особенности межъязыковой передачи терминов и пути достижения эквивалентности при их переводе. Указанные аспекты рассмотрены комплексно в их единстве, в чём состоит научная новизна исследования и его оригинальность среди работ, посвящённых этой проблематике.

В первую очередь исследователей на протяжении практически всей истории отрасли привлекал вопрос о *понятийном содержании* терминологических единиц. Как отмечал В. А. Татаринов, понятие – «одна из наиболее обсуждаемых категорий терминоведения», поскольку «для терминологической работы необходимо аксиоматически принять некоторые минимальные логические положения, относящиеся к понятию... Глубина знаний... логических проблем терминоведения будет напрямую оказывать влияние на результативность терминологической работы, поскольку логические знания, не относясь к предмету терминоведения, являются элементом общего образования терминолога»¹.

Определение понятийной составляющей термина важно и потому,

¹ Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 143–144.

что вопрос об отношении слова к понятию традиционно рассматривается как один из ключевых моментов, определяющих понимание сущности этой языковой единицы. Обычно при этом утверждаются, с одной стороны, неправомерность их отождествления («Отношения слова и понятия не так просты, как это иногда пытаются установить, так как не каждое слово выражает понятие» [12, с. 64]), а с другой, – что «отчетливой границы между теми именами, которые можно назвать понятиями, и теми, которые не относятся к понятиям, не существует»¹.

Подчеркнём, что рассмотрение терминов как составной части словарного состава языка может сопровождаться формулировками, в которых два названных явления трактуются не как находящиеся в отношениях субординации (т. е. слово рассматривается как более общее, родовое, а термин – как видовое обозначение, поскольку все термины (за исключением сложных) представлены словами, но далеко не все лексические единицы являются терминами), а фактически как перекрещивающиеся, т. е. речь может идти именно о частичных (хотя и достаточно значительных) совпадениях их объёма при некотором несовпадении. Во всяком случае, именно так можно при буквальном понимании интерпретировать следующее утверждение: «При рассмотрении статуса термина, прежде всего, необходимо обратить внимание на его взаимоотношения с основной единицей языка – словом. Проблема соотношения термина и слова долгое время являлась одной из наиболее важных в терминоведении и в первую

очередь привлекала внимание исследователей, так как нельзя говорить о задачах терминологической работы, не определив, что такое термин, а такое определение предполагает обязательное установление соотношения между термином и словом» [4, с. 23].

Остановимся на основных признаках, опираясь на которые, термины традиционно противопоставляли остальным словам, составляющим лексический уровень языка.

Первый отличительный признак – это различное отношение к тому, что определяет парадигматику слова. Речь идёт о таких явлениях, как полисемия и вхождение в синонимические и антонимические отношения.

В любом труде, в котором рассматриваются проблемы лексикологии, можно найти такие формулировки: «Полисемия, т. е. “многозначность”, свойственна большинству обычных слов. Это вполне естественно. Слова как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на ее часть» [12, с. 81]. По мнению Реформатского, у терминов – своя специфика: «Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно приобретает однозначность» [12, с. 115]. Как утверждает К. Я. Авербух, это неперемное условие существования термина как феномена, «ибо термин существует лишь постольку, поскольку является элементом этой системы» [1, с. 11].

Однако высказываются и иные, достаточно противоречивые точки зре-

¹ Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Владос, 1997. С. 272.

ния на полисемию термина¹. Причём речь идёт не только о явлении межнаучной омонимии (т. е. когда одно и то же слово входит в состав разных терминосистем). Для «обычных» лексических единиц (т. е. не имеющих терминологического характера) случаи типа *ядро* в его физическом, биологическом или (устарелое) артиллерийском употреблении рассматривались бы как полисемия, поскольку здесь имеет место метафорический перенос. В терминологии такое явление интерпретируется иначе. Как писал С. В. Гринев-Гриневиц, «если данная лексическая форма имеет другое значение в других областях, то это не влияет на однозначность в данной области знаний – например, термин “морфология” используется в геологии, биологии и языкознании, имея в каждой из этих наук точное значение» [4, с. 31]. В то же время далее учёный замечает: «Наблюдения показывают, что многие термины многозначны, причем особенно неудобна категориальная многозначность, когда в пределах одной терминологии одна форма используется для обозначения операции и ее результата» [4, с. 31] (см. также [11]). Можно добавить, что в лингвистике применительно практически ко всем уровням языковой структуры используется один и тот же термин для обозначения объекта исследования и отрасли, которая ей занимается, например такие термины, как *фонетика*, *грамматика* и т. п.

Что касается синонимии, у С. В. Гринева-Гриневица есть указание на то, что одним из требований,

предъявляемым к терминам и терминотемам, является её отсутствие. Одновременно он отмечает: «В то же время во всех областях терминологической лексики встречается большое число синонимов, а некоторые виды синонимии (между заимствованными и автохтонными терминами, неологизмами и устаревающими терминами и т. п.) носят регулярный характер; число синонимов может быть очень велико – медицинский термин *кандида альбиканс* имеет более 100 синонимов» [4, с. 32].

Наряду с указанием на нежелательность синонимии в терминосистемах как противоречащей задачам их функционирования можно встретить и суждения противоположного характера, подчёркивающие её положительную роль. Такую точку зрения находим, например, у В. А. Татарина: «Технический язык подтверждает, что синоним (и вариант) в терминологии – далеко не дублет, а активное языковое средство фиксации нового взгляда на предмет мысли. С помощью множественности номинативных средств языка реализуется лабильность мыслительных структур, поэтому синонимия – признак ... развивающейся науки. Чем выше уровень развития науки, тем синонимичнее мышление специалиста»².

Антонимия достаточно широко представлена в различных терминосистемах (ср. замечание В. Ф. Новодрановой: «...языку науки в большей степени, чем литературному языку свойственна антонимия, т. к. одним из механизмов, организующих понятия в

¹ Татарин В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 138

² Татарин В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 175.

систему, является механизм противопоставления» [10, с. 51]), но она всё реже становится предметом специальных дискуссий. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что если возникает вопрос о том, насколько существование синонимов или омонимов целесообразно для терминосистемы, то относительно антонимии сомнения вряд ли имеют место. Трудно представить себе смешение понятий типа *самец / самка*. Однако терминологическое употребление лексем может порождать эффект, напоминающий явление энантиосемии, т. е. развития антонимических значений внутри одного слова. Характерный пример приводит в своей работе С. В. Гринев-Гриневич: «Лексическое и терминологическое значения могут вступать в различные отношения между собой, начиная от полного соответствия, частичного несоответствия... и кончая полным несоответствием (*шов* имеет лексическое значение ‘плотное скрепление’, а используется в строительстве в прямо противоположном значении ‘прорезь, щель’)» [4, с. 31]. Добавим к сказанному, что с этой лексемой оказывается связанной и междо-терминологическая антонимия – ср. её функционирование в медицинской терминологии: «Наиболее распространенный способ соединения биологических тканей... с помощью шовного материала»¹.

При рассмотрении вопросов, имеющих отношение к природе и функ-

ционированию терминов, возникает ещё один вопрос, связанный с тем, что круг специальных лексических единиц не ограничивается терминами, а включает в себя и так называемые *номены* (номенклатурные обозначения, именуемые также номенклатурными наименованиями и номенклатурными знаками).

Обратимся к формулировке О. С. Ахмановой: «... говоря о терминологии, необходимо учитывать различие, которое проводится у нас достаточно последовательно между понятиями терминологии и номенклатуры. Терминология – это система понятий данной науки, закрепленных в соответствующем словесном выражении. Номенклатура же – это система названий для данной совокупности более или менее конкретных объектов, составляющих содержание различных частей данной научной области в целом. Так, например, “агглютинация”, “флексия”, “фонема”, “грамматика” – это термины, служащие для выражения и закрепления общелингвистических таксономий. Саксонский генитив на “с”, русские синонимичные союзы “только – токмо”, арабский “айн” и пр. – это номенклатурные знаки, названия частных объектов, количество которых совершенно необозримо велико»².

Само различие было сформулировано гораздо раньше. В 30-е гг. XX в. о нём писал Г. О. Винокур, затем оно нашло отражение в деятельности А. А. Реформатского. Изучение специфики номенов и их соотношения с

¹ Швы хирургические [Электронный ресурс] // Медицинская энциклопедия. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/34741/%D0%A8%D0%B2%D1%8B. (дата обращения: 11.03.2019).

² Ахманова О. С. Предисловие [Электронный ресурс] // Словарь лингвистических терминов. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worlddocuments/_htm (дата обращения: 11.03.2019).

терминами продолжилось и позднее, в частности в трудах С. В. Гринева-Гриневича, обратившего внимание как на определённые сходства между двумя названными пластами специальной лексики, так и на существенные отличия между ними. К первым – помимо принадлежности к специальной области знания – учёный относит независимость от контекста, принадлежность к нейтральному слою лексики, целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи. Ко вторым – абстрактность и условность, сближающие номены с именами собственными, а также различие в дефиниционном отношении: «Номенам науки и искусства дефиниция, как правило, не нужна. В технике же, если дефиниция термина чаще всего содержит указания на ближайший род и отличительные видовые признаки, то дефиниция номена должна содержать указание на термин, к которому она относится, и индивидуальные признаки обозначаемого ею объекта. Этот факт имеет колоссальное значение, поскольку позволяет в абсолютном большинстве случаев вообще отказаться от дефиниции для номенов, отразив в их форме необходимые индивидуальные признаки» [4, с. 41].

Среди перечисленных автором общих признаков остановимся на такой характеристике, как «целенаправленный характер появления». Вопрос о том, насколько язык поддаётся сознательному регулированию (и поддается ли вообще), вызывал острые дискуссии на протяжении многих веков. Однако в области специальной лексики и терминологии возможность регулирования практически никем и никогда не оспаривалась. «Договороспособность»

наглядно проявляется и в такой существенной части терминологической работы, как унификация терминов, позволяющая обеспечить их единообразное употребление и тем самым служащая систематизации терминологических систем. Существует несколько возможных способов систематизации терминов:

- стандартизация терминов,
- издание различного рода сборников рекомендуемых терминов,
- публикация нормативных словарей, содержащих списки языковых единиц, функционирующих в тех или иных областях человеческой деятельности,
- так называемая гармонизация терминологии, которая заключается «во взаимоувязке терминов как внутри отдельно взятого языка, так и на межъязыковом уровне»¹.

Рассмотрим подробнее последний способ систематизации терминологии. Внутриязыковую унификацию наглядно иллюстрирует пример, рассмотренный С. В. Гриневым-Гриневичем на материале лексемы *шов*. Он проследил историю её возникновения и развития, начиная с первой половины XVIII в. (как отмечается в работе, впервые названное слово было зафиксировано в 1731 г. со значением «место сшитых вместе кусков ткани, кожи и т. п.»), и показал, как изменение её семантики привело к появлению таких полярно противоположных значений, как «место плотного скрепления» и «прорезь, щель». Далее автор делает вывод: «для устранения противоречия было рекомендовано закрепить значение “про-

¹ Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 325.

резь, щель” за термином *стык*... За термином *шов* в таком случае остается значение “плотное скрепление”... Такое разграничение позволяет эффективнее и точнее использовать эти термины и может послужить основой для дальнейшей нормализации терминологии соединений строительных конструкций, хотя проблематика этой тематической группы не исчерпывается рассмотренными... вопросами» [4, с. 111].

Сложнее согласовать терминосистемы разных языков («внешняя гармонизация»), что необходимо при осуществлении специального (научного, технического, военного и т. д.) перевода.

Мы не ставили целью рассмотреть «подводные камни», которые связаны а) с возможностью неверной интерпретации текста, т. е. неправильным пониманием лицом, осуществляющим перевод, тех или иных элементов исходного сообщения – упомянем только, что наиболее яркими примерами считаются «ложные друзья переводчика» (типа *адекватного давления* для английского *adequate pressure*, т. е. *правильного выбора давления* или *перманентного превращения* – английское *permanent change* / *необратимое превращение* и др.); и б) с трудностями, вызванными грамматическим расхождением исходного языка и языка перевода (наличие / отсутствие артикля, несовпадение временных и видовых форм глагола и т. п.).

В лингвистических трудах неоднократно отмечалось, что «в том случае, если бы в переводном словаре каждому иноязычному термину соответствовал бы только один эквивалент, задача переводчика существенно упростилась бы... Однако изучение современных

переводных словарей показывает, что проблема установления строгих соответствий терминов различных языков ещё далека от своего решения.

...Несоответствие семасиологических систем разных языков находит подтверждение в существующих словарях в том, что, как правило, любому термину исходного языка соответствует не один, а несколько (часто разноплановых) аналогов в языке перевода... При этом переводчику нередко приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда ни одно из приводимых в словаре соответствий не передает контекстуального значения иноязычного термина и приходится подбирать новые варианты соответствий» [4, с. 115].

Ряд исследователей, по утверждению В. А. Татарина, подчёркивает первостепенную важность работы по интернационализации терминологии и её гармонизации в международном масштабе, её значимость для дальнейшего развития процесса глобализации в лингвистическом отношении («параллельно с интернационализацией терминологии осуществляются процессы интеграции общенационального языка») и настойчиво рекомендуют придать ему международно-правовой характер («интернационализация терминологии должна осуществляться благодаря правительственной поддержке и заключению соответствующих соглашений»¹). В связи с этим пропагандируется и тезис о необходимости «в деле создания терминологии опираться на международные термины, так как термины, созданные на национальном языковом материале

¹ Татарин В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 44, 46.

– общелитературном или профжаргоне, часто невозможно заимствовать и адаптировать в другие языки», и акцентируется внимание на значимости «социальных аспектов этой деятельности как осуществляемой на благо науки и сближения народов» [16, с. 41–42, 46]. Тем самым частная проблема, относящаяся к области прикладной лингвистики, приобретает немаловажное культурное и политическое значение.

Глобальность рассматриваемой проблематики не меняет того обстоятельства, что специалистам, работающим с терминами, приходится в первую очередь решать конкретные вопросы практического характера. В связи с этим называют обычно следующие направления работы по унификации терминологии (подробнее см. [4]):

- закрепление полученной терминологии в специальном издании – терминологическом словаре или сборнике. Принципами создания подобных лексикографических пособий и их реализацией занимается специальная область лингвистики – *терминография*, определяемая как дисциплина, предметом которой является проектирование, составление и использование словарей специальной лексики;

- стандартизация терминов, основное направление – фиксация специальной лексики, гармонизация научно-технической терминологии и обеспечение её сопоставимости на национальном и международном уровнях, обеспечение взаимосвязанного и согласованного развития лексических средств, используемых в информационных системах, а также выявление и устранение недостатков терминологической лексики в существующей литературе;

- разработка стандартов, носящих обязательный характер, за которыми должно быть признано качество арбитражности (возможности использования в суде) и тем самым наличие правового статуса;

- создание информационных тезаурусов – словарей, нормирующих специальную лексику в рамках определённой поисковой системы;

- разработка терминологических вопросов перевода научно-технических текстов, в том числе: наличие / отсутствие в языке перевода эквивалента терминам оригинала, возможность существования нескольких вариантов его передачи, стратегический выбор способов введения той или иной терминологической единицы в соответствующий подъязык и т. п.;

- терминологическое редактирование научно-технических текстов с целью повышения их качества, обеспечения нормированности специальной лексики и её соответствия существующим терминосистемам в конкретной области, а в случае использования новых терминов – проверка наличия у них ясной и точной дефиниции, компактности, однозначности и др.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. При рассмотрении сущностных характеристик термина особое внимание уделяется вопросу о его отношении к понятию. Специфика подхода к проблеме обуславливается тем, что, принадлежа лексической системе языка, термин обладает рядом специфических черт, позволяющих ставить вопрос о его отношении к слову.

2. При анализе функционирования термина в рамках соответствующей терминосистемы необходимо прини-

мать во внимание парадигматические отношения (полисемия, синонимия, антонимия), отдельные моменты проявления которых интерпретируются специалистами не вполне одинаково.

3. В круг специальных лексических единиц, помимо терминов, входят и номены. Их соотношение с терминами может быть расценено как различие категорий, обозначаемых в философии как единичное и общее, что обуславливает как наличие ряда общих черт с терминами, так и существенные отличия.

4. Присущий терминам целенаправленный характер появления пред-

полагает возможность сознательного регулирования и осуществления таких процессов, как нормализация, унификация и гармонизация в национальном и международном масштабе.

5. Наряду с решением задач общетеоретического характера представители современного терминоведения уделяют большое внимание практическим вопросам: стандартизации терминов, разработке принципов терминографии, улучшению качества научно-технических переводов, редактированию специальных текстов и др.

Статья поступила в редакцию 02.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново: Ивановский государственный университет, 2004. 252 с.
2. Борисова Л. И. Лексические проблемы научно-технического перевода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995. 47 с.
3. Гринёв-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Принципы развития познания, мышления и культуры в их лексическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 11.03.2019).
4. Гринева-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
5. Иванова О. Е. К проблеме орфографической кодификации терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 49–56.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
7. Лотте Д. С. Основы построения научной и технической терминологии. М.: Издательство АН СССР, 1961. 160 с.
8. Марчук Ю. Н. Основы терминографии. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. 76 с.
9. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М.: Наука, 1987. 143 с.
10. Новодранова В. Ф. Роль антонимии в организации терминосистемы // Терминоведение / под. ред. В. А. Татарина. Вып. 1–3. М.: Московский Лицей, 1996. С. 50–51.
11. Питка Я. А. Многозначность терминологии как проблема профессионального образования // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2016. С. 182–188.
12. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
13. Реформатский А. А. Мысли о терминологии (1932) // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 22–27.
14. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1968. С. 103–125.

15. Сорокина Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования: к основам когнитивного терминоведения: дис. ... докт. филол. наук. М., 2007. 385 с.
16. Татаринов В. А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации М.: Московский лицей, 2007. 384 с.
17. Хакиева З. У. Основные когнитивные диахронические особенности строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1 (61). С. 138–141.

REFERENCES

1. Averbuk K. Ya. *Obshchaya teoriya termina* [The general theory of the term]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2004. 252 p.
2. Borisova L. I. *Leksicheskie problemy nauchno-tehnicheskogo perevoda: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Lexical problems of scientific and technical translation: abstract of D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1995. 47 p.
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Principles of development of cognition, thinking and culture through the prism of lexicology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 11.03.2019).
4. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.
5. Ivanova O. E. [To the problem of spelling codification of terminology]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhskii philological bulletin], 2016, no. 3, pp. 49–56.
6. Leichik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 256 p.
7. Lotte D. S. *Osnovy postroeniya nauchnoi i tekhnicheskoi terminologii* [Fundamentals of scientific and technical terminology]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1961. 160 p.
8. Marchuk Yu. N. *Osnovy terminografii* [Fundamentals of terminography]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1992. 76 p.
9. Nikitina S. E. *Semanticheskii analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki* [Semantic analysis of the language of science: on the basis of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 143 p.
10. Novodranova V. F. [The role of antonymy in the organization of the term system]. In: *Tatarinov V. A., ed. Terminovedenie* [Terminology]. Iss. 1–3. Moscow, Moskovskii Litsei Publ., 1996, pp. 50–51.
11. Pitka Ya. A. [The ambiguity of terminology as a problem of professional education]. In: *Diagnostika i prognozirovanie sotsial'nykh protsessov: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ch. 2* [Diagnostics and forecasting of social processes: proceedings of the international scientific-practical conference. Vol. 2]. Belgorod, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov Publ., 2016, pp. 182–188.
12. Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.
13. Reformatsky A. A. [Thoughts on terminology (1932)]. In: *Sovremennye problemy russkoi terminologii* [Modern problems of Russian terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 22–27.
14. Reformatsky A. A. [The term as a member of the lexical system of the language]. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 103–125.
15. Sorokina E. A. *Kognitivnye aspekty leksicheskogo proektirovaniya: k osnovam kognitivnogo terminovedeniya: dis. ... dokt. filol. nauk* [Cognitive aspects of lexical design: the foundations of cognitive terminology: D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2007. 385 p.

16. Tatarinov V. A. *Metodologiya nauchnogo perevoda: K osnovaniyam teorii konvertatsii* [The methodology of scientific translation: the foundations of the theory of conversion]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 2007. 384 p.
17. Khakieva Z. U. [The main cognitive diachronic peculiarities of construction terminology]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 7–1 (61), pp. 138–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета;

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Хухуни Илья Георгиевич – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета;

e-mail: joiliko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Valuytseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Ilya G. Khukhuni – Postgraduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: joiliko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валуйцева И. И., Хухуни И. Г. Термин и слово: соотношение понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 6–16.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-6-16

FOR CITATION

Valuytseva I. I., Khukhuni I. G. A term and a word: the correlation of the notions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 6–16.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-6-16

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-17-28

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТНЫХ ВЫПУСКОВ БИ-БИ-СИ)

Василенко Т. С., Шеваршинова Е. И.

*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной работы является рассмотрение языковых особенностей такой разновидности информационных медиатекстов, как телевизионные тексты. Автором отмечается, что наряду с информативной функцией медиатексты выполняют функцию воздействия, а именно манипулируют сознанием аудитории. В статье представлено понятие телевизионного медиатекста и описан его специфический характер по сравнению с прочими разновидностями медиатекстов. В качестве материала для анализа автором выбраны информационные медиа тексты Би-би-си. Приведён ряд примеров из новостных медиатекстов и проведён их детальный анализ. Автором отмечается, что наряду со структурными особенностями и подбором материала большую роль в оказании воздействия играют языковые средства – лексические, синтаксические и просодические. В конце статьи автор делает вывод, что, учитывая специфику информационных медиатекстов, основную роль в реализации функций сообщения и воздействия играют языковые средства.

Ключевые слова: медиатекст, информационный медиатекст, информационная функция, манипуляция, прагматическое воздействие, лингвистические средства, просодия

SPECIFIC FEATURES OF LINGUISTIC REALIZATION OF INFORMATIONAL MEDIA TEXTS (STUDY OF BBC TELEVISION NEWS PROGRAMMES)

T. Vasilenko, E. Shevarshinova

*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
26 ulitsa Stepana Razina, Kaluga 248023, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the work is the analysis of linguistic features of television informational media texts. The author points out that alongside the informational function media texts carry out the pragmatic function, namely, they manipulate the public opinion. Besides, there is a definition of the media text and some considerations concerning its specific features as compared to other types of media texts, i.e., wide audience, video image, etc. British Broadcasting Corporation media texts have been chosen by the author as the object of analysis. A number of examples from recent BBC media texts are given and their analysis is conducted. The author states that alongside the text structure and the choice of material itself much attention should be paid to linguistic means: lexical, syntactical and prosodic. The author draws a conclusion that taking into consideration the specific features of media texts, linguistic means play the leading role in fulfilling the informational and pragmatic functions.

Keywords: media text, informational media text, informational function, manipulation, pragmatic influence, linguistic means, prosody

В связи с большим количеством происходящих в мире событий, а также повышением уровня информатизации средства массовой коммуникации занимают весьма важное место в жизни общества. Согласно мнению большинства исследователей средств массовой коммуникации, основной задачей СМИ является удовлетворение информационных потребностей аудитории, а именно её информирование о происходящих событиях, т. е. объективное представление событий. В данном случае под объективностью мы понимаем попытку эмоционально преподать не окрашенную новость, т. е. отделить факт от мнения [25]. Таким образом, объективность главным образом подразумевает реализацию функции сообщения при отсутствии любой степени оценочности и эмоциональности. Однако в настоящее время многие исследователи всё чаще говорят о прагматическом воздействии СМИ, т. е. их манипулятивном характере [1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 18, 22, 23]. Вслед за Г. В. Грачевым и И. К. Мельником под манипуляцией следует понимать «процесс использования различных средств для изменения поведения человека или его целей, намерений и установок в интересах субъекта воздействия» [6]. Большинство авторов сходятся во мнении относительно отрицательного характера манипуляции, т. к. она представляет собой форму воздействия, основанную на внушении, носит скрытый характер, а также ставит своей целью формирование искусственных мотивов и желаний, зачастую не совпадающих с истинными

желаниями и потребностями индивида [11].

Следует отметить, что любой отдельно взятый текст СМИ, а именно медиатекст, оказывает то или иное воздействие на аудиторию. Вслед за Г. Я. Солгаником под медиатекстом мы понимаем некоторую разновидность текста, передаваемого при помощи средств массовой информации и рассчитанного на массовую аудиторию [19]. Данный термин появился в литературе сравнительно недавно, а именно в 90-х гг. XX в., и широко рассматривается в работах как отечественных исследователей – Г. Я. Солганик [19], С. И. Тресковой [21], А. А. Тертычного [20], Т. Г. Добросклонской [8; 9; 10], Б. А. Зильберт [13], Е. А. Ереминой [12], так и зарубежных исследователей – Т. ван Дейка [3], А. Белл [24], Р. Фаулер [26], М. Монтгомери [27], П. Шленсингер [28] и др. Медиатекст представляет особый интерес с точки зрения манипулятивного потенциала в первую очередь потому, что он направлен на широкую аудиторию, а значит, может оказать воздействие одновременно на огромное количество людей. Данный факт не может не повлиять на содержание медиатекстов и их языковое оформление. Медиатексты отличаются высокой степенью разнообразия. По каналу распространения медиатексты можно подразделить на передаваемые при помощи печати, радио, телевидения и интернета. Предметом данного исследования является телевизионный медиатекст, представляющий собой медиатекст, который состоит из слов, видеоряда и звука,

последовательно и одновременно разворачивающийся в пространстве на вербальном, звуковом и видео уровне, образуя единое целое.

По содержанию телевизионные медиатексты могут носить информационный, аналитический, художественно-публицистический и рекламный характер. В данной работе представляется целесообразным более подробно остановиться на информационном медиатексте, передаваемом по телевидению. Данный выбор обусловлен тем, что именно в информационных медиатекстах весьма ярко отражается функция информирования в сочетании с манипулятивной функцией [14; 17]. Это связано, во-первых, с наличием у новостных программ довольно большой и разнообразной аудитории, что объясняется стремлением широких масс быть в курсе происходящих в мире событий, а также определённой периодичностью новостных выпусков, что даёт возможность донести до слушателя необходимую информацию. Преимущество телевидения по сравнению, например, с радио, состоит в наличии видеоряда, который в дополнение к звуковому ряду помогает зрителям лучше воспринимать информацию. Несмотря на наличие видеоряда, первое место, несомненно, занимает языковое оформление самого новостного текста. Таким образом, целью работы является анализ языковых, а именно синтаксических, лексико-семантических и просодических особенностей телевизионных новостных медиатекстов. Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что оно содержит комплексный анализ языковых средств, используемых в реализации функции сообщения и воз-

действия информационных медиатекстов. Практическое значение работы обусловлено возможностью использовать полученные данные в практике преподавания английского языка, а также для повышения качества работы теледикторов.

Для выявления языковых особенностей новостных медиатекстов нами был проанализирован ряд информационных телевизионных медиатекстов мировой и домашней службы Би-би-си за последние три года. Общее время звучания исследуемого материала составило 15 часов. Анализ отобранных медиа текстов состоял из следующих этапов:

- 1) содержательный анализ (анализ медиатекстов с точки зрения представленной в них информации и оценка её характера – положительная, отрицательна, нейтральная);

- 2) структурный анализ (анализ медиатекстов с точки зрения их составляющих);

- 3) синтаксический и лексико-семантический анализ (выявление синтаксических и лексико-семантических средств реализации информационной и прагматической функций);

- 4) просодический анализ (выявление просодических средств реализации информационной и прагматической функций).

При проведении просодического анализа были использован метод аудиторского анализа (слуховая интерпретация просодических характеристик анализируемых медиатекстов) и метод электронно-акустического анализа (с использованием программ *Praat* и *Speech Analyzer*).

На первом этапе все отобранные медиатексты были проанализирова-

ны с точки зрения содержания. В связи с этим следует отметить, что всё большее значение приобретают отбор событий для освещения, а также их расположение в определённой последовательности. В результате анализа ряда медиатекстов следует в первую очередь подчеркнуть преобладание в новостях негативной информации. Порядка 70 % информационных медиатекстов представляют собой сообщения о разнообразных катастрофах (например, наводнениях, засухах, землетрясениях, крушениях), террористических атаках и прочих видах насилия, политических и вооружённых конфликтах, антисоциальном поведении и т. д. Рассмотрим некоторые примеры «заголовков» новостей (headlines):

Flooding worst in 50 years as 150 000 flee in Paraguay, Argentina, Brazil and Uruguay. (December 2017)

Pakistan floods kill at least 53 after heavy rains. (April 2018)

Ecuador earthquakes: deaths rise to 272. (March 2017)

Italy PM makes fierce attack on Salvini and quits. (August 2019)

Brazil wildfires prompt prayers for Amazon. (July 2019)

Syrian rebels are forced from key stronghold. (August 2019).

Данного рода акцентуация ставит своей целью убедить слушателя в нестабильности, привить чувство неуверенности, посеять некоторого рода панику в обществе. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие каких бы то ни было положительных сообщений о событиях в странах третьего мира, что создаёт в сознании слушателей негативное представление о данных государствах, а именно об отсутствии в них стабиль-

ности, обусловленном постоянными природными катаклизмами и вооружёнными конфликтами.

Особого внимания заслуживает и сама структура информационного телевыпуска. Структурный анализ показал, что типичная телевизионная программа новостей имеет следующую структуру: приветствие ведущего и объявление программы; вступление (перечисление ведущим событий, которые будут освещены в деталях в основной части выпуска, основными задачами которого являются привлечение внимания и установление контакта с аудиторией); основная часть (каждая новость представляется в развёрнутом виде и состоит из текста, читаемого ведущим, репортажа корреспондента с места события, а также, в некоторых случаях, интервью с участниками события); заключение (ведущий суммирует освещённые в передаче события).

Следует, однако, заметить, что несмотря на важную функцию содержательной и структурной составляющей наибольшую роль в передаче информации и оказании воздействия на аудиторию играют языковые средства. В данной работе представляется целесообразным рассмотреть языковую реализацию телевизионных медиатекстов на синтаксическом, лексико-семантическом и просодическом уровнях. Вышеуказанные уровни играют важную роль в оказании воздействия на слушателя и весьма органично дополняют друг друга, способствуя реализации информационной и прагматической функций.

Как отмечает Т. Г. Добросклонская, одним из основных признаков новостного медиатекста является превалирующее число глагольных словосочета-

ний, что объясняется динамичностью новостного текста, задачей которого является осветить как можно больше событий при ограниченности эфирного времени [9]. Анализ ряда телевизионных медиатекстов позволяет отметить следующие часто используемые глагольные словосочетания: *to plead guilty, to accuse of a crime, to provide arms, to commit a crime, to suffer from, to adopt a constitution, to call for action, to find a solution, to occur, to start the scheme, to manage smb's finances, to cover the costs, to raise funds, to increase income, to form a government*.

Нельзя не обратить внимания на насыщенность новостного медиатекста лексическими соединениями, зачастую многокомпонентными, что объясняется ограниченностью новостного текста во времени. Выпуск новостей на телевидении подразумевает сжатие информации, что проявляется в увеличении числа лексических соединений, так как лексический способ соединения слов считается наиболее экономичным в плане использования языковых средств: *war conflicts, peace process, arms embargo, refugee camp, stock shares, insurance policy, tick-box process, mini-cab driver, customs union, victim impact statements, restoration work, food bank charity, job centre staff, withdrawal agreement*.

Говоря о лексических особенностях, нельзя не отметить лексики с преобладанием негативно-оценочного компонента. К данной группе следует отнести существительные *victim, conflict, crash, crisis, assassination, kidnapping, abduction, slavery, drought, food shortage, rebel, battle, power cut, damage* и проч. Среди глаголов весьма частотно использование слов *to behead, to kill, to die, to suffer, to intimidate, to murder, to*

destroy, to damage, to collapse, to attack, to threaten, to shoot dead и др. Особый потенциал воздействия, на наш взгляд, имеют прилагательные, зачастую в сочетании с наречием, которые формируют в сознании реципиента глубоко негативную картину происходящих событий. Рассмотрим некоторые примеры: *brutal, desperate, homeless, deadly, unjust, incompatible, filthy, negligible, terrible, tragic, badly damaged, completely destroyed* и др. Значительное усиление эффективности воздействия также достигается за счёт периодической повторяемости той или иной оценочной единицы во время освещения определённой новости.

There's been a dramatic rise in the number of people using food banks according to a charity.

And why is there so much hostility in the west to Islamic law?

Mr Conte said Mr Salvini had been irresponsible in creating a new political crisis for Italy for "personal and party interests".

The statement came after a violent night. The Headquarters of the Muslim Brotherhood were attacked and after deaths and injuries on both sides the building was burnt out and ransacked.

Also Iraq security tells us the corner is being turned in country, but the violence is not over yet.

Hezbollah says he was a martyr, Washington says he was a terrorist leader.

Таким образом, несмотря на требование объективности и беспристрастности при подаче материала, комментаторы всё чаще прибегают к лексике, которая недопустима при информационном освещении событий и характерна для аналитического, художественно-публицистического и рекламного жанра. Примером могут

служить следующие словосочетания с высокой степенью оценочности: *widespread international condemnation, terribly worrying, referred sarcastically as ..., clear violation of the Constitution, to whip up tensions, total chaos, hugely dangerous, frankly ridiculous, international condemnation, enormous risk*.

Что касается синтаксических соединений, наиболее распространёнными являются «прилагательное + существительное». Как правило, такие словосочетания не являются многокомпонентными и насчитывают в своём составе не более одного-двух ограничивающих (не описательных) прилагательных. Рассмотрим примеры: *violent crime, alternative arrangements, political agreement, presidential elections, surgical technique, artificial joint, mitigating circumstances, annual checks, medical regulation, serial killer, preventative measure, democratic vote, threatened coup, historic moment, public funds, educational standard, secondary schools*.

На грамматическом уровне насыщенность новостного текста различными видами пассивных глагольных форм и безличных конструкций объясняется стремлением к объективной подаче информации, к нейтральному стилю изложения. Данные конструкции могут быть использованы в текстах новостных сообщений с различными целями: передача информации без ссылки на источник с целью деперсонализации сообщения; употребление пассива в сообщениях, когда источник информации не указывается, но его существование подразумевается. Важно отметить, что замена активных глагольных форм на пассивные в новостных текстах может осуществляться специально с целью

интерпретировать информацию в выгодном политическом контексте, что является одним из способов манипуляции сознанием аудитории. При этом проведённый анализ показывает преобладание форм Present Indefinite, Present Perfect, а также Past Simple Passive. В качестве примеров рассмотрим некоторые пассивные конструкции из телесообщений канала Би-би-си:

Five Star are said to have been in discussions with the centre-left opposition Democratic Party about forming an alternative coalition.

His ruling contradicted that of a 2017 trial, during which Ms Hernández was found guilty and sentenced to 30 years.

She was originally charged with inducing an abortion, which is illegal in El Salvador.

Widespread damage is reported, with a bridge destroyed as far south as Guayaquil about 300 kilometers.

Mrs May's withdrawal agreement has been voted down three times by MPs.

Что касается других средств воздействия на синтаксическом уровне, отмечается использование вопросительных предложений, которые наиболее часто встречаются во вступительной части новостных выпусков и служат в первую очередь привлечению внимания слушателей к последующей информации за счёт высокой степени эмоциональности.

But was Nigeria willing to accept help?

And how is the country going to survive after such a crisis?

Why are US firms desperate to retain ageing staff?

Немаловажную роль также играет использование усилительных конструкций, которые призваны привлечь внимание зрителей к определённой информации, например:

What we hear less of are similar planned attacks that are foiled by the Afghan security forces, and there are plenty.

It is the widespread international condemnation that they are going to face now.

Несмотря на важную роль синтаксического и лексико-семантического компонента в языковой реализации новостных медиатекстов, на наш взгляд, в большой степени правильное просодическое построение помогает диктору достичь максимального эффекта сообщения и воздействия. Как отмечалось выше, при проведении просодического анализа были использованы методы аудиторского и электронно-акустического анализа. Применение данных методов позволило проанализировать следующие просодические характеристики:

– тональный уровень (измеряется в герцах: низкий (80–130 Hz), средний (120–190 Hz), высокий (более 200 Hz));

– тип ядерного тона (нисходящий, восходящий, ровный, нисходяще-восходящий, а также их разновидности – высокий, средний, низкий);

– громкость (измеряется в относительных единицах путём деления конкретного значения в децибелах на общее значение данной интонационной группы: низкая (0.88–1.03), средняя (1.04–1.09), высокая (1.10–1.25));

– скорость произнесения (измеряется в слогах в секунду: низкая (3.1–4.1), средняя (4.2–5.7), высокая (6–7.9));

– паузация (длительность пауз измеряется в миллисекундах: краткая (50–180), средняя (200–450), длительная (500–1100), сверхдлительная (более 1200)).

Следует отметить, что просодическая реализация находится в тесном взаимодействии с синтаксическим и

лексико-семантическим компонентом. Например, для достижения наибольшей степени прагматического воздействия эмоционально-оценочная лексика, как правило, выделяется в отдельную интонационную группу, произносится с высоким нисходящим тоном и сопровождается снижением темпа и последующей паузой малой или средней длительности. В ряде случаев отмечается заметное повышение громкости при произнесении данного компонента высказывания. При этом в большинстве случаев выделение происходит за счёт одного-двух просодических средств, в редких случаях – трёх и более.

Widespread damage is reported, with a bridge destroyed as far south as Guayaquil about 300 kilometers.

В данном примере отмечается акцентуация эмоционально-оценочного элемента *widespread damage* за счёт его выделения в отдельную интонационную группу и последующей паузы средней длительности (310 мс).

Особое просодическое оформление характерно также для некоторых синтаксических конструкций, например для вопросительных предложений, при подаче которых используются короткие интонационные группы, преимущественно высокий или средний нисходящий тон как в финальных, так и в нефинальных интонационных группах, высокая громкость и высокий темп. При этом в большинстве проанализированных случаев выделение конструкций такого рода происходит одновременно за счёт всех перечисленных просодических средств, что обеспечивает максимальное внимание слушателей и восприятие ими данной информации как наиболее важной в выпуске.

Рассмотрим пример фразы, взятой для анализа из новостных «заголовков»:

And why / are the Taliban / resurgent / in Afghanistan?

Данная фраза состоит из четырёх коротких интонационных групп. Их просодические характеристики представлены в табл. 1.

Таблица 1

Анализ просодических характеристик (на примере фразы из «заголовков»)

	Интонац. группа 1	Интонац. группа 2	Интонац. группа 3	Интонац. группа 4
Тональный уровень (Hz)	90	120	230	115
Ядерный тон	Низкий восходящий	Средний нисходящий	Высокий нисходящий	Средний нисходящий
Громкость (относ. ед.)	1.05	1.07	1.19	1.08
Скорость (сл/с)	6.2	6.7	6.8	6.8
Последующая пауза (млс)	62	70	1100	1500

Как видно из приведённого в табл. 1 анализа, выделение основной информации, которая содержится в третьей интонационной группе, происходит за счёт взаимодействия ряда просодических характеристик, а именно: повышения тонального уровня, высокого нисходящего тона, повышения громкости и более длительной паузы.

Просодические средства являются эффективными в привлечении внимания слушателей к определённой информации в сообщении за счёт того, что они весьма успешно контрастируют с большей частью сообщения, которая отличается высокой степенью просодической нейтральности, а именно средними интонационными группами, преобладанием низких и средних восходящих тонов в нефинальных интонационных группах и низких нисходящих тонов в финальных интонационных группах, средним темпом и средней громкостью. Анализ также показывает, что вступление к информационным выпускам отличается более высокой степенью интона-

ционной маркированности по сравнению с основной частью новостного выпуска, что представляется вполне логичным, так как основной задачей диктора является привлечение внимания зрителей к передаваемой информации.

Учитывая всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Информационные медиатексты, передаваемые по телевидению, выполняют как информационную функцию, так и функцию воздействия, т. е. манипулируют сознанием зрителей.

2. Информационные медиатексты обладают рядом признаков, которые отличают их от любого другого текста массовой коммуникации. Данные признаки включают в себя отбор материала, особенности его построения, а также языковые характеристики на синтаксическом, лексико-семантическом и просодическом уровнях.

3. Содержательный анализ отобранных медиатекстов позволяет отметить преобладание негативной информации, что способствует фор-

мированию определённой картины мира у телеаудитории.

4. На структурном уровне большую роль играет особое построение информационного медиатекста, а именно: освещение в первую очередь основных с точки зрения руководства телеканала новостей, а также расположение информации внутри основной части телевыпуска в определённой последовательности.

5. Синтаксические и лексико-семантические средства играют важную роль в информировании и оказании воздействия на аудиторию. Наиболее важными являются следующие: использование глагольных и многокомпонентных лексических словосочетаний, оценочной лексики, вопросительных и усилительных конструкций.

6. Аудиторский и электронно-акустический анализ просодических характеристик текстов теленовостей по-

казал, что они тесно взаимодействуют с синтаксическими и лексико-семантическими средствами в реализации манипулятивного воздействия. Среди них особое место занимают повышение тона и громкости, снижение скорости и паузация при выделении наиболее значимой с точки зрения диктора информации.

Таким образом, в данном исследовании была предпринята попытка выделить основные признаки телевизионного медиатекста информационного характера и систематизировать синтаксические, лексико-семантические и просодические характеристики, которые направлены на реализацию функций сообщения и воздействия. В дальнейшем представляется возможным рассмотреть гендерные различия в реализации новостных и других типов медиатекстов.

Статья поступила в редакцию 21.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. Л., Семенов В. С. Би-Би-Си: история, аппарат, методы радиопропаганды. Минск: Университетское, 1984. 234 с.
2. Валеева Е. С. Формы и методы воздействия на общественное мнение в региональной медиасистеме: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 201 с.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Власов А. И. Политические манипуляции. История и практика средств массовой информации. М.: Международные отношения, 1982. 304 с.
5. Ворошилов В. В. Журналистика. Базовый курс. Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2006. 640 с.
6. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Эксмо, 2002. 342 с.
7. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: УРСС, 2005. 288 с.
8. Добросклонская Т. Г. Информационная модель как инструмент анализа новостного дискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 1. С. 7–11.
9. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научнопрактическая конференция и II

- Международный научный семинар: сборник научных работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: Белгород, 2016. С. 13–22.
10. Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар: сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Н. С. Цветова. СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2015. С. 18–22.
 11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
 12. Еремина Е. А. Множественность форм прагматического воздействия англоязычного медиадискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 277 с.
 13. Зильберт Б. А. Социопсихоллингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. 212 с.
 14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004. 528 с.
 15. Кирия К. Д. Роль экстралингвистических факторов в создании телевизионных новостей // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2007. № 1. С. 72–78.
 16. Ковшова М. Л. Лингвистический анализ текста (речевая манипуляция) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 46–55.
 17. Крысенко В. Г. Социальная психология. СПб., 2007. 432 с.
 18. Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 160 с.
 19. Солганик Г. Я. К определению понятия «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–16.
 20. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. М.: Гендальф, 1998. 255 с.
 21. Трескова С. И. Социоллингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1989. 153 с.
 22. Чобанян К. В. Языковые средства и приемы привлечения внимания зрителей телевизионных новостей (на материале шапок и шпигелей телеканала Си-эн-эн) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 80–99.
 23. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Wiley Blackwell, 1991. 296 p.
 24. Chobanyan K. Shift to political topics as the main content strategy of American cable news // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2018. No. 3. P. 39–52.
 25. Dennis E. E., Merrill J. C. Media Debates. Issues in Mass Communication. London: Longman, 1996. 236 p.
 26. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 237 p.
 27. Montgomery M. The Discourse of Broadcast News. London: Routledge, 2007. 264 p.
 28. Schlesinger P. Putting “reality” together. BBC News. London: Constable, 1978. 304 p.

REFERENCES

1. Artemov V. L., Semenov V. S. *Bi-Bi-Si: istoriya, apparat, metody radiopropagandy* [BBC: history, apparatus, methods of radio propaganda]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1984. 234 p.
2. Valeeva E. S. *Formy i metody vozdeystviya na obshchestvennoe mnenie v regional'noi mediasisteme: dis. ... kand. filol. nauk* [Forms and methods of influencing public opinion in the regional media system: PhD thesis in Philological Sciences]. Kazan, 2009. 201 p.
3. Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p.

4. Vlasov A. I. *Politicheskie manipulyatsii. Istoriya i praktika sredstv massovoi informatsii* [Political manipulation. History and practice of media]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1982. 304 p.
5. Voroshilov V. V. *Zhurnalistika. Bazovyi kurs* [Journalism. Basic course] St. Petersburg, Publishing house of Mikhailova V. A. Publ., 2006. 640 p.
6. Grachev G. V., Mel'nik I. K. *Manipulirovanie lichnost'yu: Organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya* [Manipulation of personality: Organization, methods and technologies of information-psychological impact]. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 342 p.
7. Dobroslonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi)* [The study of media texts (research of modern English media speech)]. Moscow, URSS Publ., 2005. 288 p.
8. Dobroslonskaya T. G. [Information Model as an Instrument for the Analysis of News Discourse]. In: *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communicativity], 2016, vol. 5, no. 1, pp. 7–11.
9. Dobroslonskaya T. G. [News discourse as an object of medialinguistic analysis]. In: Kozhemyakin E. A., Polonskiy A. V., eds. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya: Aktual'nye problemy sovremennoi medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. II Mezhdunarodnaya nauchnoprakticheskaya konferentsiya i II Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar* [The modern media discourse in the perspective of theory, social practice and education. Issues of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad: II International Scientific and Practical Conference and II International Scientific Seminar]. Belgorod, Belgorod Publ., 2016, pp. 13–22.
10. Dobroslonskaya T. G. [Applied aspects of media linguistic studies]. In: Duskaeva L. R., ed. *Medialingvistika. IV Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii seminar* [Metalinguistic. IV international scientific and practical seminar]. St. Petersburg, School of Journalism and Mass Communications Publ., 2015, pp. 18–22.
11. Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipulyatsii* [The psychology of manipulation]. Moscow, CheRo Publ., 1997. 344 p.
12. Eremina E. A. *Mnozhestvennost' form pragmaticheskogo vozdeistviya angloyazychnogo mediadiskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [The multiplicity of forms of pragmatic impact of the English-language media discourse: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2007. 277 p.
13. Zil'bert B. A. *Sotsiopsikholingvisticheskoe issledovanie tekstov radio, televideniya, gazety* [Sociopsycholinguistic study of radio, television, newspaper texts]. Saratov, Saratov University Publ., 1986. 212 p.
14. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Algoritm Publ., 2004. 528 p.
15. Kiriya K. D. [Extra-linguistic Factors in Broadcast News Writing]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [The Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2007, no. 1, pp. 72–78.
16. Kovshova M. L. [The Linguistic Analysis of Texts (Language Manipulation)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2009, no. 1, pp. 46–55.
17. Krysenko V. G. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg, 2007. 432 p.
18. Mel'nik G. S. *Mass-media: psikhologicheskie protsessy i efekty* [Mass-media: psychological processes and effects]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 1996. 160 p.
19. Solganik G. Ya. [How to Attribute Text and Media Text]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [The Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2005, no. 2, pp. 7–16.

20. Tertychnyi A. A. *Analiticheskaya zhurnalistika: poznavatel'no-psikhologicheskii podkhod* [Analytical Journalism: a Cognitive-Psychological Approach]. Moscow, Gendal'f Publ., 1998. 255 p.
21. Treskova S. I. *Sotsiolingvisticheskie problemy massovoi kommunikatsii* [Sociolinguistic Problems of Mass Communication]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 153 p.
22. Chobanyan K. V. [Linguistic Means and Ways of Attracting Viewers' Attention to the News (Based on CNN Opens and Teases)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [The Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2015, no. 3, pp. 80–99.
23. Bell A. *The Language of News Media*. Oxford, Wiley Blackwell Publ., 1991. 296 p.
24. Chobanyan K. Shift to political topics as the main content strategy of American cable news. In: *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, no. 3, pp. 39–52.
25. Dennis E. E., Merrill J. C. *Media Debates. Issues in Mass Communication*. London, Longman, 1996. 236 p.
26. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London, Routledge, 1991. 237 p.
27. Montgomery M. *The Discourse of Broadcast News*. London, Routledge, 2007. 264 p.
28. Schlesinger P. Putting “reality” together. BBC News. London, Constable, 1978. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Василенко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского;
e-mail: tatvas_84@mail.ru

Шеваршинова Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского;
e-mail: shevarshinova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana S. Vasilenko – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the English language, Kaluga State University named after K. E. Tsiolhovski;
e-mail: tatvas_84@mail.ru

Elena I. Shevarshinova – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of the English language, Kaluga State University named after K. E. Tsiolhovski;
e-mail: shevarshinova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Василенко Т. С., Шеваршинова Е. И. Особенности языковой реализации информационных медиатекстов (на примере телевизионных новостных выпусков Би-би-си) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 17–28.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-17-28

FOR CITATION

Vasilenko T. S., Shevarshinova E. I. Specific features of linguistic realization of informational mediatexts (study of BBC television news programmes). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 17–28.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-17-28

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39

РЕАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ефименко Т. Н.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1,**Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу лексической репрезентации оценки в англоязычном медиаполитическом дискурсе. Цель работы состоит в рассмотрении и выявлении способов реализации оценки *Brexit* в англоязычных СМИ. Цель и задачи данной работы обусловили выбор методов исследования: метод аксиологического исследования, аналитический, дескриптивный и метод сплошной выборки. В работе уточняются определения политического и медиаполитического дискурса, оценки. Практические и теоретические результаты могут быть использованы магистрантами, аспирантами, филологами в курсах по лексикологии, стилистике, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии.

Ключевые слова: политический дискурс, медиаполитический дискурс, аксиология, оценка, *Brexit*

ASSESSMENT MANIFESTATION IN MEDIA AND POLITICAL DISCOURSE

T. Efimenko*Moscow City University**4 build. Vtoroy Selskokhozyaistvennyi proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract. This article deals with lexical manifestation of assessment in English media and political discourse. The work aims to scrutinize and find out the ways of *Brexit* assessment in English mass-media. Methods determined by the aim and tasks of the work are as follows: axiological, analytical, descriptive and continuous sampling method. The definitions of the terms political and media-political discourse, assessment and evaluation are refined. Practical and theoretical results will be of interest for post-graduates and specialist in philology and can be used in courses on lexicology, stylistics, cross-cultural communication and cultural linguistics.

Keywords: political discourse, media and political discourse, axiology, assessment, *Brexit*

Пожалуй, нет ни одного вида дискурса, в котором бы не нашлось места оценке. В качестве объекта оценивания выступают и участники дискурса, их поведение, и события (ситуации), и предметы. Дискурсивные исследования предполагают изучение текста как «вербальной составляющей устного или письменного общения и коммуникативную ситуацию, в которой есть участники и которые действуют в определенных обстоятельствах» [8, с. 125] и имеют конкретную

коммуникативную цель. Т. е. дискурс есть «лично, культурно и ситуативно детерминированная коммуникативная практика» [8, с. 125]. При всём разнообразии типов (видов) дискурсов политический дискурс является одним из наиболее активно исследуемых [1; 2; 5; 6]. В лингвистической литературе выделяются следующие параметры политического дискурса: интенция борьбы за власть, диалогичность, оценочность / эмоциональность, инсценированность [6, с. 21]. Оценочность политического дискурса и способы выражения прямой и косвенной оценки в его рамках рассматривались в работах Т. В. Грушевской, М. Р. Желтухиной, В. И. Карасика, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и др. [1; 4; 6; 7; 8; 12]. Оценку принято рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения [3, с. 5]. Оценка свойственна любому политическому тексту; она одновременно является его целью и свойством. Как справедливо отмечает Т. М. Грушевская, «реализация любого информационного политического сообщения имеет в своей основе пять основных целей: информационную, аналитическую, регулятивную, оценочную, пропагандистскую» [4, с. 32].

Несмотря на то, что политический дискурс неоднократно подвергался исследованиям, своей актуальности он не теряет. Комбинируясь с другими типами институциональных дискурсов, существует ряд интегрированных типов: медиаполитический, научно-политический и рекламно-политический. Медиаполитический дискурс, в свою очередь, подразделяется на два подтипа: политико-популярный (аги-

тационно-пропагандистское разъяснение широким массам позиций политических субъектов) и политико-аналитический (комментарии политических аналитиков относительно политических событий). Описание аксиологической структуры медиаполитического текста связано с решением круга задач медиалингвистики, политической и аксиологической лингвистики. Как справедливо замечает В. А. Марьянчик, «для науки и медиапрактики остается актуальным, с одной стороны, поиск оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с другой – создание инструментов выявления интенций автора» [9, с. 3].

В качестве предмета исследования в данной работе предлагается рассмотреть способы реализации оценки в англоязычном медиаполитическом дискурсе. Предполагается, что лексические единицы оценочного отношения есть инструмент выявления интенции автора, а именно – воздействовать на восприятие, мнение адресата относительно обсуждаемого события. Актуальным представляется и материал исследования: газетные новостные тексты о перспективах и последствиях *Brexit* для Великобритании. Данное событие становится центром внимания многих журналистов, политологов и обычных граждан как внутри страны, так и за рубежом. С приходом к власти Бориса Джонсона в качестве премьер-министра данное событие (*Brexit*) получило новый виток развития. Его заявление о том, что Великобритания намерена выйти из Евросоюза независимо от того, удастся ли сторонам достичь консенсуса относительно условий выхода (*no-deal Brexit*), не может остаться незамеченным. Цель данной

работы состоит в определении элементов положительной и отрицательной оценочности, выраженной эксплицитно и имплицитно в медиаполитическом англоязычном дискурсе.

Оценка, как известно, помогает дискурсу реализовать свои основные (базовые) функции: персуазивную, информативную, аргументативную, персуазивно-функциональную, делимитативную, групповыделительную [6, с. 145]. Кроме того, именно оценка способствует интеграции и дифференциации агентов политики, развитию конфликта и установлению консенсуса, осуществлению вербальных политических действий и информированию о них, созданию «языковой реальности» поля политики и её интерпретации, манипулированию сознанием и контролю за действием политиков и электората [12, с. 5]. Именно через репрезентацию оценки в политическом дискурсе происходит реструктурирование картины мира адресата (читателя или слушателя). Оценочная маркированность языковых единиц медиаполитического дискурса детерминирована интенциями адресанта. Человек оценивает события, происходящие в окружающем его мире, в соответствии с его нормами, ценностной картиной мира, восприятием. Вместе с тем необходимо отметить, что индивидуальное восприятие, «видение» и, следовательно, оценка будут обусловлены и сопряжены с коллективной оценкой. Таким образом, оценивание может быть групповым и индивидуальным.

Оценочность медиаполитического дискурса реализуется в основном в экспрессивном регистре, что позволяет воздействовать на сознание «толпы».

В. И. Шаховский выделяет следующие причины доминирования эмотивной оценки в политическом дискурсе:

- политическая ситуация, являющаяся «сильным эмоциогенным фактором»;
- «природный экспрессивный дух русского сознания»;
- возможность одновременно «воздействовать на *ratio* и *emotio* адресата»;
- самовыражение политического адресанта [11, с. 60].

Brexit – сложный политический процесс, воздействующий на эмоционально состояние каждого человека-представителя британского сообщества и, безусловно, вызывающий определённые эмоции и оценку происходящего. Тот факт, что одно и то же событие может получить разную оценку у разных людей, доказывает существование в обществе «разных групповых оценочных картин мира и разных типов субъектного оценочного позиционирования» [7, с. 17]. Субъектное оценочное позиционирование предполагает наличие разных точек зрения на тот или иной объект или событие с точки зрения разных субъектов оценивания или с позиции одного и того же субъекта, но в разные временные периоды и при разных обстоятельствах. Некоторые события получают амбивалентную оценку (хорошо / плохо), а в тех случаях, когда событие, явление, поведение или качество оказывается по-разному значимым, устанавливается «триангулярная оценка» [7 с. 24–25]. Триангулярность оценки проявляется в трёх разных точках зрения представителей британского сообщества относительно *Brexit*: 1-я «группа» – сторонники бескомпромиссного «жёсткого» выхода из Евросоюза (*no-deal Brexit*), 2-я

«группа» выступает за глобальный рынок и против выхода из ЕС и 3-я «группа» – сторонники выхода из ЕС, но при соблюдении и выполнении определённых условий (в том числе вопросов относительно границы между Республикой Ирландия и Северной Ирландией).

По характеру оценочной экспрессии языковые единицы конвенционально подразделяются на три группы: позитивнооценочные, негативнооценочные и нейтральные. Однако стоит учитывать наличие определённой оценочной шкалы, где оценка, сопряжённая с интенсификаторами / деинтенсификаторами, может смещаться по этой шкале. На этой шкале есть зона положительного, нейтрального (которая репрезентируется в языке гораздо реже) и отрицательного. Как справедливо отмечает Е. М. Вольф, «оценочная шкала представляет довольно сложную структуру. На ней находится ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей / убывающей. Это субъективный аспект оценки, дескриптивные признаки самих объектов в их нарастании / убывании, оценка, ориентированная на эти признаки» [3, с. 48–49]. Очевидно, что выбор оценки обусловлен нормой (национальной и социальной) и оценочным стереотипом, поскольку в «картине мира» участников коммуникации существует шкала оценок, определённых ценностей. Так, применительно к данному исследованию, оценка *Brexit* даётся самими британцами, исходя из ценностей их культуры, а именно *being insular* – быть островитянином (и не только с географической позиции, но и быть вдали от проблем, которые «захлестнули Европу и весь мир»). Именно выход из Евросоюза, по мнению

сторонников, будет способствовать сохранению ценностей страны, поможет избежать проблем с иммигрантами и т. д. Оценка «хорошо» на оценочной шкале будет соответствовать норме, т. е. тем положительным результатам, которые ожидаются после выхода из Евросоюза. В картине мира каждого социума есть некое «постоянное усреднённое представление о том или ином событии / явлении, т. е. объекте оценки с соответствующими признаками» [3, с. 61]. Очевидно, что любое несоответствие ожиданиям и какие-либо непредвиденные негативные последствия будут рассматриваться как отклонение от нормы и, следовательно, оцениваться отрицательно.

Анализ лексического материала – это не просто констатация фактов репрезентации оценки отдельного события посредством языковых единиц, но и выявление ценностных предпочтений / ориентиров для определения тенденции социального развития. Слова-операторы оценочного отношения актуализируют ценности социума, его поведение и отношение к событию или явлению. В случае с *Brexit* языковые единицы репрезентируют «раскол» общества сначала на 2 части: *Remains* и *Brexiters*; а в последнее время 3 части: *Remains*, *no-deal Brexiters* и *Brexiters with amendments to the agreement*.

В текстах оценочное суждение может быть выражено в явной форме, т. е. эксплицитно – через аксиологические номинативные средства, либо имплицитно – когда оценка контекстуально завуалирована. К имплицитным оценкам относят метафорические и эвфемистические замены прямых наименований, иронию, перифраз, т. е. структуры, «основанные на кон-

цептимальном механизме ментальной отсылки к уже осмысленному, существующему в опыте и способствующему реализации оценочного отношения [10, с. 47]. Таким образом, оценочное отношение может реализовываться самим контекстом: А *“no deal” Brexit does what it says on the tin. It means the UK and the EU has been unable to reach a withdrawal agreement. If this is the case, it means there will be no 21-month transition period. Consequently, consumers, businesses and public bodies would have to respond immediately to changes as result of leaving the EU. The UK is not gaining anything by having no transition period in this instance*¹ Выражение “no deal” Brexit номинирует определённое общественно-политическое течение, основной идеей которого является выход из ЕС независимо от того, примет ли Евросоюз условия соглашения. На первый взгляд, данное выражение не содержит оценки в самом значении, однако контекст раскрывает суть этой идеи. Компаниям и организациям придётся срочно реорганизовывать свой бизнес, что влечёт и потерю клиентов, и дополнительные расходы. Кроме того, выражение *has been unable to reach a withdrawal agreement* также является оператором формирования негативного мнения, отрицательной оценки. Неспособность найти компромиссное решение ведёт к негативным последствиям в секторе экономики. И в качестве заключения в данном контексте появляется фраза-подтверждение негативной оценки *The UK is not gaining anything...*

¹ Rossiter A. Brexit – the people and arguments for and against [Электронный ресурс]. URL: <https://about-britain.com/institutions/compare-brexit-arguments.htm> (дата обращения: 02.08.2019).

На сегодняшний день нет ни одной британской газеты, где не освещались бы вопросы относительно *Brexit*. Это свидетельствует о том, что общество крайне обеспокоено результатом этого процесса. Большое количество примеров с отрицательной оценкой обусловлено процентным соотношением «положительного» и «отрицательного» суждения в СМИ относительно *Brexit*. *After two and a half years of chaos and acrimony in Government, Parliament and among the people, the Brexit process is coming painfully to an end. But will Brexit now happen, or not?*². Слова *chaos* «хаос, неразбериха» и *acrimony* «злость, раздражительность» содержат оценку уже в своём значении. Она носит отрицательный (ситуация нестабильности и раздражительности), эмоциональный (люди испытывают определённые чувства), групповой характер (включает мнение социума).

*Most businessmen, and in particular the leaders of exporting companies and large companies, agree that leaving the EU would seriously damage their business and employment opportunities in the UK*³. Данный пример актуализирует отрицательную, рациональную оценку. Слово *damage* «ущерб, приносить вред, разрушать» содержит негативную оценку в своём значении; *seriously* – слово-интенсификатор, усиливающее негативную оценку, придаёт эмоци-

² Sandhu S. What is no-deal Brexit? The consequences of the UK leaving the EU without agreement // Inews: [сайт]. URL: <https://inews.co.uk/news/brexit/no-deal-brexit-what-meaning-uk-leave-uk-consequences/> (дата обращения: 08.08.2019).

³ Springford J. Boris Johnson and Brexit: what to expect // Centre for European Reform: [сайт]. URL: <http://cer.eu/insights/boris-johnson-and-brexit-what-expect> (дата обращения: 05.08.2019).

ональность / экспрессивность всему предложению. Рациональность оценки обусловлена фактом деятельности компании, в то время как групповой оценку делают лексические единицы – **most businessmen, the leaders of exporting companies and large companies**.

Finally, the political leadership of Britain faced a **profound loss**. The “leave” voters **rejected** both the Conservative and Labour parties. Both parties had endorsed remaining with the EU and saw many of their members **go into opposition** on the issue. Ultimately, it was a three-way **struggle**. Two established parties wanted to remain in the EU, and a third faction, drawn from both parties, **opposed** it. People in this third group saw both of the establishment parties as **hostile** to their interests. The possibility of Brexit **frightened** financial markets. They said so loudly¹. В этом тексте также отражена негативная оценка такого процесса как *Brexit*. Прежде всего, словосочетанием **profound loss**. Известно, что прилагательное **profound** само по себе не несёт отрицательной оценки, и, присутствуя в другом контексте (например, *profound knowledge* – глубокие знания), устанавливает положительную оценку. Применительно к данному контексту, и в совокупности со словом **loss**, выступает интенсификатором и придаёт больше негатива – «значительные убытки». Слова **reject, go into opposition, struggle** не только подчёркивают противостояние представителей партий относительно выхода из Евросоюза, но и указывают на непринятие интересов, идей, взглядов оппозиции. Все эти слова подразуме-

вают «нечто нехорошее», некое «отклонение от нормы». Кроме того, отметим в этом примере лексические единицы **hostile** «враждебно настроенный, т. е. не принимающий взгляды других», **frightened (financial markets)** «отпугивать финансовые рынки», которые содержат отрицательную оценку в своих значениях. По характеру – это отрицательная, абсолютная, групповая, рациональная, отчасти субъективная (мнение группы, не большинства) оценка. Стоит отметить, что данная оценка способствует конструированию контекстуального смысла, т. е. является оператором оценочного смысла и модификатором общего смысла. Совершенно очевидно и «разделение» политического сообщества на 3 группы: 2 – «против выхода из ЕС» и 1 – «за». Таким образом, лексические единицы оценочного отношения дают возможность проследить некую тенденцию в британском сообществе.

While it is a possibility, in reality **neither** the UK **nor** the EU would **favour** a no deal because it signals a **poor** political relationship. The UK would **revert to** World Trade Organization rules on trade. While Britain would no longer **be bound by** EU rules, it would have to **face** the EU’s **external tariffs**. The **price** of imported goods in shops for Britons could **go up** as a result.... Some British-made products may be **rejected** by the EU as new authorization and certification might be required². Отрицательная конструкция **neither ... nor** актуализирует негативную оценку *no-deal Brexit*; **neither the UK nor the EU would favour** – ни одна из сторон не выступит «за».

¹ Springford J. Boris Johnson and Brexit: what to expect // Centre for European Reform: [сайт]. URL: <http://cer.eu/insights/boris-johnson-and-brexit-what-expect> (дата обращения: 05.08.2019).

² Springford J. Boris Johnson and Brexit: what to expect // Centre for European Reform: [сайт]. URL: <http://cer.eu/insights/boris-johnson-and-brexit-what-expect> (дата обращения: 05.08.2019).

Далее идёт экспликация аргументации – **because... poor political relationship**. Само слово *poor* содержит сему «плохо» и даёт абсолютную отрицательную оценку политическим отношениям, которые могут возникнуть вследствие *no-deal Brexit*.

Двойственная оценка потенциальному результату *Brexit* даётся в следующем примере: *The Government would not have to pay the annual J13 billion contribution to the EU budget. However, Britain would lose out on some EU subsidies – the Common Agricultural Policy gives J3 billion to farmers. It is likely that both the EU and the UK will have to honour financial commitments under the 2019 budget*¹. С одной стороны, **would not have to pay the annual J13 billion contribution to the EU budget** для Великобритании не так уж и плохо, эта одна из причин выхода из ЕС, и имплицитно это означает, что Британия сможет сэкономить бюджетные средства. Однако в следующем предложении «появляется» фразовый глагол, репрезентирующий отрицательную оценку «понести убытки», – а это «плохо» для фермеров и для бюджета в целом. Таким образом, данные лексические единицы придают объективность, рациональность и безэкспрессивность оценке.

Рассмотрим следующий пример, где отрицательная оценка *no-deal Brexit* «жёсткого выхода» реализуется посредством лексической единицы **be unable**, которая в своём значении содержит сему «плохо», «то, что является отклонением от нормы» (норма – «смо-

жет»). Кроме того, выражение **would not be a great** выступает деинтенсификатором к существительному *incentive*, снижая эмоциональность оценки. *“It’s worth making the point that trade deals are about agreements with states. If the UK left without a deal showing it was unable to have constructive conversations with close trading partners [the EU], it would not be a great incentive for third parties,” says Dr Usherwood*².

*The new government may also try to convince businesses to prepare for no deal through stockpiling or sourcing more components from outside the EU. But British officials fear that this is unlikely to make a big difference if no deal happens: in April, several automotive companies shut down their plants for annual maintenance to coincide with a possible no deal, and are unwilling to incur the costs of doing so again. Small and medium-sized businesses are unwilling or unable to spend money on new supply chains that may not be needed. Some businesses argue that a depreciation of sterling after no deal will offset tariff and non-tariff costs of exporting (forgetting that imports will become scarcer and more expensive)*³. В данном примере ярко, хотя и имплицитно, прослеживается отрицательное отношение к «выходу из Евросоюза», поскольку предполагается ряд нежелательных последствий для компаний. Оценка с номинацией «плохо» репрезентируется посредством лексических единиц **fear, shut**

² Rossiter A. Brexit – the people and arguments for and against [Электронный ресурс]. URL: <https://about-britain.com/institutions/compare-brexit-arguments.htm> (дата обращения: 02.08.2019).

³ Springford J. Boris Johnson and Brexit: what to expect // Centre for European Reform: [сайт]. URL: <http://cer.eu/insights/boris-johnson-and-brexit-what-expect> (дата обращения: 05.08.2019).

down their plants, unwilling or unable, depreciation of sterling. Такие языковые единицы, как *fear* «испытывать страх» и *unwilling* «нежелание что-либо делать» придают всему высказыванию эмоциональность, а словосочетания *new government, British officials, some businesses* указывают на групповой и объективный характер оценки. Независимо от того, эксплицитно или имплицитно репрезентируется оценка, она раскрывает и отражает ценностную картину мира социума, его нормы, взгляды, мнения, концептуализацию явлений и событий, «внутренний мир сообщества».

*Yet Brexit will be a problem for British crews, who need certificates of competency. Once their certificates lapse, as with other professionals and trades, it may take years before the EU recognizes UK qualifications: we'll join a long queue of countries applying; and without recognized certificates, British citizens can't work*¹. В данном примере *Brexit* приравнивается к проблеме (что явно указывает на негативную составляющую), и далее приводится экспликация, аргументация оценки. Подобного рода аргументация делает оценку более убедительной и, вероятно, окажет влияние на формирование оценки у адресата. С другой стороны, репрезентация оценки в медиаполитическом дискурсе подчёркивает отношение сообщества к данному событию.

Следующий пример представляется весьма интересным, поскольку последствия *Brexit* приравниваются к «чрезвычайному положению». *London Ambulance Service (LAS) is set to hold talks with the military to line up support*

*for frontline crews in the event of Brexit sparking political unrest. ... LAS chiefs yesterday formally added Brexit to its "risk register" as a "red alert" and held discussions in private about the financial implications of leaving the EU. A report to the LAS board warned there was a risk that it "may not be prepared for potential disruption" following Brexit, which could harm patient care and the trust's finances*². Оценка носит негативный характер и реализуется посредством метафор *"risk register"* «реестр риска» и *"red alert"* «высшая степень боевой готовности», заимствованных из военно-политического дискурса. На наш взгляд, автор данных слов делает это интенционально: во-первых, учитывая статус и профессиональную принадлежность участников коммуникации, и во-вторых, подчёркивая степень сложности и опасности ситуации. В подтверждение этому используются такие лексические единицы, как *warned there was a risk, disruption, harm patient care*. Данные языковые единицы являются операторами репрезентации оценки, с одной стороны, и операторами конструирования эмоциональности / экспрессивности, с другой, поскольку заставляют адресата сформировать (через восприятие) своё видение ситуации и оценить её. «Выражение оценки в дискурсе связывается с эмоционально-смысловой интенсификацией высказывания, особенно в плане экспрессивного его структурирования» [10, с. 35].

Эмоционально и негативно окрашенную оценку получает *Brexit* и в следующем примере, где акцентируется внимание на мнении представителей

¹ Toynbee P. As P&O shows, Britannia is floundering in the waves // The Guardian. 2019. Jan. 29th.

² Lydall R. Ambulance service seeks help from military if Brexit unrest // Evening standard. 2019. Jan. 30th.

бизнеса и системы здравоохранения. *Supermarkets would temporarily struggle to maintain supplies of fresh fruit and vegetables if the UK leaves the EU without a deal, senior executives have told MPs... The chief executive of University College London Hospitals trust said NHS officials were "very close to panic" as Brexit approached*¹. И тот, и другой высказывают общие опасения относительно предстоящего события.

Несмотря на преобладающее количество примеров с отрицательной оценкой, по мнению некоторых представителей британского сообщества, есть и положительные стороны *Brexit*, и это также находит своё отражение в англоязычном медиаполитическом дискурсе. *The second reason for Brexit is the rise of nationalism across the world*². В этом примере явно прослеживается репрезентация ценностей данной страны – *the rise of nationalism across the world* – рост патриотизма.

Патрик Минфорд, сторонник *Brexit*, даёт субъективную, положительную оценку данному процессу и подчёркивает *"this will bring us the full gains"* – мы получим максимальную выгоду. *Tory Brexiteer Sir John Redwood has said Britain could experience a "big economic boost" by not having to pay into the EU. "There are huge agendas of opportunity, which are being crowded out by endless remain propaganda from people who tell us falsehoods about what might happen if we just left," he said. Professor Patrick Minford,*

*a pro-Brexit economist, is in favour of the UK operating on WTO terms. "This will bring us the full gains from Brexit and by bringing them faster with no burdensome transition period," he said*³. Кроме того, ожидается экономический бум, открываются новые возможности.

Любое событие, тенденция, настроение граждан, политические события внутри страны сразу же находят своё отражение в языке. Проанализированный материал показывает, что *Brexit* вызывает огромное количество споров, противоречий как среди политиков, так и среди предпринимателей, представителей системы здравоохранения и рабочего населения. Таким образом, в англоязычных СМИ *Brexit* в большинстве случаев получает отрицательную оценку характеризуется как *"cause damage", "profound loss", "lose out", "would not be a great incentive", "depreciation of sterling", "problem", "risk register", "red alert", "risk", "harm", "disruption"*; сама ситуация и настроение в социуме описываются как *"chaos", "go into opposition", "struggle", "citizens can't work", "sparkle political unrest"*; эмоции, которые испытывают граждане в связи с предстоящим событием *"frightened", "fear", "unwilling", "very close to panic"*. Однако есть и сторонники данной теории и процесса, которые положительно оценивают *Brexit*: *"the rise of nationalism", "big economic boost", "huge agendas of opportunity", "in favour of", "will bring us the full gains"*.

¹ Wright O. We could run out of fresh fruit and veg, supermarkets warn // The Times. 2019. Jan. 29th.

² Mauldin J. 3 Reasons Brits Voted For Brexit // Forbes: [сайт]. URL: <http://www.forbes.com/sites/johnmauldin/2016/07/05/3-reasons-brits-voted-for-brexit/#38ce56481f9d> (дата обращения: 05.08.2019).

Статья поступила в редакцию 20.08.2019

³ Sandhu S. What is no-deal Brexit? The consequences of the UK leaving the EU without agreement // Inews: [сайт]. URL: <https://inews.co.uk/news/brexit/no-deal-brexit-what-meaning-uk-leave-uk-consequences/> (дата обращения: 08.08.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. 213 с.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ., нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. 4-е изд. М.: ЛИБРИКОМ, 2009. 280 с.
4. Грушевская Т. М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект): дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2002. 364 с.
5. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 31–44.
6. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX в.: Русские и немецкие политики: монография. Волгоград: ВФ МУПК, 2000. 264 с.
7. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
8. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
9. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 38 с.
10. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
11. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной языковой ситуации // Филологические науки. 1998. № 2. С. 58–63.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.

REFERENCES

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006. 213 p.
2. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Policy]. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 138 p.
3. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, LIBRIKOM Publ., 2009. 280 p.
4. Grushevskaya T. M. *Politicheskii gazetnyi diskurs (lingvopragmaticheskii aspekt): dis. ... dokt. filol. nauk* [Political Newspaper Discourse (linguopragmatic aspect): D. Thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2002. 364 p.
5. Dem'yankov V. Z. [Political discourse as a subject of political science philology]. In: *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya* [Political science. Political Discourse: History and Contemporary Studies], 2002, no. 3, pp. 31–44.
6. Zheltukhina M. R. *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX v.: Russkie i nemetskie politiki* [The comic in political discourse of the late XX century: Russian and German policy]. Volgograd, VF MUPK Publ., 2000. 264 p.
7. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language matrix of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2013. 320 p.
8. Karasik V. I. *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality]. Moscow, Gnozis Publ., 2015. 384 p.
9. Mar'yanchik V. A. *Aksiologicheskaya struktura media-politicheskogo teksta: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The axiological structure of the media-political text: abstract of D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2013. 38 p.

10. Serebrennikova E. F. [Key concepts of axiological analysis]. In: Vikulova L. G., ed. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: the ethnosemiotics of evaluative meanings]. Moscow, TEZAURUS Publ., 2011. 352 p.
11. Shakhovsky V. I. [Linguistic personality in emotional language situation]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1998, no. 2, pp. 58–63.
12. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Semiotics of political discourse: abstract of D. Thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2000. 31 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефименко Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
e-mail: tefimenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Efimenko – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of English Philology at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University;
e-mail: tefimenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефименко Т. Н. Реализация оценки в медиаполитическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39

FOR CITATION

Efimenko T. N. Assessment manifestation in media and political discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-40-55

МОДЕЛЬ «РАДИКАЛЬНОГО МИНИМАЛИЗМА» ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ (К КРИТИКЕ ПОНЯТИЙ «СОГЛАСОВАНИЕ», «УПРАВЛЕНИЕ», «СПЕЦИФИКАТОР»)

Коста П.*Университет Потсдам**D-14469, г. Потсдам, Нозн Палас, д. 10, Федеративная Республика Германия*

Аннотация. Статья посвящена многоаспектному описанию функционирования конструкций со вторым предикатом, выраженным прилагательным в форме творительного падежа или согласования. Исследование ограничено рассмотрением прилагательных во вторичной предикации; существительные, местоимения, причастия и краткие формы прилагательных не рассматриваются. В статье сопоставляются существующие в современной лингвистике подходы к исследованию и описанию конструкций с вторичной предикацией, в особенности семантический и синтаксический подходы, выявляются наиболее проблемные или вызывающие дискуссии в этой области, описываются синтаксическая структура и семантическое наполнение DepC и AgrC. Проведённое исследование позволяет утверждать, что на выбор формы падежа второго предиката решающее влияние оказывает семантика конструкции. Выявлен ряд закономерностей употребления и функционирования DepC и AgrC. Статистически подтверждено соотношение DepC и AgrC. В статье выявляется формальное различие в назначении падежа номинального или прилагательного дополнения в положении вторичного предиката.

Ключевые слова: небольшие предложения, изобразительные слова, результаты, предикаты уровня, предикаты индивидуального уровня, назначение падежа, инструментальный, русский синтаксис, минимализм, радикальный минимализм, депиктивная конструкция

ADJECTIVAL AND ARGUMENTAL SMALL CLAUSES VS. FREE ADVERBIAL ADJUNCTS – A PHASE-BASED APPROACH IN THE FRAMEWORK OF THE RADICAL MINIMALISM MODEL

P. Kosta*University of Potsdam**10 Neuen Palais, Potsdam D-14469, Germany*

Аннотация. The article describes functioning of constructions with the second predicate, expressed by adjectives. The research focuses on adjectives in secondary predication; nouns, pronouns, predicates and short forms of the adjectives are not considered. The article reviews approaches to the research and description of the constructions with secondary predication which exist in modern linguistics, especially semantic and syntactic approaches; most problematic and disputable questions are revealed; syntactic structural and semantic filling of DepC

и AgrC are described. The research allows to conclude that the choice of the case of the second predicate is determined by the semantics of the construction. A number of regularities of usage and functioning of DepCи AgrC is given. Formal difference in the purpose of the case of nominal and adjective supplement in position of secondary predicate is demonstrated.

Keywords: small clauses, depictives, resultatives, stage-level-predicates, individual-level-predicates, case assignment, instrumental, Russian syntax, Minimalism, Radical Minimalism

1. Формулировка гипотезы и постановка задач

В этой статье я хотел бы критически исследовать понятие малых предложений и полупредикативных дополнений, а также понятия «дополнение» и «спецификатор» и предложить более обобщённую модель, которая рассматривает спорные вопросы чередования именительного и творительного падежей в предложениях. Я предлагаю альтернативную модель Радикального Минимализма [33; 26].

Творительный предикативный падеж (ТП), который в корреляции с согласованной падежной формой предиката (чаще всего с именительным падежом) был предметом многочисленных дискуссий и исследований. Почему, например, можно сказать «*Деревья стояли голыми*», но нельзя сказать «*Морозы стояли сильными*», и какова разница между:

- (1) а. Она пришла домой усталая.
- б. Она пришла домой усталой.

Примеры (1а) и (1б) формируют корреляцию или вариативный ряд, где (1а) – это атрибутивная конструкция с согласованным вторым предикатом (ArgC), а (1б) – депиктивная конструкция с ТП (DepC). Части вариативных рядов могут показаться во многих случаях абсолютно синонимичными. Однако при детальном рассмотрении становится очевидным, что предпочтение зачастую отдается только одной из форм либо употребление одной из

форм вариативного ряда является сознательным или вовсе грамматически неверным. В связи с этим пристальное внимание требуют синтаксические особенности конструкций, отношения их компонентов, их семантические, грамматические, морфологические особенности, а также общая семантика конструкции.

На основе работ Бейлина [18] и Хинтерхельцля [23] сформировались два конкурирующих подхода к вопросу выбора падежной формы второго предиката – синтаксический и семантический. Так Хинтерхельцль утверждает, что именно семантика второго предиката способна допускать либо ограничивать использование падежных форм [23, p. 103]. Данная идея была переформулирована Бейлином и представлена мною в (2), акценты были также позаимствованы из работы Дж. Ф. Бейлина [18]. Бейлин сделал, в свою очередь, предположение (3) о решающей роли синтаксического фактора в выборе падежа второго предиката:

(2) The factors that determine which of the two predicate case forms, the agreeing or the invariant form, is appropriate in a given sentence are all semantic in nature.

(3) The factors that determine which of the two predicate case forms, the agreeing or the invariant form, is possible in a given sentence are all syntactic in nature.

Согласно недавней работе над русским и славянским синтаксисом

второстепенные «депиктивные» предикаты в основном считаются «непредложениями на предикатном слое предложения» (см. [39]). В отличие от наречий, которые изменяют предложение или VP, образные вторичные предикаты изменяют аргументы (субъекты или объекты). Фактически, в то время как наречия являются модификациями событий (наречия VP) или суждениями (наречия предложений) (ср. [29; 30]), образные предикаты являются модификациями аргументов.

При рассмотрении вопросов согласования и его связи с ТП высказывалось мнение относительно вытеснения именительного падежа творительным. Некоторые исследователи отмечают активную экспансию творительного и указывают на тот факт, что целый ряд носителей языка активно предпочитает форму творительного падежа именительному: “the secondary predicate in Russian, if secondary predicate if not reflected morphologically, is usually in the instrumental case” [38]. Бейлин и вовсе отрицает возможность согласования оформлять вторичную предикацию, о чём пойдёт речь далее в статье. Если это так, не может ли это означать, что семантические различия между *DepC* и *AgrC* недостаточно явные, чтобы обе конструкции продолжили своё существование?

Методология данного лингвистического исследования включает анализ научной литературы по грамматике, семантике и синтаксису падежей и глагольных вершин, по аргументной структуре предложения, а также по грамматике конструкций и семантике событий. Практической базой исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка

(НКРЯ), а также примеры, собранные посредством поисковой системы Google.

2. Современное состояние и общие характеристики ТП

Современные исследователи единодушно считают, что ТП достаточно сильно развит в русском языке и представлен не только существительными, но и прилагательными, причастиями и даже местоимениями. Конструкция с ТП всё чаще рассматривается не как синонимичная конструкциям с *Nom* во вторичной предикации (SP), а как обладающая явными семантическими отличиями. Кроме того, противопоставляются часто не *Ins* и *Nom*, а *Ins* и *Agr*. В рамках современной генеративной грамматики также сформировался синтаксический подход к описанию предикативного падежа.

3. Корреляция *Ins* и *Agr* во вторичной предикации

Мразек [10] отмечает доминирование *Ins* над *Agr*, отмечает и предлагает вариативный ряд, основанный на трёх группах глаголов, внутри предикативной конструкции. Если мы сконцентрируем внимание только на интересующих нас прилагательных в SP, получается следующее соотношение (примеры позаимствованы из работы Мразека [10]):

Ins / Agr при связке

(6) а. Было бы полезным выработать для различных зон нормативы.

б. Пурга обычно бывает и сильной, и продолжительной.

О корреляции в полном смысле слова здесь можно говорить только в случае глагола “быть”, хотя система языка и тяготеет несколько к форме *Ins*. При невыраженном глаголе «быть»

возможен, как правило, только *Not* [10, с. 224–225].

Ins / Agr при неполнознаменательных глаголах

(7) а. Он сделался серьезным.

б. Она стала уже взрослая.

В данной группе лексика неполнознаменательных глаголов также в целом «благоприятствует творительному падежу». *Not* здесь будет встречаться крайне редко [10, с. 225].

Ins / Agr при полнознаменательных глаголах

(8) а. Никто из вас живым оттуда не вернется.

б. Он первый предложил назвать Новый Свет Америкой.

В данной группе падежи коррелируются почти в равной степени с небольшим перевесом в пользу *Ins* (там же).

Н. Ю. Шведова выделяет пять вариативных рядов в корреляции *Ins / Agr*, среди которых также различаются группы со связками, глаголами движения, а также другими неполнознаменательными и полнознаменательными глаголами [4, с. 636–638]. Шведова так же, как и Мразек, отмечает преобладание формы *Ins*, которую она характеризует как нейтральную, а *Not* – как разговорную. Только в случае трёхчленного сочетания первого предиката, существительного в *Acc* и прилагательного в *SP*, Шведова говорит о примерно равной частоте употребления *Ins* и *Agr*.

Характеристики описанных выше вариативных рядов не являются абсолютными и исчерпывающими. Напротив, во многих примерах можно наблюдать широкий диапазон колебаний значений. Кроме того, если раньше исследователи отмечали синонимиче-

скую природу вариативных рядов [4], то сейчас преобладает противоположная точка зрения о несинонимической природе предикатов в формах *Ins* и *Agr*. Пожалуй, самые жаркие споры развиваются как раз по вопросу о том, что же лежит в основе выбора между *Ins* и *Agr* – синтаксические или семантические условия. Эти две точки зрения и формируют два основных подхода к описанию предикативных падежей.

4. Вторичная предикация (SP) и предикативные падежи

4.1 Определение вторичной предикации (SP) и ее основное значение

SP относится к полипредикативным конструкциям. В соответствии с определением Г. А. Золотовой полипредикативной можно считать ту конструкцию, в которой соотнесены две или несколько предикативных единиц. В каждой из них есть своё сопряжение имени признака (предиката) с именем предмета (субъекта) и свои грамматические характеристики времени, модальности и лица [5, с. 104]. Стригин [39] вывел минимальный набор характеристик, свойственных глагольным конструкциям во вторичной предикации:

1. Наличие, кроме финитного глагола, как минимум ещё одного члена, выступающего в качестве предиката в связке.

2. Вторичная предикация представляет собой семантический предикат одной из частей клаузы. Эти отношения характеризуются невыраженной связкой и немаркированными категориями времени и аспекта.

3. Вторичный предикат вместе с контролёром предварительно формируют семантический тип клаузы.

4. Семантическая структура клаузы с вторичной предикацией является сопряжённостью матричной клаузы и клаузы вторичной предикации.

Стригин описывает основное значение SP с помощью взаимодействующих компонентов конструкции, исходя из того факта, что предложения выражают ситуации. К основным компонентам значения он относит: *situation referent (s)* – ситуационный референт, которому будет соответствовать определённый отрезок реальности; *reference time rt(s)* – опорная точка времени ситуации; *τ(s)* – период развития ситуации. Помимо всего этого, Стригин отмечает также наличие обстоятельств (*eventualities*), обозначающих состояния и события, и субъектов действия (*actors*).

4.2 Синтаксические особенности SP

Бейлин отмечает, что глагол и его диатеза играют для полипредикативных конструкций определяющую роль. Он выделяет три типа конструкций в РЯ, различающихся по типу вторичного предиката [17, р. 4] (примеры (11–13) позаимствованы из работы Бейлина [18]):

1. Аргумент во вторичной предикации (*Secondary predicate arguments*):

(11) а. Он кажется глупым.

б. Он кажется дураком.

2. Именной адъюнкт во вторичной предикации (*Secondary predicate NP adjuncts*):

(12) а. Он работает врачом.

б. Они назвали его директором.

3. Адвербиальный адъюнкт во вторичной предикации (*Secondary predicate AP adjuncts*):

(13) а. Мы танцевали голыми.

б. Я нашёл его пьяным.

Как отмечает Бейлин, первые два типа предикатов способны принимать только форму *Ins* и никогда *Agr*, тогда как для третьего типа возможна альтернатива [17]. Можно также предположить, что вышеописанные типы можно соотнести с наличием или отсутствием валентности. Своей падежной безальтернативностью аргументы обязаны валентности, которая ограничивает выбор падежной формы. Тогда отношению аргумент / адъюнкт соответствует отношение валентность / невалентность.

4.3 Понятие и структура *Small clause (SC)* с вторичным предикатом

Small clause (малая клауза) является частью полипредикативных конструкций, где матричный глагол и вторичный предикат находятся в разных клаузах и возглавляют их [36]. Описать SC можно также с помощью общего определения, данного в другой моей работе [27, р. 1]: “*Small Clauses (SC)* are structures, which have clausal characteristics in that they contain a subject phrase and a predicate phrase”. По типу предикативной группы SC бывают номинативными, адвербиальными и адъективными, а по своим функциям походят на адвербиальные адъюнкты глагольных групп [27, р. 11–12].

Подлежащее малой клаузы во вторичной предикации занимает позицию, обычно не допускающую появления фонетически выраженного подлежащего, и обозначается как PRO. PRO может замещать целые именные группы (NP). Референция PRO к определённой NP определяется правилами контроля, а сама NP называется контролером PRO. PRO, в свою очередь, принимает признаки числа и рода от своего контролёра [13, с. 287–288]. По

типу контролера Тестелец делит SC на два типа: субъектные и объектные, т. е. контролируемые подлежащим и дополнением соответственно. В случае корреляции *Ins-Agr* во вторичной предикации PRO контролируется прямым дополнением (если оно есть у матричного глагола), а при его отсутствии – подлежащим. Т. е. вторичный предикат согласуется с контролером в рамках одной клаузы (по принципу локальности согласования) [13, с. 273]. Другими словами, “PRO is controlled by the nearest c-commanding potential antecedent” [18, p. 11].

5. Синтаксис падежей

5.1 Падежное согласование вторичного предиката

К предикативным падежам, согласованным с контролером, относятся *Nom* и *Acc*. *Nom* присваивается по следующему правилу, предложенному Бейлином: “Nominative case is assigned/checked by independent finite Tense under c-command” [17, p. 127]. Единственным структурным требованием к *Nom* является то, что элемент, которому присвоен *Nom*, должен быть в зоне с-командования личного, охарактеризованного по времени признака (finite Tense marker). Элемент, которому присвоен *Nom*, согласуется с глагольной вершиной по лицу и числу или числу и роду для прошедшего времени [там же].

Nom не может быть присвоен объекту переходного глагола из-за наличия более близкой составляющей, которая перекрывает зону с-командования абстрактной временной составляющей – это *V+v* (см. рис. 1). [17, p. 128].

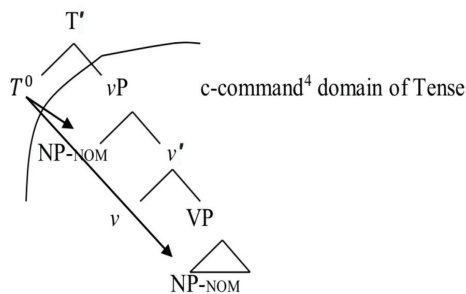

Рис. 1. Структура *Nom* по Дж. Ф. Бейлину [15, p. 28]

Если раньше в рамках генеративной грамматики считалось, что глагольная вершина просто присваивает *Acc* своему адьюнкту, то сейчас говорят о том, что *Acc* ассоциируется с Φ -функциями. После того, как *V* осуществляет подъём к *v*, образуется комплекс $[V+v]$, который присваивает *Acc* прямому дополнению [17, p. 130]. Таким образом, правило, по которому присваивается *Acc*, Бейлин формулирует так: “Accusative case is checked/assigned by (the Φ -features of) $[V+v]$ under c-command” [17, p. 131].

Согласование вторичного предиката в конструкциях с переходным глаголом происходит по схеме, представленной на рис. 2:

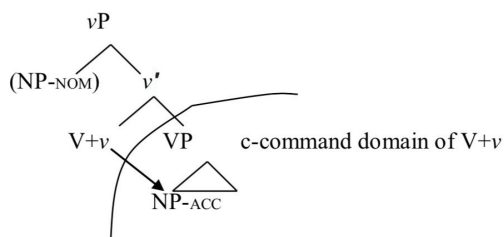

Рис. 2. Структура *Acc* [17, p. 131]

C-command – отношение командования составляющих. основополагающими условиями для командования составляющих является: А командует

В, если: 1) В является сестрой А или 2) В является составляющей сестры А любой глубины вложения [13, с. 120].

5.2 Структурный и ингерентный падежи в рамках теории абстрактного падежа Хомского

В соответствии с теорией падежа структурная позиция каждой NP должна быть синтаксически маркирована. Другими словами, NP в определённой позиции ассоциируется с определённой функцией, и каждая NP получает падеж от управляющего слова [13, с. 586–587]. Это соответствует основной идее теории абстрактного падежа. Понятию «абстрактный падеж» противопоставляется понятие «морфологический падеж»: «Абстрактный падеж – теоретический конструкт, морфологический падеж – одна из словоизменяемых категорий имени» [13, р. 587]. Из более общего понятия «абстрактный падеж» Хомского выводится понятие «ингерентный падеж», который противопоставляется структурному: “Structural case in general is dissociated from θ -role; it is a structural property of a formal configuration. Inherent case is presumably closely linked to θ -role” [20, р. 171]. Если провести параллель с глубинными падежами или универсальными семантическими ролями Ч. Филмора [22], то можно охарактеризовать структурные падежи как приписывающиеся на поверхностном уровне структуры, а ингерентные падежи – на уровне глубинной структуры.

Следуя грамматическим универсалиям Хомского, Аркадьев и др. описывают процесс присваивания падежной формы таким образом: «Падеж присваивается NP в процессе согласования вершины с NP по ф-признакам

(лицу, числу, возможно, роду/согласовательному классу). Вершины-источники падежа делятся на лексические, которые вступают во взаимодействие с собственными дополнениями, и функциональные, которые приписывают падеж ближайшей NP, доступной в их области с-командования. Падеж, приписанный лексической вершиной, называется ингерентным, падеж, связанный с функциональной вершиной – структурным» [2, с. 374].

5.3 Синтаксис творительного предикативного (ТП)

Бейлин [18] сравнивает два подхода к оформлению предикативного падежа. Первый (более старый) подход сформирован в рамках теории связывания и управления, в соответствии с которой лексический падеж присваивается лексической вершиной своему адьюнкту (см. рис. 3):

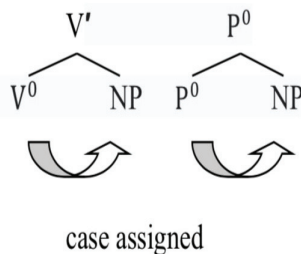

Рис. 3. Присвоение лексического падежа (по теории управления и связывания)

Опираясь на данную схему, Бейлин выводит правило присвоения ТП в духе теории управления и связывания: “Pred⁰ assigns Instrumental Case to its complement” [18, р. 8]. Однако разработанный Бейлином и Ситко минималистский подход к синтаксису предикативных падежей принципиально отличается от представленного выше, так как базируется на понятии case-on-

merge. В соответствии с данным подходом Бейлин утверждает, что *ингерентный падеж* должен оформляться за счёт операции слияния, а не присваивания падежа лексической вершиной, как предполагалось ранее. Таким образом, схема оформления творительного предикативного ингерентного выглядит так, как показано на рис. 4.

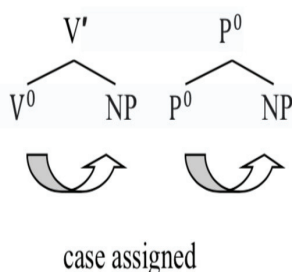

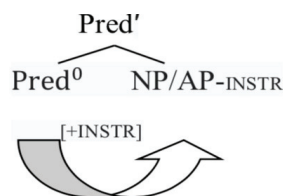
Рис. 4. Предикатная инструментальная проверка корпуса (Predicate Instrumental Case Checking) [18, p. 9]

В рамках того же подхода Бейлин выделяет две конфигурации вторичной предикации по типу вторичного предиката, который может выражаться либо аргументом, либо адьюнктом [17, p. 182]. Падеж аргумента оформляется за счёт механизма проверки признаков (feature-checking mechanism), который запускает операцию слияния (как на рис. 4). Прототипическими примерами, иллюстрирующими рис. 4, являются:

- (14) а. Он кажется дураком.
б. Он кажется глупым.

Падеж адьюнкта, в свою очередь, присваивается непосредственно матричным предикатом (см. рис. 5 и примеры к нему (15a) и (15b)).

Опираясь на идеи Бейлина [17; 18], подытожить вышесказанное можно в английской терминологии: Small clause argument case is checked by $Pred^0$; Small clause adjunct case is assigned by $Pred^0$

(15a) Она выросла красавицей.

(15b) Он пришел пьяным.

Рис. 5. Присвоение Ins адьюнкту $Pred'$ [17, p. 182].

Бейлин предполагает, что ТП соотносится с ингерентным (или лексическим) падежом, а согласованный вторичный предикат – со структурным. По мнению Бейлина, ТП оформляется за счёт абстрактной предикатной вершины $Pred^0$: “It (Ins) results from particular properties of the $Pred^0$ head itself, and cannot be directly derived from the configuration in which the predicate is located” [17, p. 8]. Примечателен также вывод Бейлина относительно разницы синтаксической природы *Ins* и *Agr*: ТП, по его мнению, формирует сильный ингерентный признак, который характеризует все вторичные предикаты в РЯ. Согласованные предикаты, однако, при идентичной структуре обладают своего рода дефектной предикативной вершиной, которая по неизвестным причинам не присваивает *Ins*, в связи с чем предикат малой клаузы осуществляет подъём к прямому дополнению или подлежащему в зависимости от типа конструкции [18, p. 18]. Таким образом, Бейлин выводит следующее предположение: “This leads us to the possibility namely that (in structures like *Я нашел его пьяного*) there is simply no $PredP$ structure at all [18, p. 18].”

5.4 Критика синтаксического подхода к оформлению *Ins* и *Agr* в *SP*

Попытка Бейлина [17; 18] выявить чёткие взаимосвязи между присваиваемым падежом и типом вторичного предиката (*argument* vs. *adjunct*) вызывает некоторые вопросы. В первую очередь это вопрос, что считать аргументом, а что адъюнктом. Не все исследователи придерживаются точки зрения Бейлина, скажем, на то, что ТП – это ингерентный, а *Agr* – структурный падежи. К примеру, Коста, в отличие от Бейлина [18] считает, что адъюнкты в роли предикатов в основном оформляются ингерентным (или лексическим) падежом.

Итак, спорным моментом является тема валентности, в том числе и разногласия по поводу количества аргументов в диатезе. Уже само по себе разделение между аргументами и адъюнктами признаётся некоторыми исследователями крайне неоднозначным: “...there is a trend to level out the difference between arguments and adjuncts such that adjuncts, too, are increasingly seen to be just arguments of a special kind of function morphemes with abstract content” [24]. Апресян [12] ставит под сомнение наличие в диатезе только четырёх позиций, утверждая, что существуют предикаты с числом валентностей, превышающих общепринятую норму в 3–4. Если в одних языках такие структуры полностью отсутствуют, то русский язык в силу особенностей своего строя допускает пяти- и шестивалентные предикаты [1, с. 135]. В качестве примера Апресян приводит пятивалентный предикат «вымести» [1, с. 136]. Структурно его диатезу можно представить следующим образом:

(16) Я(1-sub) вымела(V) мусор(2-obj) из комнаты(3-loc1) в коридор(4-0loc2) веником(5-inst).

Из семантики глагола «мести» следует наличие аргументов *obj* (что?), *obj'* (от чего?) и *inst* (чем?): *Очищать какую-л. поверхность от сора, пыли, снега и т.п. при помощи метлы, щетки и т.п.*¹. Конечно, глагол «мести» не присоединяет в качестве аргумента *obj'* с предлогом «от». Однако *obj* и *inst* являются совершенно необходимыми частями диатезы глагола «мести». Приставка пространственного значения в глаголе «вымести» требует дополнительного уточнения. Ситуацию нельзя истолковать, не указав направленность действия, что добавляет диатезе ещё два аргумента. Данное отступление хоть и не иллюстрирует использования предикатных прилагательных, но обращает внимание на неоднозначность по вопросу *argument* vs. *adjunct*. Похожие идеи затрагивались и в моей работе [27, р. 14]. Всё изложенное выше может поставить под сомнение предложенное Бейлином [18] достаточно унифицированное разделение вторичных предикатов на аргументы и адъюнкты, а также прямую взаимосвязь между тем или иным предикативным падежом и синтаксическим типом предиката (аргумент / адъюнкт).

В предложенной Бейлином классификации аргументы, выраженные существительным или прилагательным, принимают исключительно форму *Ins*. Это, безусловно, верно для глаголов «казаться» или «считать», но не совсем так для глагола «стать». Являясь

¹ Мести, значение слова // Толковый словарь Ефремовой: [сайт]. URL: <https://www.efremova.info/word/mesti.html#.WylSlKf0nIU> (дата обращения: 18.07.2018).

неполнознаменательным глаголом, он оформляет конструкцию идентичную (11a) *Он кажется дураком*. Как любой неполнознаменательный глагол, он не может обойтись без второго аргумента, но при этом легко сочетается как с *Ins* (17a), так и с *Agr* (17b):

(17) а. Мой парень стал нервным и резким со мной.¹

б. Доктор! В последнее время я стал очень нервный, раздражительный и злой!²

Кроме того, в классификации Бейлина внимание привлекает следующее утверждение: “AP adjuncts allow both forms ... but “Sameness” is restricted” [17, p. 3–4]. Если Бейлин имеет в виду, что все глаголы способны присоединять адъюнкты в ТП, но не все они могут присоединять согласованные предикаты, то нетрудно найти примеры, которые будут работать в обратную сторону:

(18) а. Он пришёл усталый/усталым.

б. Он пришёл нервный/*нервным.

Из данных примеров видно, что «ограниченной» оказывается не только форма *Agr*, но и *Ins*. А значит, более точным выражением в данном случае было бы не ““Sameness” is restricted”, а “Instrumental is favoured”.

В свете вышеупомянутого можно предположить, что одна из главных идей, на которых строится синтаксический подход Бейлина: “*The factors that determine which of the two predicate case forms, the agreeing or the invariant form, is*

possible in a given sentence are all syntactic in nature”, – вероятно, не совсем верна и не может указывать на ложность утверждения о первичности семантического фактора. Соответственно, и утверждение: “This pattern of variation (argument/adjunct distinction) alone serves as an initial argument against Semantic Approach to Predicate Case...” также можно подвергнуть сомнению [18, p. 5].

Конечно, Бейлин [18] не отрицает полностью наличия влияния семантических факторов на чередование падежных форм. Семантические факторы, по его мнению, начинают играть определяющую роль только в тех случаях, когда синтаксические факторы допускают существование обоих вариантов падежной корреляции. В то же время ряд исследователей придерживается противоположной точки зрения и имеет в запасе достаточное количество аргументов, поэтому далее речь пойдёт о семантическом подходе к исследованию предикативных падежей.

6. Small Clause: DepC vs. AgrC

Говоря вкратце о семантическом статусе так называемого Small Clause, я сконцентрируюсь на последнем вопросе, а именно на прилагательных SC типа (19), но также номинальных SC (20) и наречиях SC (21) – (22):

(19) Я считаю [его [PRO пьяным / *пьяный / пьяного]]

(20) Я считаю [его [PRO дураком]]

(21) Он выпил чай холодным.

В (19) глагол матрицы Exceptional Case Marking (ECM) возглавляет встроенный SC, NP-эго помечается как *Acc case*, а позиции аргумента вторичного предиката – прилагательного

¹ Мой парень стал нервным и резким со мной // Клео.ру: женский интернет-журнал. URL: https://www.kleo.ru/consult/psychologist/questions_8825.shtml (дата обращения: 18.07.2018).

² Анекдот №-10077271 // Анекдоты из России: [сайт]. URL: <https://www.anekdot.ru/id-10077271> (дата обращения: 18.07.2018).

– назначается инструментальный падеж. Кроме того, в (19) антецедентом вторичного предиката может быть только прямой объект предложения матрицы, но не субъект. Тем не менее обратите внимание, что как отдельные предикаты уровня (stage-level predicates), такие как *быť* (и нулевая связка), так и предикаты уровня стадии, такие как *stat’*, чтобы стать, могут воспринимать *Ins* как образный предикат (Depictive), модифицирующий предмет (внешний аргумент) на русском языке. Но с предикатом индивидуального уровня (individual-level predicates) ситуация меняется с изменением события или времени. Тогда именительный падеж предпочтительнее в индивидуальном использовании в настоящем времени, а инструментальный может использоваться только с предикатом индивидуального уровня *быť*, если ситуация уже прошла.

Одним из вариантов систематизации SP конструкций с точки зрения семантики является их разделение на 2 подтипа: депиктивную (DepC) и атрибутивную (AgrC). Данные конструкции состоят, как правило, из подлежащего, непереходного глагола или переходного с прямым дополнением и прилагательного. В DepC выраженный прилагательным вторичный предикат принимает форму *Ins*, а в AgrC форму *Not* при непереходных и *Acc* при переходных глаголах [7, с. 181–182]:

- (22) а. Он пришел грязным (DepC).
б. Дерево стояло голое (AgrC).
в. Милиция привела его пьяного (AgrC).
г. Милиция привела его пьяным (DepC).
(23) а. *Ещё не/уже не красное платье – частично ограниченное.

Статья поступила в редакцию 12.08.2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья опубликована с разрешения организаторов мероприятия «Международный симпозиум: Русская грамматика 4.0: активные процессы в языке и речи. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (17–19 мая 2019 г.)»

ACKNOWLEDGMENTS

Статья опубликована с разрешения организаторов мероприятия «Международный симпозиум: Русская грамматика 4.0: активные процессы в языке и речи. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (17–19 мая 2019 г.)»

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры, 1995. 367 с.
2. Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Аркадьев П. М. и др. М.: ЯСК, 2016. 608 с.
3. Виноградов В. В. Вопрос о многообразии значений разных падежных форм [Электронный ресурс] // Русский язык: Грамматическое учение о слове. URL: <https://studfiles.net/preview/1621458/page:45> (дата обращения: 30.07.2018).
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 768 с.

5. Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
6. Классические методы статистики: критерий хи-квадрат // R: анализ и визуализация данных: [сайт]. URL: <https://r-analytics.blogspot.com/2012/08/blog-post.html#.Wx-wP4r0nIX> (дата обращения: 25.07.2018).
7. Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Дефективы оказались удивительными // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10. № 2. С. 180–218.
8. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
9. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М.: Издательство академии наук СССР, 1958. 39 с.
10. Мразек Р. Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование). Прага: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 285 с.
11. Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. 368 с.
12. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
13. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 800 с.
14. Трофимова А. В. Особенности семантики русских позиционных глаголов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 2–2 (44). С. 195–198.
15. Хи-тест квадрат, таблица // *Helpstat – общая теория статистики*: [сайт]. URL: <http://helpstat.ru/statisticheskie-tablitsyi/kriticheskie-tochki2-raspredeleniya> (дата обращения: 25.07.2018).
16. Babby L. *The Syntax of Argument Structure*. New Jersey: Cambridge University Press, 2009. 326 p.
17. Bailyn J. F. *The Syntax of Russian*. New York: Cambridge University Press, 2012. 392 p.
18. Bailyn J. F. *The Syntax of Slavic Predicate Case* // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 22. *Papers on Predicative Constuctions*. P. 1–23.
19. Chierchia G. Individual-Level Predicates as Inherent Generics (1995) [Электронный ресурс]. URL: <https://scholar.harvard.edu/chierchia/publications/individual-level-predicates-inherent-generics> (дата обращения: 30.07.2018).
20. Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris Publications, 1988. 374 p.
21. Filip H. The Semantics of Case in Russian Secondary Predication // *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI: Proceedings*. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.
22. Fillmore Ch. Case for case [Электронный ресурс]. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019631.pdf> (дата обращения: 31.07.2018).
23. Hinterhölzl R. Semantic Constraints on Case Assignment in Secondary Adjectival Predicates in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 22. *Papers on Predicative Constuctions*. P. 99–112.
24. Hole D. Arguments and adjuncts // *Syntax. Theory and Analysis. An International Handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication 42/2) / eds. T. Kiss, A. Alexiadou. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2015. P. 1285–1321.

25. Kiss A. A remark on the Individual/Stage-level Predicate Distinction in English [Электронный ресурс]. URL: http://seas3.elte.hu/odd/odd9/06_KISS_Angelika.pdf (дата обращения: 19.07.2018)
26. Kosta P. The Syntax of Meaning and the Meaning of Syntax: Minimal Computations and Maximal Derivations within a Label- / Phase-Based Model of Radical Minimalism // *Potsdam Linguistic Investigations*. 2019. Vol. 29. P. 450.
27. Kosta P. Adjectival and argumental Small Clauses vs. free adverbial Adjuncts – A phase-based approach within the Radical Minimalism with special criticism of the Agree, Case and Valuation notions [Электронный ресурс]. [2014]. URL: <http://ling.auf.net/lingbuzz/002088/current.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
28. Kosta P. Leere Kategorien in den nordslavischen Sprachen. Zur Analyse leerer Subjekte und Objekte in der Rektions-Bindungs-Theorie. Frankfurt am Main: Habil-Schrift, 1992. S. 679.
29. Kosta P. Negation and Adverbs in Czech // *Investigations into Formal Slavic Linguistics: Proceedings of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages*, Potsdam, November 28–30, 2001 / ed. P. Kosta, J. Błaszczak, J. Frasek, L. Geist, M. Zygis. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 601–616.
30. Kosta P. Syntaktische und semantische Besonderheiten von Adverb und Negation im Slavischen // *Zeitschrift für Slawistik*. 2003. Vol. 48. Iss. 3. P. 377–404.
31. Krifka M. Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/aa5a/5634bca33fab72c287b9594d6b,be2b0593ee.pdf> (дата обращения: 30.07.2018).
32. Krifka M. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution // *Lexical matters* / ed. I. A. Sag, A. Szabolcsi. Stanford: Stanford University, 1992. P. 29–53.
33. Krivochen D. G., Kosta P. Eliminating Empty Categories: A Radically Minimalist View on their Ontology and Justification. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. 203 p. *Potsdam Linguistic Investigations*.
34. *Minimalism and Beyond: Radicalizing the Interfaces (Language Faculty and Beyond)* / Hrsg. P. Kosta, S. L. Franks, T. Radeva-Bork, L. Schürcks. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2014. 428 p.
35. Moser M. Der prädikative Instrumental: Aus der historischen Syntax des Nordostslavischen; von den Anfaengen bis zur petrinischen Epoche. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994. 290 S.
36. Nichols J. Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1981. 397 p.
37. Quickcalcs // GraphPad: [сайт]. <https://www.graphpad.com/quickcalcs/pValue2> (дата обращения: 25.07.2018).
38. Strigin A. Secondary Predication and Instrumental Case in Russian [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.115.7676&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 30.07.2018).
39. Strigin A. Secondary predication and the instrumental case in Russian // *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond* / ed. C. Schroeder, G. Hentschel, W. Boder. Oldenburg: BIS-Berlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008. P. 381–400. *Studia Slavica Oldenburgensia*.
40. Zimmerling A., Kosta P. Case Assignment // *Oxford Encyclopedia of Slavonic Languages* / ed. N. Bermel, J. Fellerer. Oxford, New York: Oxford University Press, 2019 (in print).

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected works. Vol. I. Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. 367 p.
2. Arkad'ev P. M., Belyaev O. I., Grashchenkov P. V., Ibatullina D. R., Ivanova E. Yu. et al. *Arkhitectura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov* [Clause architecture in parametric models: syntax, information structure, word order]. Moscow, Izdatel'skii dom YASK Publ., 2016. 608 p.
3. Vinogradov V. V. [The question of the diversity of meanings of different case forms]. In: *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical study of the word]. Available at: <https://studfiles.net/preview/1621458/page:45> (accessed: 30.07.2018).
4. Shvedova N. Yu., ed. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 768 p.
5. Zolotova G. A., Onishchenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 528 p.
6. [Classic statistics methods: chi-square test]. In: *R: analiz i vizualizatsiya dannykh* [R: data analysis and visualization]. Available at: <https://r-analytics.blogspot.com/2012/08/blog-post.html#.Wx-wP4rOnIX> (accessed: 25.07.2018).
7. Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. [Depictives turned out to be surprising]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies], 2014, vol. 10, no. 2, pp. 180–218.
8. Rakhilina E. V., chief ed. *Lingvistika konstruktii* [Linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p.
9. Maslov Yu. S. *Rol' tak nazyvaemoi perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vozniknoveniya slavyanskogo glagol'nogo vida* [The role of the so-called perfectivity and imperfectivity in the process of the emergence of Slavic verbal form]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1958. 39 p.
10. Mrazek R. *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo (strukturno-sravnitel'noe issledovanie)* [The syntax of Russian instrumental case (structural-comparative study)]. Prague, Státní pedagogické nakladatelství Publ., 1964. 285 p.
11. Tatevosov S. G. *Aksional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actuality in vocabulary and grammar. Verb and event structure]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 368 p.
12. Apresyan Yu. D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical problems of Russian syntax. The interaction of grammar and dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 408 p.
13. Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 800 p.
14. Trofimova A. V. [Specifics of semantics of the Russian positional verbs]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 2–2 (44), pp. 195–198.
15. [Chi-square test, the table]. In: *Helpstat – obshchaya teoriya statistiki* [Helpstat – the General theory of statistics]. Available at: <http://helpstat.ru/statisticheskie-tablitsyi/kriticheskie-tochki2-raspredeleniya> (accessed: 25.07.2018).
16. Babby L. *The Syntax of Argument Structure*. New Jersey, Cambridge University Press, 2009. 326 p.

17. Bailyn J. F. *The Syntax of Russian*. New York, Cambridge University Press, 2012. 392 p.
18. Bailyn J. F. *The Syntax of Slavic Predicate Case*. In: *ZAS Papers in Linguistics*, 2001, vol. 22, pp. 1–23.
19. Chierchia G. Individual-Level Predicates as Inherent Generics. Available at: <https://scholar.harvard.edu/chierchia/publications/individual-level-predicates-inherent-generics> (accessed: 30.07.2018).
20. Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht, Foris Publications, 1988. 374 p.
21. Filip H. The Semantics of Case in Russian Secondary Predication. In: *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI. Proceedings*. Ithaca, CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001, pp. 192–211.
22. Fillmore Ch. Case for case. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED019631.pdf> (accessed: 31.07.2018).
23. Hinterhölzl R. Semantic Constraints on Case Assignment in Secondary Adjectival Predicates in Russian. In: *ZAS Papers in Linguistics*, 2001, vol. 22, pp. 99–112.
24. Hole D. Arguments and adjuncts. In: Kiss T., Alexiadou A., eds. *Syntax. Theory and Analysis. An International Handbook*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2015, pp. 1285–1321.
25. Kiss A. A remark on the Individual/Stage-level Predicate Distinction in English. Available at: http://seas3.elte.hu/odd/odd9/06_KISS_Angelika.pdf (accessed: 19.07.2018).
26. Kosta P. The Syntax of Meaning and the Meaning of Syntax: Minimal Computations and Maximal Derivations within a Label-/Phase-Based Model of Radical Minimalism. In: *Potsdam Linguistic Investigations*, 2019, vol. 29, pp. 450.
27. Kosta P. Adjectival and argumental Small Clauses vs. free adverbial Adjuncts – A phase-based approach within the Radical Minimalism with special criticism of the Agree, Case and Valuation notions, 2014. Available at: <http://ling.auf.net/lingbuzz/002088/current.pdf> (accessed: 10.05.2019).
28. Kosta P. *Leere Kategorien in den nordslavischen Sprachen. Zur Analyse leerer Subjekte und Objekte in der Rektions-Bindungs-Theorie*. Frankfurt am Main, Habil-Schrift Publ., 1992, S. 679.
29. Kosta P. Negation and Adverbs in Czech. In: Kosta P., Błaszczak J., Frasek J., Geist L., Żygis M., eds. *Investigations into Formal Slavic Linguistics: Proceedings of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages, Potsdam, November 28–30, 2001*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2003, S. 601–616.
30. Kosta P. Syntaktische und semantische Besonderheiten von Adverb und Negation im Slavischen. In: *Zeitschrift für Slawistik*, 2003, vol. 48, iss. 3, pp. 377–404.
31. Krifka M. Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/aa5a/5634bca33fab72c287b9594d6b,be2b0593ee.pdf> (accessed: 30.07.2018).
32. Krifka M. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution. In: Sag I. A., Szabolcsi A., eds. *Lexical matters*. Stanford, Stanford University Publ., 1992, pp. 29–53.
33. Krivochen D. G., Kosta P. Eliminating Empty Categories: A Radically Minimalist View on their Ontology and Justification. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2013. 203 p.
34. Kosta P., Franks S. L., Radeva-Bork T., Schürcks L., eds. *Minimalism and Beyond: Radicalizing the Interfaces (Language Faculty and Beyond)*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2014. 428 p.
35. Moser M. *Der prädikative Instrumental: Aus der historischen Syntax des Nordostslavischen; von den Anfaengen bis zur petrinischen Epoche*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1994. 290 S.

36. Nichols J. Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1981. 397 p.
37. Quickcalcs. In: *GraphPad*. Available at: <https://www.graphpad.com/quickcalcs/pValue2/> (accessed: 25.07.2018).
38. Strigin A. Secondary Predication and Instrumental Case in Russian. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.115.7676&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 30.07.2018).
39. Strigin A. Secondary predication and the instrumental case in Russian. In: Schroeder C., Hentschel G., Boeder W., eds. *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond*. Oldenburg, BIS-Berlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008, pp. 381–400.
40. Zimmerling A., Kosta P. Case Assignment. In: Bermel N., Fellerer J., eds *Oxford Encyclopedia of Slavonic Languages*. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 2019 (in print).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коста Петер – доктор наук, профессор кафедры славянского языкознания Института славяноведения Потсдамского университета;
e-mail: peter.kosta@uni-potsdam.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter Kosta – Doctor phil. habil, Full Professor at the Institute of Slavic Languages and Literatures, Chair Slavic Linguistics, Faculty of Arts. University of Potsdam;
e-mail: peter.kosta@uni-potsdam.de

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коста П. Модель «радикального минимализма» при изучении синтаксических явлений (к критике понятий «согласование», «управление», «спецификатор») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 40–55.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-40-55

FOR CITATION

Kosta P. Adjectival and argumental small clauses vs. Free adverbial adjuncts – a phase-based approach within the radical minimalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 40–55.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-40-55

УДК: 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63

ЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ В ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕТСКОГО АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Лукьянова В. С.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерство иностранных дел РФ, Одинцовский филиал
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3,
Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье рассматривается явление коммуникативной неудачи (КН), её причины и типологические характеристики, основанные на нарушении правил успешной кооперации. Исследование проводится на материале текстовых эпизодов из популярных детских англоязычных анимационных фильмов посредством психолингвистического и контекстуального анализа. Предложена классификация видов КН на основании перлокутивного эффекта, описаны причины КН на основе прагмалингвистических и онтолингвистических характеристик, в результате чего уточняется языковой статус КН в детском анимационном фильме.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, прагмалингвистический анализ, перлокутивный эффект, онтолингвистика, детский анимационный фильм

COMMUNICATIVE FAILURES IN ENGLISH ANIMATED MOVIES FOR CHILDREN

V. Lukyanova

*Moscow State Institute of International Relations (University),
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch
3 ulitsa Novo-Sportivnaya, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the concept of communicative failures through the identification of their typological features based on the fundamental speech act theory and the rules of successful cooperation. An individual classification of communicative failures in children's animated movies is given on the basis of their pragmalinguistic features and perlocutionary effect with special attention to speech developmental aspect in order to clarify the linguistic status of the investigated phenomenon of communicative failure within children's animated movie discourse.

Keywords: communicative failure, pragmalinguistic analysis, perlocutionary effect, speech development, children's animated movie

В процессе общения происходит становление индивида как личности, и в настоящее время детский анимационный фильм ещё удерживает сильные позиции как агент влияния на коммуникативное поведение ребёнка. Это делает актуальной проблему более глубокого исследования особенностей коммуникативной картины мира детского мультфильма в рамках противопоставления коммуникативного успеха и коммуникативной неудачи (далее – КН).

В данной статье мы ставим исследовательской целью предложить классификацию КН на материале текстовых эпизодов из анимационных фильмов для целевой детской аудитории с учётом прагматических коммуникативных особенностей и возможных причин КН.

Большинство работ, определяющих сущность КН, ориентированы на результат (П. Грайс), проблемы (Б. Ю. Городецкий, Е. В. Падучева) и интенциональность коммуникативного акта (Дж. Остин, Дж. Серль), а также рассматривают КН с точки зрения стилистики (В. С. Лукьянова). Комплексное освещение проблем КН проведено в коллективной монографии «Коммуникация в современном мире: теория и практика» (2017) [6]. Онтолингвистический аспект в данной работе не затрагивается, однако именно он требует особого внимания при исследовании жанра детского кино, в том числе при анализе предлагаемых юному зрителю коммуникативных моделей.

Мы опираемся на определение КН как «полного неосуществления коммуникативных намерений партнеров по общению», выраженного в неэффективности и отсутствии ожидаемого перлокутивного эффекта [2, с. 22; 4,

с. 30]. КН также представляет собой «вполне обычное явление в реальном человеческом общении» [3, с. 64], без которого «взаимодействие становится ритуализированным» [7, с. 19]. В фикциональной коммуникации КН рассматривается как явление, реализующее принцип дополнительности, являясь наряду с коммуникативным успехом равнозначными по важности компонентами коммуникативного пространства [1, с. 9].

Исследование феномена КН традиционно связано с изучением её причин и разновидностей. Разработанные для успешной кооперации постулаты, предложенные П. Грайсом и Р. Лакоффом [7, с. 25], а также основные положения теории речевых актов служат основой для описания типологических характеристик КН. На основании анализа теоретических работ и эмпирического материала к причинам возникновения КН можно отнести внутренние (собственно лингвистические или внутриязыковые) и внешние (экстралингвистические) несоответствия [7, с. 103]. К внутренним несоответствиям относятся нарушения на уровне языкового кода (фонетики, лексики, грамматики и синтаксиса). К внешним можно отнести социокультурные, психофизиологические, онтолингвистические характеристики коммуникантов и прагматические несоответствия.

Именно несоответствия, вызванные обыгрыванием **онтолингвистических** характеристик персонажа, наиболее часто становятся в детском кино основанием для создания различных стилистических эффектов. Они обусловлены особой **моделью мира**, заложенной в основе сюжета детского жанра. Здесь говорящее животное может

одновременно не вызывать и вызывать крайнее удивление (принцесса об ослике): *It TALKS! – (Shrek): Yeah, but it's getting him to SHUT UP that's the trick!*¹. Предметы домашнего обихода не только разговаривают, но и флиртуют друг с другом: (метёлка подсвечнику) *I've been burnt by you before!*². Часто используется ситуативная инверсия, например, когда персонаж рассказывает историю после своей смерти (рассказчик обращается к зрителю): *This is the story of how I died... this is actually a very fun story*³. Эта специфическая модель мира служит средой для проявления КН на разных уровнях. Ниже предлагается классификация КН в детском анимационном фильме.

В зависимости от конечного результата, или перлокутивного эффекта, КН можно выделить следующие виды КН: полный коммуникативный провал, частичная или временная КН, несущественный коммуникативный сбой и незначительное коммуникативное затруднение.

– **полный коммуникативный провал**, или полное непонимание. В таком случае дальнейшая коммуникация оказывается невозможной. Представим некоторые причины таких КН.

1) Нарушение предварительного условия речевого акта:

– нежелание участников коммуникации общаться.

¹ Shrek // English-Films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/comedies/172-shrek-shrek-2001-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 15.07.2018).

² Despicable Me // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 10.10.2017).

³ Tangled // OnlineFree. URL: <https://onlinefree.me/watch/tangled/cHd2> (дата обращения: 10.10.2017).

Например, герой категорично отказывается реагировать на реплики собеседника: *I'm not listening!*⁴;

– несоблюдение истинности высказывания.

Например, когда запертые в сарае злодеи пытаются выйти наружу: *What do you mean the door's stuck? Try jiggling the handle. – There is no handle in here. – There's not? Are you sure?*⁵. Здесь важен экстралингвистический контекст, так как зритель видит улыбающуюся женщину с дверной ручкой в руках.

2) Нарушение на уровне самого коммуникационного процесса:

а) нарушение референциальных отношений [8] и тождественности информации

– на лексическом уровне.

В сцене разговора подростка с детьми: *Why are you wearing your pajamas? – These aren't pajamas! It's a warm-up suit. – What are you warming up for? – Stuff. – What sort of stuff? – Super-cool stuff you wouldn't understand. – Like sleeping? – THEY ARE NOT PAJAMAS!*⁶. Коммуниканты по-разному представляют себе объект беседы (для подростка речь идёт о костюме, а ребёнок принимает костюм за пижаму).

– на синтаксическом уровне.

Персонаж пытается угрожать, а его помощник переводит внимание на языковые параметры высказывания: *Tell us*

⁴ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁵ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁶ Despicable Me // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 10.10.2017).

where the talking llama is and we'll burn your house to the ground. – Er, don't you mean or? – Err, tell us where the talking llama is OR we'll burn your house to the ground¹. КН состоит в том, что помощник не содействует партнеру, а отвлекает его.

б) нарушение детерминизма [8] или причинно-следственных связей.

Примером может служить нарушение логики в следующей реплике: *Mammoths can't go extinct! They're the biggest things on Earth!*².

в) нарушение социальных норм. Следует отметить, что это явление занимает особое место в детской анимации, добавляя динамики сюжету и демонстрируя зрителю нежелательную модель поведения.

Например, когда подросток постоянно грубит собеседникам: *Hit the road, Bucky!*³. В результате обиженный собеседник прекращает общение.

г) семантические и прагматические противоречия.

Например, сбежавшая из дома дочь переживает о своём поступке: *I am a horrible daughter. I'm going back. I am NEVER going back! Woo-hoo! I am a despicable human being! Woo-hoo! Best! Day! Ever!*⁴. В результате собеседник дезориентирован противоречивыми высказываниями.

¹ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

² Ice Age. The Meltdown // Online Movies. URL: https://onmovies.to/film/hA/Ice-Age?ep=6_O1hA (дата обращения: 29.10.2017).

³ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁴ Tangled // OnlineFree. URL: <https://online-free.me/watch/tangled/cHd2> (дата обращения: 10.10.2017).

– **частичная или временная КН**, проявляющаяся в снижении степени эффективности коммуникации и сопровождаемая запросом на разъяснение ситуации. Причины таких КН могут быть следующими:

1) нарушение правила о полноте описания [8].

Например, в сцене, когда персонажа спрашивают, готов ли яд для убийства: *Oh, right. The poison. The poison for Kuzco, the poison chosen especially to kill Kuzco, Kuzco's poison. That poison?*⁵. Тавтология в ответе вызывает раздражение у собеседника, но в целом собеседник удовлетворён.

2) несоблюдение речевого кода [8].

В этом случае участник коммуникации не понимает использованной в речи лексемы (аббревиатуры, термина или иноязычных включений) или распознаёт её как иноязычный код: *All right, Blondie. – Rapunzel. – Gesundheit. Anyway, I was gallivanting through the forest...*⁶. Собеседники считают этот факт КН незначимым и продолжают диалог.

3) нарушение постулата о семантической значимости [8].

Оно может быть выражено, например, гиперболой: персонажа описывают как *“scary beyond all reason”*⁷. Такое описание затрудняет идентификацию объекта.

4) несоблюдение постулата о количестве информации.

⁵ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁶ Tangled // OnlineFree. URL: <https://onlinefree.me/watch/tangled/cHd2> (дата обращения: 10.10.2017).

⁷ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

Например, когда затянувшийся диалог перетекает в монолог, и участников коммуникации перестаёт интересовать предмет спора: *Yeah, like that would ever happen. – It could! – Nuh-uh! – Yeah-hah!... – ...Nuh-uh! – Yeah-haaaaah!*¹. В итоге распадается речевой код, спор прекращается и разговор продолжается в новом направлении.

– **несущественный коммуникативный сбой**, создающий эффект коммуникативной задержки. Это явление корректируется автоматически и оказывает незначительное влияние на последующее развёртывание коммуникативной интеракции.

Такой сбой может быть проиллюстрирован следующим примером. Три девочки из приюта узнают о том, что их удочеряют, и кричат от радости: *Margo: I bet the mom is beautiful! – Edith: I bet the daddy's eyes sparkle. – Agnes: I bet their house is made of Gummi Bears... I'm just saying it'd be nice*². Старшие девочки (*Margo* и *Edith*) делятся своими радостными ожиданиями адекватно ситуации, в то время как младшая (*Agnes*) в силу возраста сначала использует нерелевантную фразу, однако тут же корректирует своё высказывание.

– **незначительное коммуникативное затруднение**, не препятствующее дальнейшему развёртыванию коммуникативной интеракции. Причинами незначительных затруднений могут быть:

1) несоответствие на уровне языкового кода. Они могут быть вызваны

¹ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

² Despicable Me // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 10.10.2017)

разным статусом коммуникантов (один из коммуникантов может быть представителем другого вида, культуры или возраста).

Например, в условиях особой модели мира жанра детского анимационного фильма человек может общаться с животным (представителем другого вида) посредством звукоподражаний, и это не препятствует коммуникации: (беседа человека с белкой): *Squeak squeak squeak, squeak, squeaker*³. Для коммуникантов звукоподражания функционируют как средство общения.

Часто встречаются примеры незначительных коммуникативных затруднений, обусловленных особенностями детской речи (особенностями возраста). Например, высказывание антропоморфной рыбки-ребёнка: *I suffer a short-term remembory loss*⁴. Используемая морфологическая деформация (*remembory* = контаминация *remember* + *memory*) характерна для детской речи. Незначительные коммуникативные затруднения могут проявляться также на фонетическом уровне при имитации детской речи: *Take it from your mumsy (замена от mommy)..., I'm just saying 'cause I wuv (замена от love) you*⁵. Возможна также обратная ситуация: младенец использует лексику и стиль общения взрослого человека:

³ The New Emperor's Groove // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc/watch/lx2kw1Ge-the-emperor-s-new-groove.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁴ Finding Dory // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/comedies/790-finding-dory-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁵ Tangled // OnlineFree. URL: <https://online-free.me/watch/tangled/cHd2> (дата обращения: 10.10.2017).

*Give me a double espresso and find a place around here with good sushi, I kill for a spicy tuna roll right about now*¹.

2) несоответствия на экстралингвистическом уровне. Причинами таких несоответствий могут быть следующие факторы:

а) нарушение условий, *предшествоющих коммуникации*. В условиях особой модели мира, описанной выше, общение может происходить не только с животными, но и с игрушками. В таком случае собеседник не получает никаких ответных реплик от адресата, но коммуникация проходит успешно, поскольку ребёнок в своём сознании моделирует ответную реакцию. Например, персонаж вызывает свои игрушки на бой: *You pickin' on my friends? Get ready to feel the thunder*².

б) нарушение условий *в процессе коммуникации*.

В детской анимации часто обыгрываются особенности восприятия ребёнком времени. Свойственная детям нетерпеливость находит отражение, например, в песне *"I Just Can't Wait to Be King"* (*"The Lion King / Король Лев"*, 1995). В мультфильме *"Kung Fu Panda / Кунг фу панда"* (2005) эта особенность возраста иллюстрируется сценой разговора медлительного старца и молодого тренера: *Your mind is like this water, my friend. When it gets agitated, it becomes difficult to see. But if you allow*

*it to settle, the answer becomes clear*³ (зритель видит как утихает рябь на воде, и в ней отражается свиток дракона – решение проблемы).

Подводя итоги, необходимо отметить важность КН в условиях детского мультфильма как источника информации о стратегиях и тактиках коммуникативного поведения, необходимого зрителю для успешного их освоения. Проанализированные примеры показывают, что КН может преследовать особые цели воздействия как на непосредственного участника коммуникации внутри сюжета фильма, так и на адресата-зрителя и, используя стилистические приёмы, выходить на «интуитивный, нелогический уровень сознания, сломать сложившиеся стереотипы» [5, с. 115].

Проведённый прагматический анализ КН на примерах англоязычных детских анимационных фильмов показывает неоднозначность самого явления КН, его многогранность и многоуровневость, которые влияют на социализацию личности. Демонстрируемая в детском англоязычном анимационном фильме КН погружает потенциально-го зрителя в речевые ситуации, где она представлена на всех уровнях от полного коммуникативного провала до несущественного коммуникативного затруднения, помогая ребёнку осваивать социально-культурный код коммуникативного поведения. Причинами КН выступают как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы. В детском анимационном фильме особенно ярко проявляется онтолинг-

¹ The Boss Baby // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/filmy-so-slovarem-na-anglijskom/1716-boss-molokosos-the-boss-baby-2017-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).

² Kung Fu Panda // Lelang: [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/multfilmy-na-anglijskom-yazyke/kung-fu-panda-na-anglijskom-s-subtitrami> (дата обращения: 07.07.2019).

³ Kung Fu Panda // Lelang: [сайт]. URL: <http://lelang.ru/english/anglijskij-dlya-detej/multfilmy-na-anglijskom-yazyke/kung-fu-panda-na-anglijskom-s-subtitrami> (дата обращения: 07.07.2019).

вистическая специфика КН, когда её причины могут быть вызваны возрастными особенностями коммуникантов. На уровне перлокутивного эффекта КН в основном компенсируются или нейтрализуются, реализуя как определённую педагогическую функцию, так и художественно-стилистическую. КН способны придать динамику сюжету, а посредством интралингвистических и экстралингвистических трансформаций они активизируют не только

предметно-логическую, но и интуитивно-творческую стороны сознания. Особенности функционирования КН в детском анимационном фильме указывают на необходимость исследования художественных креолизованных текстов, создаваемых для различной возрастной аудитории, с целью расширения понимания процесса освоения речевого поведения в естественной среде.

Статья поступила в редакцию 15.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Боронин А. А. О принципе дополнительности и анализе речевой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 8–17.
2. Бугрова С. Е. Феномен коммуникативной неудачи в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). С. 22–26.
3. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск: АН СССР, 1985. С. 67–68.
4. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН: Волгоградский государственный педагогический институт, 1992. 330 с.
6. Коммуникация в современном мире: теория и практика: монография / под ред. Е. В. Грудевой. Новосибирск: СибАК, 2017. 196 с.
7. Лукьянова В. С. Коммуникативные неудачи в комедии абсурда: на материале сопоставительного анализа английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 164 с.
8. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2017. 322 с.

REFERENCES

1. Boronin A. A. [On the principle of complementarity and analysis of speech activity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 1, pp. 8–17.
2. Bugrova S. E. [The phenomenon of communicative failure in the framework of the communicative-pragmatic paradigm]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2012, no. 21 (275), pp. 22–26.
3. Gorodetskii B. Yu., Kobozeva I. M., Saburova I. G. [Typology of communicative failures]. In: *Dialogicheskoe vzaimodeistvie i predstavlenie znaniy* [Dialogic interaction and knowledge representation]. Novosibirsk, USSR Academy of Science Publ., 1985, pp. 67–68.
4. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. [Typology of failures (based on natural Russian dialogue)].

- In: *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language functioning: communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 30–64.
5. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Institute of Linguistics, RAS: Volgograd State Pedagogical Institute Publ., 1992. 330 p.
 6. Grudeva E. V., ed. *Kommunikatsiya v sovremennom mire: teoriya i praktika* [Communication in the modern world: theory and practice]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2017. 196 p.
 7. Luk'yanova V. S. *Kommunikativnye neudachi v komedii absurda: na materiale sopostavitel'nogo analiza angliiskogo i russkogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative failures in the Comedy of the absurd: a comparative analysis of English and Russian languages: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 164 p.
 8. Radbil' T. B. *Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste: Andrei Platonov i drugie* [Language anomalies in a fiction text: Andrey Platonov and others]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 322 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянова Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал;
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina S. Lukyanova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, (Odintsovo branch);
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лукьянова В. С. Явление коммуникативной неудачи в пространстве англоязычного детского анимационного фильма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 56–63.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63

FOR CITATION

Lukyanova V. S. Communicative failures in English animated movies for children. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 56–63.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-56-63

УДК: 81'374.26

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-64-71

РОЛЬ СЛОВАРЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Маджаева С. И., Лукоянова Т. В., Синицина А. О.

Астраханский государственный медицинский университет

414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы является обозначение роли и функции словарей в формировании профессионально-языковой картины мира специалиста. Анализ различных медицинских словарей показал, что в них отражена профессиональная языковая картина мира специалиста в области медицины. Из зафиксированных в них терминов врач узнаёт значение термина, дефиницию, его происхождение, наличие синонимов, эпонимов и определённые свойства и функции предмета. По итогам проведённого анализа авторами сделан вывод о роли и влиянии словарей на профессионально-языковую картину мира специалиста-медика, которая индивидуальна. Данная статья адресована лингвистам и специалистам в области медицины.

Ключевые слова: словарь, картина мира, профессионально-языковая картина мира, термин, терминология

THE ROLE OF DICTIONARY IN THE PROFESSIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW FORMATION

S. Madzhaeva, T. Lukyanova, A. Sinitsina

Astrakhan State Medical University

121 ulitsa Bakinskaya, Astrakhan 414000, Russian Federation

Abstract. The aim of the paper is to define the role and function of dictionaries in the formation of a professional linguistic worldview of a specialist. The analysis of the dictionaries shows that they reflect the professional linguistic worldview of medical specialists. In the dictionaries the doctor can find all necessary information: the meaning of the term, the definition and origin, synonyms and eponyms and specific functions of the object. According to the results of the analysis, the authors concluded that dictionaries have a great influence on the professional linguistic worldview of medical specialist, and it is individual for every person. This article is addressed to linguists and professionals in the sphere of medicine.

Keywords: dictionary, worldview, professional linguistic worldview, term, terminology

Словари, играя значительную роль в жизни человека, транслируют знания, углубляя их, и являются «источником изучения специального термина»¹. При их

© СС ВУ Маджаева С. И., Лукоянова Т. В., Синицина А. О.

¹ Лукоянова Т. В., Маджаева С. И. Специальный словарь – источник изучения терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). С. 117–121.

помощи познаётся мир, расширяется кругозор, репрезентируется разного рода мысль: научная, культурная, историческая. Лексика, содержащаяся в словарях, выступает важной составляющей в современных процессах развития языка. Это обуславливает появление разнообразных типов словарей, отвечающих требованиям общества, направленных на разный круг пользователей. Поэтому сегодня анализ словарей, их моделирование актуальны.

Словари возникают как результат вербализации мысли, необходимости теоретического обобщения, классификации словарных описаний. Можно назвать работы Т. В. Алейниковой [1], С. В. Гринева [2; 3], Ю. Н. Марчука [9], В. А. Татарина [12] и др., в которых учёные описывали проблемы лексикографии и её направления – терминологии – в разных аспектах. По мнению Т. В. Алейниковой, словарь становится «предметом исследования как форма представления и способ моделирования научного знания» [1, с. 5], создания профессионально-языковой картины мира.

Если говорить о картине мира, то она, на наш взгляд, находится в стадии изучения лингвистами, философами, культурологами и т. д. Учёные пытаются раскрыть смысл данного понятия, дать определение, выявляют свойства и формы её существования, изучают представления личности об окружающей действительности. И как итог познания информации о человеке, его деятельности является картина мира. М. Хайдеггер считал, что картина мира – это «мир, понятый как картина» [14, с. 49]. Отражая действительность, картина мира складывается в сознании человека в виде пазлов, репрезентуя

профессиональную, культурную сущность, являясь отражением окружающего мира в мозгу человека.

По мнению учёных, картина мира представляется как стержень взаимодействия людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой [10, с. 28]. Мы бы добавили ещё и эмоциональность, степень её влияния в жизни человека, без которой невозможно отношение личности к миру – себе подобным, природе.

В. Н. Телия связывает языковую картину мира с исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённой в языке совокупности образов, понятий, эталонов, стереотипов и символов, которые представляют знания определённого народа об окружающем мире, оцениваются им согласно предпочтениям и нормам общества и фиксируются в значении языковых единиц [13, с. 214–237]. Л. А. Киселева под языковой картиной мира понимает «представления определённого языкового коллектива об окружающей действительности, выраженные лексическими средствами» [5, с. 36], т. е. языковую картину мира можно «рассматривать в его взаимосвязи с языковым образом человека» [7, с. 78].

Проблема профессионально-языковой картины мира (далее ПЯКМ) была описана в работах Е. И. Головановой, Л. А. Киселевой, С. Л. Мишлановой, Л. А. Чернышовой и др. Учёные установили особенности профессионально-языковой картины мира, дали дефиницию данному понятию и пришли к выводу о том, что ПЯКМ – условие существования науки, ядром которого является её терминология.

Медицина, как и все науки, находит своё отражение в терминах, которые выражают медицинские понятия, необходимые в процессе коммуникации, способствуют углублению знаний, расширению кругозора, развитию профессионального мышления.

Медицина – наука, связанная со здоровьем человека, его страданиями во время болезни. Л. А. Киселева считает, что это необычная сфера, наделённая особым языком и особой профессионально-языковой картиной мира [4, с. 13]. Высокая квалификация врача, знание медицинской терминологии, значений терминов и терминологических элементов способствует развитию профессионально-языковой картины мира специалиста-медика. В термине отражены знания о том, КАК лечить, КАК использовать методы, КАКИЕ лекарственные средства и инструменты нужны врачу.

Материал исследования выбран из многоязычных медицинских словарей¹, которые репрезентируют профессионально-языковую картину мира специалиста-медика. Роль медицинских словарей в формировании ПЯКМ специалиста-медика огромна, так как они не только репрезентируют развитие общества, науки, но и отражают прогресс медицины, изменения во врачебной деятельности, появление новых лексем. Они репрезентируют определённые медицинские знания о

признаках, симптомах заболеваний, лекарственных растениях, организме человека, дающие представление о лечении болезни.

Анализ специальных словарей показал, что ПЯКМ специалиста-медика – система информации о симптомах, признаках заболевания, методах лечения, строении организма, потенциально представленная в познавательной и практической деятельности врача. Медицинский словарь необходим для осмысления знаний. Единицей информации в ПЯКМ специалиста-медика является термин, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного содержания деятельности врача.

Медицинский словарь, как и другие словари, выполняет систематизирующую и организующую роль. В нём представлено функционирование медицинских терминов, следовательно, становление, развитие и формирование профессионально-языковой картины мира врача.

Медицинский словарь, отражающий профессионально-языковую картину мира, имеет следующие характеристики.

1. Термины и терминосочетания составляют ядро: *amnesia*, *binder*, *bloodcount*, *bloodbrain*.

2. Терминологические элементы, входящие в состав термина, обозначают значение термина: *cardiomegaly* (кардиомегалия) где *cardio* – сердце, *mega*, *megas* – большой, + *y* – значительное увеличение размеров и массы сердца.

3. Каждый термин сопровождается транскрипцией: *magistral* (*maj'is-träl*) – лекарственный состав, приготовленный по рецепту врача; *tagma* – (*tag'mä*) – взвесь.

¹ Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / гл. ред. А. Г. Чучалин. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003. 719 с.; Михальченко В. Ф., Маджаева С. И., Ахминеева А. Х. Латинско-русско-французский словарь терминов стоматологии. Астрахань, 2017. 142 с.; Светличная Е. И., Толок И. А. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений. Харьков: Изд-во НФау: Золотые страницы, 2003. 288 с.

4. Перевод термина: *nephrosis* – нефроз.

5. Дефиниция: *verruca* – доброкачественное новообразование кожи телесного цвета, в основе которого лежит полиферация клеток сосочкового слоя дермы и мальпигиева, зернистого и рогового слоев эпидермиса, вызываемое вирусом папилломы человека.

6. Подстатья: *binder* – *obstetrical binder* – акушерский бандаж, *T-binder* – Т-образный бандаж.

7. Наличие синонимов: *growth-onset diabetes* = *juvenile diabetes* – юношеский (ювенильный) диабет.

8. Указание на многозначность: *nephrosis* – нефроз 1. Нефропатия. 2. Дистрофия и некроз эпителия почечных канальцев. 3. Нефротический синдром.

9. Указание на отсутствие данного термина в современной медицинской терминологии: *catarrh* – катар (устаревш.), *diastase* – (устаревш.). Это верифицирует суждение о том, что словари отражают различия в историческом развитии, культурных и социальных условиях, время появления в медицинской терминологии.

10. Наличие нескольких дефиниций: *blood count* – анализ крови. 1. Подсчёт количества эритроцитов, тромбоцитов и лейкоцитов в кубическом миллиметре крови. 2. Подсчёт процентного содержания различных типов лейкоцитов в окрашенном мазке крови.

11. Функционирование эпонимов: *Schilling's blood count* – подсчёт лейкоцитов по Шиллингу (Роберт Шиллинг / R. Schilling – американский врач). Метод подсчёта клеток крови, основанный на разделении полиморфноядерных нейтрофилов на четыре группы в зависимости от количества и расположения ядерного материала.

12. Отсылка на другую статью: *boil* (*boyl*) – фурункул см. *furuncle*. Это подтверждает мысль о взаимосвязи нового и старого знания, сохранении опыта, «зафиксированного внутренней формой слова, передавать его от поколения к поколению благодаря феномену мотивированности производного слова» [10, с. 172].

13. Указание на происхождение слова: *catastalsis* [G. *kata-stellō*, –*stalçn*, *toputinorder*, *tocheck*, *restrain*, +*-sis*], *Podophyllum peltatum* Willd. – от греч. *pous*, *podos* – нога + *phyllon* – лист. Характеризует листья растения, напоминающие лапки животного.

14. Применение сокращений: *dibucaine number* (DN) – дибукаинового показателя определение.

15. Указание на область медицины: *diarthrosis* [NA] – диартроз, где NA – *Nomina Anatomies* (Анатомическая Номенклатура).

16. Состав термина: *pyopneumocholecystitis* – [*pyo*-+ G. *phuma*, *air*, +*-o*- + *cholecystitis*] – пиопневмохолецистит.

17. Указание на свойство: *paraverine* – бензилизохинолиновый алкалоид опия; ненаркотик, обладающий анагезирующим и спазмолитическим действием. В данном случае указано фармакологическое свойство.

При анализе словарей было выявлено, что они могут репрезентировать ПЯКМ специалиста-медика по-разному. Например, этимологический словарь лекарственных растений¹ как объект анализа имеет ряд отличий от медицинского словаря не только в содержании, но и в ПЯКМ, которая от-

¹ Светличная Е. И., Толок И. А. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений. Харьков: Изд-во НФау: Золотые страницы, 2003. 288 с.

ражается в его элементах. Об этом свидетельствуют следующие характеристики.

1. Каждое название лекарственного растения сопровождается номенклатурным наименованием, представленным на латинском языке: *Achillea millefolium* L. – тысячелистник обыкновенный.

2. Наличие нескольких народных наименований: *Artemisia vulgaris* L – полынь обыкновенная, чернобыльник, чернобыль. Нельзя не отметить тот факт, что народные названия растений являются источником знаний о культуре определённых народов, поскольку

именно они хранят воспоминания о прошлом, в них находят отражение быт и духовная жизнь конкретного народа [11, с. 271].

3. Указание на лекарственное сырьё (листья, трава, экстракт и др.) и вариации его применения в медицинской практике: *Equisetum arvense* L. – хвощ полевой. Лек. сырьё: *Herba Equiseti* – трава хвоща. Используется, как мочегонное, кровоостанавливающее, противовоспалительное средство.

В табл. 1 отражены основные характеристики словарной статьи в медицинских словарях, которые репрезентируют ПЯКМ специалиста-медика.

Таблица 1

**Репрезентация профессионально-языковой картины мира
специалиста-медика в медицинских словарях**

Operation	
транскрипция	op-er-âshûn
указание на происхождение и состав слова	[L. <i>operor</i> , <i>operatus</i> , to perfo, to work+ -tion]
перевод	операция
дефиниции	1. Любое хирургическое оперативное вмешательство. 2. Действие, методика или совокупность согласованных действий по единому плану (в т. ч. военных).
отсылка на другую статью	См. также <i>method</i> – метод – манипуляция – техника.
наличие синонимов	Manchester operation – Fothergill's operation
эпоним	Abbe's operation – операция Абби (Абби, американский хирург, 1851–1928). Перемещение лоскута нижней губы, взятого на всю толщу средней порции, на верхнюю губу.

Таким образом, медицинские термины, зафиксированные в словарях, как и термины других областей знания, «создаются для обозначения предметов, явлений, процессов и признаков, когнитивно и дискурсивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве»

[6], обладают специальной информацией, которая должна «быть полезной, эффективной, так как имеет непосредственное отношение к экологии человека, и связана с такими понятиями, как *жизнь и смерть, здоровье, болезнь, выздоровление/хроническое заболевание*» [8, с. 285],

«дают возможность наиболее точно и четко излагать содержание предмета, а также кодируют знания» [1, с. 89], необходимые для специалиста-медика.

Анализ медицинских словарей свидетельствует об их влиянии на профессионально-языковую картину мира врача. При помощи зафиксированных в них терминов, врач узнает значение термина дефиницию, синонимы и определённые фармакологические свойства фитонимов. Каждый специа-

лист определённой области медицины имеет свою индивидуальную ПЯКМ.

Специальные единицы в языке медицины, зафиксированные в словарях, расширяют, углубляют ПЯКМ специалиста-медика. Они служат основой для получения профессиональных знаний и способствуют профессиональному росту, а также репрезентации ПЯКМ специалиста в обществе.

Статья поступила в редакцию 20.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейникова Т. В. Лингвистическое моделирование двуязычного словаря по этике (на материале английского и русского языков). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 196 с.
2. Гринев С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
3. Гринев С. В. Терминография: проблемы и перспективы // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. Горький: ГГУ, 1990. С. 17–23.
4. Киселева Л. А. Профессионально-языковая картина мира специалиста-медика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 4. С. 13–18.
5. Киселева Л. А. Терминологическая репрезентация профессионально-языковой картины мира врача в немецком языке (на примере предметной области медицины «акушерство и гинекология»): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2018. 154 с.
6. Лукоянова Т. В. Причины разнообразия определений понятия «термин» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/035-019.pdf> (дата обращения: 26.05.2019).
7. Лукоянова Т. В. Когнитивное терминоведение как одно из направлений современной лингвистики // Lingua Mobilis. 2014. № 3 (49). С. 75–80.
8. Маджаева С. И., Сатретдинова А. Х. Медицинская информация и экологическое пространство пациента // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2 (5). С. 280–286.
9. Марчук Ю. Н. Основы терминографии. М.: МГУ, 1992. 76 с.
10. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Е. С. Кубрякова, Б. А. Се-ребрянников, В. И. Пустовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
11. Синицина А. О. Принцип номинации фитонимов рода Polygonum // Термины в коммуникативном пространстве. Астрахань: Издательство Астраханского государственного медицинского университета, 2018. С. 270–276.
12. Татаринцов В. А. История отечественного терминоведения. М.: Московский лицей, 1995. 334 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

REFERENCES

1. Aleinikova T. V. *Lingvisticheskoe modelirovanie dvuyazychnogo slovarya po etike (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* [Linguistic modeling of a bilingual ethics dictionary (based on English and Russian languages)]. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2015, 196 p.
2. Grinev S. V. *Vvedenie v terminografiyu: Kak prosto i legko sostavit' slovar'* [Introduction to Terminography: How to Make a Dictionary Simple and Easy]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 224 p.
3. Grinev S. V. [Terminography: problems and prospects]. In: *Teoriya i praktika nauchno-tekhnicheskoi leksikografii i perevoda* [Theory and practice of scientific and technical lexicography and translation]. Gorkiy, Gorky State University Publ., 1990, pp. 17–23.
4. Kiseleva L. A. [Professional-language world picture of a specialist in medicine]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 4, pp. 13–18.
5. Kiseleva L. A. *Terminologicheskaya reprezentatsiya professional'no-yazykovoi kartiny mira vracha v nemetskom yazyke (na primere predmetnoi oblasti meditsiny «akusherstvo i ginekologiya»): dis. ... kand. filol. nauk* [Terminological representation of the professional-linguistic picture of the doctor's world in German study of the subject area of medicine "obstetrics and gynecology"]: PhD Thesis in Philological Sciences]. Astrakhan, 2018, 154 p.
6. Lukoyanova T. V. [The reasons for the variety of definitions of the term "term"]. In: *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University], 2014, no. 2 (30). Available at: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/035-019.pdf> (accessed: 26.05.2019).
7. Lukoyanova T. V. [Cognitive terminology as one of the new schools in modern linguistics]. In: *Lingua Mobilis*, 2014, no. 3 (49), pp. 75–80.
8. Madzhaeva S. I., Satretdinova A. Kh. [Medical information and ecological space of a patient]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2015, no. 2 (5), pp. 280–286.
9. Marchuk Ju. N. *Osnovy terminografii* [The basics of termography]. Moscow: Moscow State University Publ., 1992. 76 p.
10. Kubryakova E. S., Serebryannikov B. A., Pustovalova V. I. et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language: Language and world picture]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 216 p.
11. Sinitsina A. O. [The principle of nomination of phytonyms of the genus Polygonum]. In: *Terminy v kommunikativnom prostranstve* [The terms in the communicative space]. Astrakhan, Astrakhan State Medical University Publ., 2018, pp. 270–276.
12. Tatarinov V. A. *Istoriya otechestvennogo terminovedeniya* [The history of national terminology]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 1995, 334 p.
13. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, 288 p.
14. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета;

e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Лукоянова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета;

e-mail: lukoyanova_tanya@mail.ru

Синицина Алиса Олеговна – преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета;

e-mail: alice694@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sanya I. Madzhaeva – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University;

e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Tatiana V. Lukoyanova – PhD in Philological Sciences, assistant professor of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University;

e-mail: lukoyanova_tanya@mail.ru

Alisa O. Sinitsina – lecturer at the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University;

e-mail: alice694@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маджаева С. И., Лукоянова Т. В., Синицина А. О. Роль словаря в формировании профессионально-языковой картины мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 64-71.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-64-71

FOR CITATION

Madzhaeva S. I., Lukoyanova T. V., Sinitsina A. O. The role of dictionary in the professional linguistic worldview formation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 64-71.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-64-71

УДК 81.873.47

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-72-81

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДИСФЕМИЗМОВ В КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Малюга Е. Н., Орлова С. Н.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения лексико-семантических свойств дисфемизмов в современной англоязычной корпоративной коммуникации (британский и американский варианты английского языка). Авторы устанавливают место дисфемизмов в корпоративной коммуникации, выявляют сущностные характеристики дисфемизмов, определяющие их лексико-семантические свойства, а также рассматривают роль дисфемизмов в реализации некоторых ключевых речевых стратегий в рамках корпоративной коммуникации. В исследовании используются методы сплошной выборки, дефиниционного анализа, текстового анализа, компонентного анализа и комплексного анализа словарных единиц. Научная новизна исследования проистекает из его фокуса на процессах дисфемизации, проявление которых в рамках корпоративной коммуникации представляет собой малоизученную научную проблематику. Авторы приходят к выводу о том, что корпоративная деятельность отражается в языке и зависит от адекватного применения языковых моделей, и изучение дисфемии в корпоративной коммуникации способствует более глубокому пониманию различных бизнес-процессов.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, корпоративная коммуникация, связи с общественностью, брэнд

LEXICAL-SEMANTIC PROPERTIES OF DYSPHEMISMS IN CORPORATE COMMUNICATION

E. Malyuga, S. Orlova

Peoples' Friendship University of Russia

6 ulitsa Miklukho-Maklay, Moscow 117198, Russian Federation

Abstract. The article explores the issue of lexical and semantic properties of dysphemisms in modern English-language corporate communication (British and American varieties of the English language). The authors establish the place of dysphemisms in corporate communication, identify their essential characteristics accounting for their lexical and semantic properties, and also consider the role of dysphemisms in the implementation of some key speech strategies in the framework of corporate communication. The study uses the methods of continuous sampling, definition analysis, text analysis, component analysis and complex analysis of vocabulary units. The scientific novelty of the article stems from its focus on the processes of dysphemy, the manifestation of which in the framework of corporate communication is understudied as a research problem. The authors conclude that corporate activity is reflected in the language and

depends on the appropriate use of language models, and the study of dysphemism in corporate communication contributes to a deeper understanding of various business processes from the point of view of the language activity involved in them.

Keywords: dysphemism, euphemism, corporate communication, public relations, brand

Введение

В настоящее время научные проблемы, связанные с особенностями функционирования корпоративной коммуникации, становятся объектом научного рассмотрения в рамках различных гуманитарных дисциплин, включая лингвистику. При этом в качестве одного из ключевых вопросов выступают возможные пути обеспечения эффективности корпоративной коммуникации, в частности посредством эвфемизации и дисфемизации.

В то время как проблема роли эвфемизмов в корпоративной коммуникации нашла достаточно широкое освещение в научной литературе [4; 6; 11; 12], вопрос места дисфемизмов в корпоративном устном и письменном общении остаётся малоисследованным. Цель данной работы заключается в выявлении лексико-семантических свойств дисфемизмов в англоязычной корпоративной коммуникации, что, в свою очередь, предусматривает решение следующих конкретных задач:

1) дать определения корпоративной коммуникации и дисфемизации как ключевым объектам исследования;

2) проанализировать причины появления дисфемизмов в корпоративной коммуникации, установить место дисфемизмов в корпоративной коммуникации;

3) выявить сущностные характеристики, универсальные и специфические параметры дисфемизмов, определяющие их лексико-семантические свойства;

4) рассмотреть роль дисфемизмов в реализации основных речевых стратегий.

Методологической основой работы является комплексная методика исследования, включающая методы сплошной выборки, дефиниционного анализа, текстового анализа, компонентного анализа и комплексного анализа словарных единиц.

Научная новизна данной работы проистекает из её фокуса на процессах именно дисфемизации, особенности проявления которых нуждаются в научном описании.

Теоретические предпосылки исследования

Корпоративная коммуникация – деятельность, связанная с управлением и организацией всех внутренних и внешних коммуникаций и направленная на создание благоприятного имиджа компании [13]. Это любой вид коммуникации, исходящий от корпоративной организации и адресованный её сотрудникам, представителям СМИ, партнёрам, а также широкой публике и заинтересованным лицам с целью информирования и, одновременно, сохранения репутации, поддержания бренда. Корпоративные коммуникации выступают в качестве инструмента, позволяющего наладить внутренние и внешние контакты, разъяснить как текущие, так и глобальные корпоративные цели и задачи, сформулировать приоритеты организации и должным образом из-

ложить концепцию её функционирования [2].

Возможно, лучший способ дать дефиницию корпоративным коммуникациям – это посмотреть, как данная функция получила развитие внутри организаций. До 1980-х гг. специалисты, отвечающие за коммуникацию в своих организациях, использовали термин «связи с общественностью» (PR) для описания взаимодействия с заинтересованными сторонами (этот термин до сих пор используется в научных кругах по всему миру). PR функция, которая рассматривалась в качестве стратегической в большинстве компаний, в основном состояла из общения с прессой [7]. Когда другие заинтересованные стороны (как внутренние, так и внешние по отношению к компании) начали требовать от компании больше информации, специалисты по коммуникациям внутри организаций впоследствии стали рассматривать коммуникацию как нечто большее, чем просто пиар. Таким образом началось развитие новой функции корпоративной коммуникации, которая стала включать в себя целый ряд специализированных дисциплин, таких как корпоративный брэндинг, корпоративная реклама, внутренние коммуникации (с сотрудниками компании), кризисные коммуникации, корпоративная репутация и ответственность, взаимодействие со СМИ и отношения с инвесторами. Важной характеристикой новой функции было то, что она объединила ряд коммуникационных дисциплин в единый отдел корпоративных коммуникаций или корпоративных отношений [9].

Важность корректного построения имиджа компании, очевидно, корре-

лируется с необходимостью использования правильных речевых стратегий в ходе осуществления корпоративных коммуникаций, и в этом смысле использование именно эвфемизмов часто становится надёжным подспорьем, позволяя избежать употребления слов и выражений, которые могут быть восприняты как оскорбительные или нанести на мысль о чём-то неприятном [10], навредив, таким образом, репутации компании. Эвфемизмы могут быть использованы для маскировки ненормативной лексики или для вежливой отсылки к таким темам, как недееспособность, смерть, финансовые задолженности и т. п.

Дисфемизмы, в свою очередь, контрастируют с нейтральными или эвфемистическими выражениями и несут на себе коннотации, оскорбительные по отношению к предмету разговора или адресату. Употребление дисфемизмов иногда мотивируется такими чувствами, как страх, отвращение, ненависть и презрение. Другими словами, дисфемизм – это уничижительный или неприятный термин, используемый вместо приятного или нейтрального (например, «психушка» вместо «психиатрическая больница») [8], и особенности проявления именно дисфемии в корпоративной коммуникации представляют непосредственный интерес в настоящем исследовании.

Материал исследования

Исследование дисфемистических словоупотреблений проводится на материале британского и американского национальных вариантов английского языка и опирается на анализ языка корпоративных переговоров (подборка транскриптов группы компаний

Hera 2009–2019 гг., компаний CPSC, CNBC, NBC), а также текстов газетных и журнальных статей, содержащих тексты или цитаты, имеющие отношение к корпоративной коммуникации. Исследуемый материал включает как транскрипты интервью бизнесменов и политиков, выстраивающих определённую коммуникативную систему взаимодействия для достижения стратегических и текущих целей компании, так и информационные тексты, нацеленные на корпоративную аудиторию (рубрики “Opinion”, “Opinion Videos”, “Business To Business”, “Spotlight”, “Commentaries”). Поскольку корпоративная коммуникация подразумевает осуществление информационного обмена не только внутри организации, но и с третьими лицами, – включая запланированные интеракции со СМИ, – цитаты, имеющие отношение к деятельности компаний и встречающиеся в периодических изданиях, также рассматриваются нами как часть языка корпоративной коммуникации.

Результаты исследования

Анализ корпоративной коммуникации позволяет выделить две ключевые причины употребления дисфемизмов.

Первая причина – это стремление говорящего отказаться от нейтральной лексики, «освободить» коммуникативный процесс от запретов или «бойкотировать» их. Процесс дисфемизации коснулся многих сфер человеческой деятельности, и рост популярности просторечной грубой лексики наблюдается сегодня в том числе в корпоративной коммуникации. Например, в следующем предложении, опубликованном в корпоративном отчете Joint Economic Committee, “death tax” упо-

требуется вместо “inheritance tax” или “estate tax”, позволяя отобразить реалии жизни без косвенных номинаций и «маскировки» действительности:

“...death tax has downplayed the capital stock in the US economy by roughly one trillion dollars”¹.

Второй ключевой причиной использования дисфемизмов в корпоративной коммуникации является некое непринуждённое психологическое состояние коммуникантов, что позволяет им игнорировать жёсткие предписания, нормы и ограничения. Главную роль среди психологических причин играет особое психическое состояние, получившее название «фрустрация». А. Бандура предположил, что фрустрация становится триггером для проявления агрессии, побуждая человека к наступательным нападениям в ответ на неприемлемое обращение, и именно такой порыв к выплёскиванию гнева генерирует в результате позитивные эмоции, ассоциирующиеся с состоянием сатисфакции, самоутверждения, доминирования и т. п. [1]. В такой перспективе предпочтение дисфемизмов в корпоративной коммуникации напрямую коррелируется со стремлением к достижению желаемого психологического состояния:

“This bureaucrat has a one-track mind. His objective, as Arkin, Bender, Mitchell and Skiena describe it, is to minimise the amount of work he does. He is subject to a constraint that he must be busy when there is work that he can do; we make this no-

¹ Joint Economic Committee. Cost and consequences of the Federal Estate Tax: Executive summary [Электронный ресурс]. URL: https://www.jec.senate.gov/public/_cache/files/bc9424c1-8897-4dbd-b14c-a17c9c5380a3/costs-and-consequences-of-the-federal-estate-tax-july-25-2012.pdf (дата обращения: 22.08.2019).

*tion precise... The resulting class of perverse scheduling problems, which we term 'Lazy Bureaucrat Problems', gives rise to a rich set of new questions"*¹.

В данном случае предпочтительное употребление лексической единицы "bureaucrat", носящей уничижительную коннотацию, вместо, например, нейтрального и формального "public official", указывает на желание выразить негативную оценку, что также отчётливо прослеживается в эпитете "one-track mind".

Дисфемизмы также нередко становятся частью корпоративной коммуникации в случаях, когда основной задачей является привлечение внимания заинтересованных лиц (адресатов сообщения). Несмотря на то, что информационное наполнение сообщения в таком случае не теряет своей важности, особое значение приобретает именно воздействующая функция, когда определённые оценки и отношения так или иначе внушаются, а весь процесс коммуникативного обмена всё больше зависит от интенций инициатора. Так, например, в рамках корпоративной коммуникации дисфемизмы часто используются для реализации стратегии дискриминации, когда негативная оценка предмета обсуждения внушается адресату намеренно посредством дисфемии:

*"He has sought to dodge responsibility for a wave of bloodshed that is widely blamed on his government during an unexpected and rare television interview"*².

¹ Transcripts of speeches by key executives // Gruppo Hera: [сайт]. URL: https://eng.gruppo-hera.it/group/com_media/transcripts/682019.html (дата обращения: 22.08.2019).

² Phillips T. Daniel Ortega rejects blame for Nicaragua bloodshed in rare interview // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/>

*"The National Rifle Association, Democrats and Republicans would happily come together on common-sense measures to halt the bloodshed"*³.

Используя дисфемизм "bloodshed" вместо "war" в корпоративной коммуникации, говорящий стремится показать реальную цену войны и разоблачить действия коллег и органов правительства:

"– What do you think about a slow revolution with as little bloodshed as possible?"

*– Considering we need a change in this country, and I am talking an over-haul. One that the people finally have the say what happens for once"*⁴.

В то время как процесс превращения нейтральной единицы в дисфемизм подразумевает в первую очередь трансформацию её денотативного значения, дальнейшая модификация коннотативного наполнения её семантического поля позволяет выразить отрицательную оценочность в рамках определённых контекстуальных границ. Например:

*"Gove seeks to ram academies bill through parliament. But if, on the other hand, large numbers move then inevitably people will ask whether sufficient consideration has been given to the system-wide impact of this on things like support for children with special needs"*⁵.

world/2018/jul/24/daniel-ortega-rejects-blame-for-nicaragua-bloodshed-in-rare-interview (дата обращения: 22.08.2019).

³ McGurn W. Guns and the do-something fallacy // The Wall Street Journal: [сайт]. URL: <https://www.wsj.com/articles/guns-and-the-do-something-fallacy-11565651915?mod=searchresults&page=1&pos=1> (дата обращения: 22.08.2019).

⁴ Transcripts of speeches by key executives // Gruppo Hera: [сайт]. URL: https://eng.gruppo-hera.it/group/com_media/transcripts/682019.html (дата обращения: 22.08.2019).

⁵ Podcast transcript: SalesProChat. "Improving

*"Lauri Love ruling 'sets precedent' for trying hacking suspects in UK"*¹.

В данных примерах именно факт предпочтения семантически сниженных единиц типа "to ram" (вместо, например, нейтрального "to pass") и "to hack" (вместо, например, нейтрального "to reject") объясняется намерением автора инкриминировать неспособность законодательных органов власти быстро и правильно принять законопроект. Схожий эффект достигается в следующих примерах, где нейтральная лексема типа "deport" уступает место дисфемизму "expel":

*"Sweden sends sharp signal with plan to expel up to 80,000 asylum seekers"*².

*"Western allies expel scores of Russian diplomats over Skripal attack"*³.

Некоторые дисфемизмы, регистрируемые в текстах и транскриптах корпоративной коммуникации, выступают в качестве своего рода «модного» коммуникативного хода, когда употребление нейтральных единиц уже не

the negotiation process" // Canadian Professional Sales Association: [сайт]. URL: <https://www.cpsa.com/cpsa/resources/articles/podcast-transcript-salesprochat-improving-the-negotiation-process> (дата обращения: 23.08.2019).

¹ Bowcott O. Lauri Love ruling 'sets precedent' for trying hacking suspects in UK // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/feb/05/hacking-suspect-lauri-love-wins-appeal-against-extradition-to-us> (дата обращения: 22.08.2019).

² Crouch D. Sweden sends sharp signal with plan to expel up to 80,000 asylum seekers // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jan/28/sweden-to-expel-up-to-80000-rejected-asylum-seekers> (дата обращения: 22.08.2019).

³ Borger J., Wintour P., Stewart H. Western allies expel scores of Russian diplomats over Skripal attack // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/26/four-eu-states-set-to-expel-russian-diplomats-over-skripal-attack> (дата обращения: 22.08.2019).

всегда рассматривается приемлемым в целях достижения необходимого эффекта, и именно эпатажность речи становится средством нахождения общего языка с аудиторией.

Употребление в речи дисфемизмов зависит от восприятия коммуникантами картины мира и демонстрирует степень проблемности обсуждаемого явления в данном социуме. Соответственно, чем больше дисфемизмов используется, тем данная проблематика является острее для говорящих. Классификации дисфемизмов А. Н. Резановой [5], О. Д. Пастуховой [3] охватывают ключевые сферы применения дисфемии в бытовой и общественно-политической коммуникации. Анализ исследуемого материала позволил нам выделить 4 наиболее актуальные тематические группы в современной корпоративной коммуникации:

- дисфемизмы-ругательства;
- дисфемизмы, характеризующие деловые и профессиональные разногласия;
- дисфемизмы, отражающие ущемления прав коммуникантов в корпоративной коммуникации;
- дисфемизмы, подчёркивающие недостатки коммуникантов в корпоративной коммуникации.

Ниже представлены четыре группы дисфемизмов, наиболее распространённых в рамках англоязычной корпоративной коммуникации.

1. Дисфемизмы, характеризующие различные деловые и профессиональные разногласия и конфликты, составляют первую тематическую группу. Современный английский язык богат синонимами внутри этой тематической группы. Именно синонимам свойственно обновляться и пополняться:

*"Sudan is heading for atrocity once again. The UK government must not sit by"*¹.

*"Spain fights to dispel legend of Inquisition and imperial atrocities"*².

*"Greece to expel Russian diplomats over alleged Macedonia interference"*³.

В рассматриваемых примерах лексемы типа "atrocities" и "expel" содержат дисфемистические коннотации и оказываются в отчётливой оппозиции к нейтральным и/или эвфемистическим альтернативам.

2. Дисфемизмы, отражающие ущемление прав коммуникантов в корпоративной коммуникации, возникают как реакция на асимметрию ролей в ситуации формального общения. В случае отсутствия агрессии в рамках коммуникативного обмена использование дисфемизмов носит скорее этикетный характер и предстаёт в качестве средства сближения коммуникантов. Например, в следующем высказывании говорящий, пренебрежительно выражаясь о «пашущих лошадках», некоторым образом подчёркивает тот факт, что тяжёлая работа объединяет его самого и его собеседника:

¹ Ferguson K. Sudan is heading for atrocity once again. The UK government must not sit by // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/13/sudan-atrocity-uk-government-massacres-isis> (дата обращения: 23.08.2019).

² Jones S. Spain fights to dispel legend of Inquisition and imperial atrocities // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/29/spain-black-legend-inquisition-conquistadors> (дата обращения: 23.08.2019).

³ Wintour P. Greece to expel Russian diplomats over alleged Macedonia interference // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/11/greece-to-expel-russian-diplomats-over-alleged-macedonia-interference> (дата обращения: 23.08.2019).

*"You create recessions and depressions at will, and make a killing doing it, while the working stiff goes without food, loses his home, his possessions, his job, etc."*⁴.

Коммуниканты, обсуждая уровень сотрудничества с таким человеком, позволяют использование лексики со сниженной себе семантической нагрузкой из чувства «кооперации». Необходимость пополнения словаря дисфемизмов обусловлена прагматическими причинами, поскольку им свойственна коннотативная нейтрализация, постепенное ослабление или утрата их прагматической силы.

3. Дисфемизмы, подчёркивающие недостатки коммуникантов, обычно носят ироничный характер в корпоративной коммуникации:

*"Is every man in Tennessee required by law to have a goatee, a paunch and a chrome dome, or do those features just abound among undecided voters?"*⁵.

Так, на уровне лексического значения дисфемизмы могут быть маркированы как пейоративно окрашенные единицы, но в случае отсутствия языковой агрессии они способны демонстрировать стратегию иронии или позитивной вежливости. При рассмотрении дисфемизмов данной группы необходимо принимать во внимание особенности культуры языкового обмена, устоявшейся в коллективе, а также специфику традиционно приемле-

⁴ Bankbusters // The Economist: [сайт]. URL: <https://www.economist.com/comment/572336#comment-572336> (дата обращения: 23.08.2019).

⁵ CNBC Transcript: Discovery Communications CEO David Zaslav speaks with CNBC's Julia Boorstin today // CNBC: [сайт]. URL: <https://www.cnbc.com/2019/07/10/cnbc-transcript-discovery-communications-ceo-david-zaslav-speaks-with-cnbc-julia-boorstin-today.html> (дата обращения: 23.08.2019).

мых в организации правил общения в разнообразных контекстах.

4. Дисфемистические слова и выражения, берущие своё начало в религиозных источниках, очевидно, менее распространены, но также представлены в англоязычной корпоративной коммуникации (“God”, “dammed”, “damn” и др.). Например:

“Spend, spend, spend. Because your savings aren’t worth a damn”¹.

“Is it time to stop giving so much of a damn at work?”².

Заключение

В корпоративной коммуникации отчётливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи путём использования вульгаризмов, грубых, просторечных и жаргонных слов и выражений (дисфемизации) и одновременно к её смягчению посредством употребления лексических единиц, заменяющих нетактичную или неуместную риторiku (эвфемизации). Выбор дисфемизмов для

выражения мысли определяется как социальными, так и институциональными нормами, при этом также следует отметить, что существуют определённые темы в рамках корпоративной коммуникации, которые в большей степени подвергаются процессам дисфемизации или эвфемизации.

Характерной особенностью функционирования дисфемизмов является их полярная зависимость к эвфемизмам, что даёт возможность оценить их роль в корпоративной коммуникации. Как показали примеры, дисфемизмы нередко выполняют функцию преднамеренного негативного языкового посыла, являясь при этом осознанным выбором коммуниканта. В любом случае эвфемизмы и дисфемизмы употребляются в корпоративной коммуникации в качестве инструментов, позволяющих реализовать определённые коммуникативные тактики в целях достижения желаемого прагматического эффекта.

Статья поступила в редакцию 26.08.2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 19-012-00515.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out as part of a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00515.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 509 с.

¹ Shriver L. Spend, spend, spend. Because your savings aren’t worth a damn // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/dec/28/uk-interest-rates-savings-spend> (дата обращения: 23.08.2019).

² Bravo L. Is it time to stop giving so much of a damn at work? // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/women-in-leadership/2016/mar/09/is-it-time-to-stop-giving-so-much-of-a-damn-at-work> (дата обращения: 23.08.2019).

2. Мурзин Д. А. Новые корпоративные стратегии коммуникаций в современной России // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 55–67.
3. Пастухова О. Д. Основные функции дисфемизмов и причина их употребления в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 69–72.
4. Потеряхина И. Н. Языковые особенности корпоративных сайтов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 111–113.
5. Резанова А. Н. Прагматика дисфемии в современном английском языке // *Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: сборник*. СПб.: Борея Арт, 2007. С. 207–212.
6. Ромашова И. П. Закономерности дискурс образования (на примере корпоративного дискурса) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 2. С. 231–236.
7. Самарцева Е. А. Роль корпоративных коммуникаций в защите репутации в период глобальной рецессии // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 4. С. 105–126.
8. Соловьева Н. В., Мартынова Л. С. Сопоставительный анализ терминов «эвфемизм», «дисфемизм» и «табу» // Сопоставительные исследования 2016: сборник трудов конференции. М.: Истоки, 2016. С. 160–165.
9. Старов С. А., Ландграф П. А. Корпоративный брендинг как концепция маркетинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2013. № 4. С. 70–99.
10. Харитонов В. Ю. Эвфемизм как средство не прямой коммуникации // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 110–116.
11. Gladney G. A., Rittenburg T. L. Euphemistic text affects attitudes, behavior // *Newspaper Research Journal*. 2005. Vol. 26. Iss. 1. P. 28–41.
12. La Cour A., Kromann J. Euphemisms and hypocrisy in corporate philanthropy // *Business ethics: A European review*. 2011. Vol. 20. Iss. 3. P. 267–279.
13. Van Riel C. B., Fombrun C. J. *Essentials of corporate communication: implementing practices for effective reputation management*. England: Routledge, 2007. 328 p.

REFERENCES

1. Bandura A., Walters R. *Podrostkovaya agressiya: izuchenie vliyaniya vospitaniya i semeinykh otnoshenii* [Adolescent aggression: a study of the influence of education and family relations]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000. 509 p.
2. Murzin D. A. [New Corporate Communication Strategies in Modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism], 2005, no. 1, pp. 55–67.
3. Pastukhova O. D. [Main functions of dysphemisms and the reasons of their usage in political discourse]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2014, no. 6 (335), pp. 69–72.
4. Poteryakhina I. N. [Language features of corporate sites]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2011, no. 33 (248), pp. 111–113.
5. Rezanova A. N. *Studia Linguistica XVI. Yazyk. Tekst. Kul'tura* [Studia Linguistica XVI. Language. Text. Culture]. St. Petersburg, Borei Art Publ., 2007, pp. 207–212.
6. Romashova I. P. [Principles of discourse formation (study of corporate discourse)]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova* [Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov], 2011, no. 2, pp. 231–236.
7. Samartseva E. A. [The role of corporate communications in protecting reputation during the global recession]. In: *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2012, vol. 10, no. 4, pp. 105–126.

8. Solov'eva N. V., Martynova L. S. [A comparative analysis of the terms "euphemism", "dysphemism" and "taboo"]. In: *Sopostavitel'nye issledovaniya 2016: sbornik trudov konferentsii* [A comparative study 2016: conference proceedings]. Moscow, Istoki Publ., 2016, pp. 160–165.
9. Starov S. A., Landgraf P. A. [The Conceptualization of Corporate Branding in a Marketing Domain]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment* [Vestnik of St.Petersburg University. Management], 2013, no. 4, pp. 70–99.
10. Kharitonova V. Yu. [Euphemism as a Means of Indirect Communication]. In: *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* [Language and the world of the studied language], 2016, no. 7, pp. 110–116.
11. Gladney G. A., Rittenburg T. L. Euphemistic text affects attitudes, behavior. In: *Newspaper Research Journal*, 2005, vol. 26, iss. 1, pp. 28–41.
12. La Cour A., Kromann J. Euphemisms and hypocrisy in corporate philanthropy. In: *Business ethics: A European review*, 2011, vol. 20, iss. 3, pp. 267–279.
13. Van Riel C. B., Fombrun C. J. Essentials of corporate communication: implementing practices for effective reputation management. England: Routledge, 2007. 328 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малюга Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов;

e-mail: malyuga_en@rudn.ru

Орлова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов;

e-mail: orlova_sn@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Malyuga – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Languages at the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia;

e-mail: malyuga_en@rudn.ru

Svetlana N. Orlova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages at the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);

e-mail: orlova_sn@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малюга Е. Н., Орлова С. Н. Лексико-семантические свойства дисфемизмов в корпоративной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 72–81.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-72-81

FOR CITATION

Malyuga E. N., Orlova S. N. Lexical-semantic properties of dysphemisms in corporate communication. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 72–81.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-72-81

УДК

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-82-88

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ *BOGAN* В АВСТРАЛИЙСКОЙ И НОВОЗЕЛАНДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ощепкова В. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению австралийского и новозеландского лингвокультурного типажа *bogan* (боган) и его конститутивных признаков. На основе анализа словарных дефиниций, описаний и толкований образа *bogan* (богана) в массовом сознании австралийцев даётся современная трактовка понятия в связи с эволюцией значения слова “*bogan*”. Среди узнаваемых типажей лингвокультуры Австралии фигурирует образ австралийца англосаксонского происхождения, взгляды, образ жизни и речь которого считаются грубыми, примитивными, и сам он воспринимается как человек малообразованный и малокультурный. Выделяют несколько подтипов боганов, в том числе – “*a cashed up bogan*” (разбогатевший боган). В зависимости от контекста это название может быть неодобрительным, самоуничижительным, а в последние годы – наполненным гордостью, ура-патриотизмом. Это типаж, противопоставлявший себя ценностям и установкам среднего класса в прошлом и отражающий меняющиеся отношения в обществе к этому социальному классу в Австралии. В лингвистической литературе этот типаж ещё не был объектом специального изучения.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, лингвокультура, конститутивный признак, эволюция значения слова «боган», концепт

LINGUOCULTURAL TYPE *BOGAN* IN AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND LINGUOCULTURES

V. Oschepkova*Moscow Region State University**24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of Australian and New Zealand linguocultural type *bogan* and its constituent characteristics. Analysis of dictionary definitions, descriptions of the image of *bogan* in Australian culture reveals modern interpretation of this notion in connection with evolution of the the word meaning. Among recognizable linguocultural types of Australian culture there is an image of an Australian of Anglo-Saxon descent poorly educated and lacking culture, whose views, way of life and speech are considered rude, primitive. There are several subtypes of bogans, including “*a cashed up bogan*”. Depending on the context this name could be considered as pejorative, self deprecating and lately as full of pride and patriotism. This type opposed itself to values and standards of middle class in the past and now reflects a changing

attitude to this social class in Australian society. This type hasn't been the object of special attention in linguistic literature as yet.

Keywords: linguocultural type, linguoculture, constituent characteristic, evolution of the meaning of the word *bogan*, concept

В ряду узнаваемых типажей лингвокультуры Австралии – *Aussie, Australian bloke, Larrikin, Ocker, Alf, Bodgies and widgies, Dero (Australian slang for a derelict person), Lad, Feral, Hoon, Sharpies, Westie, Yobbo* – обобщённые образы людей, черты которых хорошо знакомы австралийцам и новозеландцам. Среди них выделяется лингвокультурный типаж *bogan* – образ малообразованного и вульгарного человека, резко противопоставляющего себя взглядам и ценностям среднего класса. Под лингвокультурным типажом мы вслед за В. И. Карасиком понимаем типизируемую личность, представителя некой этносоциальной группы, узнаваемую по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и ценностной ориентации [1, с. 35].

Именно к таким лингвокультурным типажам относится *bogan* (боган). На улицах Мельбурна можно увидеть плакаты с изображением типичного богана. Это мужчина мужественного и одновременно отталкивающего вида с сигаретой во рту, пирожком с мясом, политым томатным соусом, в одной руке и банкой тёмного австралийского пива в другой. На руке у него татуировка с изображением бушрейнджера и разбойника Неда Келли. Как известно, пирожок с мясом считается национальной австралийской едой, и типичного австралийца иногда называют *a meat pie* (т. е. пирожок с мясом).

В представленной статье даётся комплексная когнитивно-дискурсив-

ная и лингвокультурологическая характеристика типажа «боган». Анализируется дискурсивная специфика его репрезентации, смысловые трансформации [2, с. 164]. Относя лингвокультурный типаж *bogan* к концептам особого рода, мы выявляем его языковые репрезентанты и выделяем в его структуре образную, понятийную и ценностную составляющие, это распространённый и легко узнаваемый типаж, не представляющий собой модельной личности и не служащий образцом для подражания, но достаточно длительное время входящий в концептосферу [1, с. 42; 3, с. 102–103].

В статье рассматривается определённый тип коммуникативного поведения, оказавший существенное влияние на формирование современной австралийской ментальности.

В австралийском и новозеландском сленге *bogan* (боган) – это человек, речь, одежда, взгляды и поведение которого отличаются грубостью и примитивностью. В зависимости от контекста это название может быть неодобрительным или самоуничижительным. В последние годы отношение к *bogans* (боганам) как социальной группе меняется, и их начинают воспринимать как людей, воплощающих истинно австралийские черты [5, р. 429–430].

Для выявления интерпретации понятийного компонента лингвокультурного типажа *bogan* мы рассмотрели словарные дефиниции, описания и толкования. Кроме того, материалом

для исследования послужила информация, размещённая в интернете на сайтах, порталах и личных страницах пользователей.

На основании анализа мы выделили следующие признаки в значении слова *bogan*: 1) принадлежность к низшим социальным слоям; 2) как правило, принадлежность к людям англосакского происхождения (редко, к аборигенам, связанным с преступным миром); 3) принадлежность к работникам физического труда; 4) невежественность и косность; 5) социальная неприемлемость; 6) проживание в пригородах больших городов; 7) приверженность антиавторитарным или ура-патриотическим взглядам.

В основе статьи следующие положения: 1) в коллективном австралийском сознании существует типаж «боган» – человек, поведение которого отличается от принятого у представителей австралийского среднего класса, вызывающий презрение и некоторое опасение; 2) отношение к богану в австралийской лингвокультуре двояко: высокомерное, презрительное, настороженное и боязливое, и одновременно, как к человеку, воплощающему черты «австралийскости» (возможно, не самые лучшие); 3) существует несколько подтипов богана в австралийской лингвокультуре; 4) характерные черты боганов зафиксированы в литературе, средствах массовой информации, кино; 5) есть типичные способы языкового обозначения богана.

С 1980-х гг. лингвокультурный типаж *bogan* стал олицетворять собой хорошо узнаваемую субкультуру и часто воспринимается как воплощение дурного вкуса. Это название стало особенно популярно в конце 1980-х гг., когда

героиня австралийского комического сериала “The Comedy Company”, девочка-подросток Кили Моул, называла боганом любого человека, который ей не нравился. В этой же программе был скетч о журнале под названием «Бог» / *Bogie* (пародия на «Бог» – *Vogue*), в котором действовали традиционные боганы. Его использовали в радиошоу.

Такой человек отказывается соответствовать принятым в среднем классе стандартам вкуса, кулинарным предпочтениям, видам отдыха, стилю одежды и особенностям речи, и его с предубеждением воспринимают некоторые группы населения. Существуют внешние приметы богана. Это определённые предметы одежды, такие как фланелевые рубашки, капюшоны, шорты, рабочая одежда известной австралийской марки, сапоги-угги, джинсы и чёрные леггинсы. Он обычно обожает свой автомобиль австралийского производства или сборки, гоняет на нём, не заботясь о соблюдении правил. Он любит классический рок, пристрастен к алкоголю. Боган не посещает стоматолога, поскольку это ему не по карману.

Этимология слова *bogan*, как свидетельствуют наиболее авторитетные словари австралийского варианта английского языка¹, неясна.

Австралийский национальный лексикографический центр (The Australian National Dictionary Centre (ANDC)) включил это слово в проект по созданию Австралийского словаря в 1991 г., утверждая, что лексикографы выяви-

¹ См.: Bogan // The Macquarie Dictionary; The National Dictionary. Sydney: The Macquarie Library Pty Ltd., 2009. P. 225; Bogan // The Australian modern Oxford dictionary / ed. F. Ludowyk, B. Moore. Melbourne, Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 127.

ли самое раннее употребление этого слова в 1885 г. в сентябрьском выпуске журнала серфингистов¹.

Это слово входит в состав ряда топонимов в западном Новом Южном Уэльсе (New South Wales) – например, *Bogan Shire*, *the Bogan River* и в название небольшой деревушки *Bogan Gate*; название *Bogan Gate* произошло от местного аборигенного слова, означающего «место рождения уважаемого главы местного племени». Жители улиц с названиями *Bogan Place* и *Bogan Road* добились их переименования поскольку с этими названиями связаны отрицательные коннотации.

Как отмечает известная австралийская журналистка и критик Мел Кэмпбелл (Mel Campbell) в 2006 г. в статье для газеты “The Sydney Morning Herald”, *bogan* (включая “*cached-up bogan*”) – это расплывчатый концепт, часто используемый в рассуждениях об «австралийскости» и тех её проявлениях, которые тревожат и причиняют неудобство, и каждый австралиец немного боган². Это слово проводит границу между «нами» и «ими». Журналистка заявляет, что многие австралийцы утверждают, что точно знают, кто такой боган и каким характеристикам он может соответствовать, но чёткого набора его характеристик не существует. Говорящий предполагает, что определённый человек отличается

от него и менее культурен, чем он. Австралийский писатель Дэвид Николс (David Nichols), автор книги «Иллюзия богана» (*The Bogan Delusion*, 2011), пишет, что люди придумали это создание, которое не совсем человеческое существо, чтобы выразить междоусобицу ненависть [4].

К XIX в. термин *bogan* стал восприниматься более благожелательно, обозначая человека, гордящегося своей неотёсанностью. В 2002 г. другая известная австралийская журналистка Мишель Гриффин заявила, что слово боган / *bogan* больше не используется как оскорбление, а служит своего рода показателем принадлежности к культуре «оззи» – *the ‘Aussie’ culture* (подлинно австралийской), – чем гордятся многие австралийцы-ангლოსаксы. В прошлом, слово *bogan* выражало презрение, а сейчас «круто» быть боганом (*It’s ‘cool’ to be a bogan*)³.

Радиостанция “Triple J” объявила 28 июня 2002 г. национальным днём богана (“a National Bogan Day”) и отметила его исполнением музыки нескольких рок-групп. В 2002 г. появилась ставшая хитом песня “Nobody Likes A Bogan” (Никто не любит богана).

В 2007 г. Майкрософт признал слово *bogan* одним из двадцати разговорных слов, наиболее значимых для австралийских пользователей, и это слово было внесено в словарь Майкрософт Офис 2007.

В 2011 г. студенты-лингвисты новозеландского Оклендского университета на основе проведённого опроса вы-

¹ Meanings and origins of Australian words and idioms // Australian National University / School of Literature, Languages and Linguistics: [сайт]. URL: <https://slll.cass.anu.edu.au/centres/andc/meanings-origins/all> (дата обращения: 01.06.2019).

² Campbell M. Perhaps there’s a little bogan in everyone // Sydney Morning Herald: [сайт]. URL: <https://www.smh.com.au/national/perhaps-theres-a-little-bogan-in-everyone-20060608-gdnpim.html> (дата обращения: 22.07.2019).

³ Griffin M. Bogansville: meet the new in-crowd // The Age: [сайт]. URL: <https://www.theage.com.au/entertainment/bogansville-meet-the-new-in-crowd-20020716-gdue8z.html> (дата обращения: 01.06.2018).

явили разницу в отношении к этому слову между людьми младше и старше 30-ти лет. Более молодое поколение склонно считать этот термин положительным, а люди старше 30-летнего возраста расценивают его скорее как отрицательный. Слово включено в Оксфордский словарь английского языка в июне 2012 г.¹.

Типичного богана неоднократно изображали в нескольких австралийских телевизионных шоу. Так, в 2016 г. в фильме “Suicide Squad” (основанном на DC Comics) классический австралийский отрицательный персонаж Капитан Бумеранг (*Captain Boomerang*), обычно имеющий ослепительный вид, представлен в виде богана.

Популярный в интернете вебсайт² и ставшая бестселлером книга под названием «Что нравится боганам» / “Things Bogans like” (2011)³ содержат 250 статей, посвящённых тому, что по вкусу богану, и утверждают, что в наши дни боган ассоциируется с доходом, классом, расой, родом и логикой поведения. Авторы продолжили изучение этой социо- и лингвокультурной группы и опубликовал книгу под названием «Боганомика: наука о том, почему боганы любят то, что они любят» / “Bonomics: The Science of Why Bogans Like the

Things They Do” (2012)⁴. В ней описывается, как и почему изменился сам боган в XXI в. и его восприятие.

Слово *bogan* передаёт негативное отношение к англо-австралийцам, и поэтому средства массовой информации Австралии активно стараются придать этому слову положительное значение.

Так, например, был разработан «Тест на богана» (“The Bogan Test”), пройдя который, любой австралиец или новозеландец может определить, в какой степени он подпадает под категорию «боган»⁵.

Выделяют до девяти подтипов боганов, в том числе “cashed up bogan”, или распространённый акроним “CUB” (от “cashed up bogan”), т. е. «разбогатевший боган». В 2006 г. это название было предложено одним из исследователей рынка как название чернорабочих, которые стали получать большую зарплату и тратить её на дорогие и остро модные товары. В средствах массовой информации боганами называют, например, известного австралийского теннисиста Лейтона Хьюитта и его жену актрису Век Картрайт⁶.

Австралийская компания «Кеслер» (Kaesler) выпускает красное сухое вино

¹ Bogan breaks into Oxford dictionary // News.com.au. URL: <https://www.news.com.au/news/bogan-breaks-into-oxford-dictionary/news-story/d8a60156e169e4d39ac85a41de9af4f2> (дата обращения: 01.06.2018).

² См.: Things Bogans likes [Электронный ресурс]. URL: <https://thingsboganslike.com> (дата обращения: 01.07.2019).

³ Things Bogans Like: Tribal tats to reality tv: how to recognise the twenty-first century bogan / E. C. McSweeney, E. Hubbard, F. Johnson, H. McKenzie-Smythe, I. De Milo, M. Jayfox. Australia and New Zealand: Hachette Australia, 2011. 303 p.

⁴ Bonomics: The Science of Why Bogans Like the Things They Do / E. C. McSweeney, E. Hubbard, F. Johnson, H. McKenzie-Smythe, I. De Milo, M. Jayfox. Hachette Australia, 2012. 336 p.

⁵ Kippist L. You're a bogan too. Just take this test // News.com. URL: <https://www.news.com.au/lifestyle/relationships/youre-a-bogan-too-just-take-this-test/news-story/5905adfc297a6bd7a3357fd566da037e> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Snobbery alert: the ‘Cub’ is busy turning Melbourne into Boganville // The Age: [сайт]. URL: <https://www.theage.com.au/national/snobbery-alert-the-cub-is-busy-turning-melbourne-into-boganville-20060520-ge2cnu.html> (дата обращения: 01.07.2019).

под названием “The Bogan”. Это слово считают несравненным и достойным признания в качестве австралийского ключевого слова.

Слово “bogan” понятно во всех уголках Австралии и Новой Зеландии, однако в некоторых районах есть собственные обозначения этой же социальной группы: “Bevan” or “Bev” (Квинсленд); “Booner” (Канберра); “Chigger”, “chigga”, “chig” (Тасмания; очевидно, от названия пригорода г. Хобарт – Chigwell), “Scozza” (в Джилонге, штат Виктория).

Подчеркнём, что “westie” или “westy” – это не синоним слова *bogan*, хотя *westies* часто считают боганами. “Westie” предшественник *bogan*, это слово стало использоваться в Сиднее в 1970-е гг. для обозначения жителей западных окраин города. Поскольку в западных пригородах Сиднея в основном проживают представители рабочего класса, то это название обычно относится к малообразованному, безвкусному, ограниченному представителю рабочего класса. Название “westie” сейчас широко используется во многих городах Австралии и Новой Зеландии, где оно особенно широко употребляется по отношению к жи-

телям Западного Окленда. При этом пригороды больших городов, в которых проживает много людей, относящихся к рабочему классу, часто называют «боганвиллями» – *boganvilles*.

Типичный боган говорит на социолекте *Boganese* («боганском» социолекте со значительными отступлениями от стандартного английского языка в фонетике, вокабуляре и грамматике). Используемые в этом социолекте сленгизмы и вулгаризмы получили название «боганизмов» (*boganisms*), например, *oi*, *dickhead*, *footy*, *crikey*, *bloody*, *sheila*, *VB*, and *barby*; а сам социолект пародируется в ряде юмористических передач, в том числе в серии передач известного комика Ксавьера Сусаи (Xavier Susai) под названием «Курс изучения языка. Говорим по-богански» / “Language Learning Course. Bogan Speaks”.

Подводя итог описания лингвокультурного типажа *bogan*, можно заключить, что это слово характеризует определённый тип коммуникативного поведения, оказавший существенное влияние на формирование современной австралийской ментальности.

Статья поступила в редакцию 19.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типаж: сборник научных трудов. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 35–42.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 171 с.
4. Nichols D. The Bogan Delusion. Melbourne: Affirm Press, 2011. 224 p.
5. Paternoster H. J., Warr D., Jacobs K. The enigma of the bogan and its significance to class in Australia: A socio-historical analysis // Journal of Sociology. 2018. Vol. 54. Iss. 3. P. 429–445.

REFERENCES

1. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. [Linguistic and cultural type: the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: Lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: Linguo-cultural character types]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, pp. 35–42.
 2. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
 3. Ter-Minasova S. G. *Voina i mir yazykov i kul'tur* [War and peace of languages and cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 171 p.
 4. Nichols D. *The Bogan Delusion*. Melbourne, Affirm Press, 2011. 224 p.
 5. Paternoster H. J., Warr D., Jacobs K. The enigma of the bogan and its significance to class in Australia: A socio-historical analysis. In: *Journal of Sociology*, 2018, vol. 54, iss. 3, pp. 429–445.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ощепкова Виктория Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Московского государственного областного университета;

e-mail: oschep2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoria V. Oschepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the English Philology Department, Moscow Region State University;

e-mail: oschep2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ощепкова В. В. Лингвокультурный типаж *bogan* в австралийской и новозеландской лингвокультурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 82–88.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-82-88

FOR CITATION

Oschekova V. V. Linguocultural type *bogan* in Australian and New Zealand Linguocultures. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 82–88.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-82-88

УДК 81`2

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-89-99

О ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ДЕРИВАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Плаксин В. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Краснодарский филиал
350051, г. Краснодар, шоссе Нефтяников, д. 32, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию системы терминообразования в экономической сфере. Опираясь на значительный языковой материал, автор выявляет и описывает наиболее продуктивные современные способы и модели образования экономических терминоединиц. В процессе исследования были использованы компонентный анализ, опирающийся на словарные дефиниции, полевой и описательный методы, а также элементы количественного анализа. В результате предложено описание целостной многоуровневой системы деривации профессионально-терминологической лексики финансово-экономической сферы. Основные выводы исследования могут быть использованы при комплексном анализе способов создания экономических терминов, применены при описании других предметно-терминологических областей, а также при составлении словарей и учебных пособий по экономической проблематике.

Ключевые слова: термин, деривация, финансово-экономическая терминосфера, продуктивная модель

ON PRODUCTIVE MODELS OF DERIVATION OF ECONOMIC PROFESSIONAL-TERMINOLOGICAL VOCABULARY

V. Plaksin

*Finance University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar branch
32ShosseNeftyanikov, Krasnodar 350051, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the study of the term formation system in the economic field. The author identifies and describes the most productive modern methods and models for the economic terminology formation on the basis of analysis of extensive language material. In this research the author has used component analysis based on vocabulary definitions, field and descriptive methods, as well as elements of quantitative analysis. As a result, the description of a holistic multi-level derivation system of professional terminological vocabulary of the financial and economic field is proposed. The main findings of the study can be used in a comprehensive analysis of ways to form economic terms, applied in the description of other terminological areas, as well as in the compilation of dictionaries and textbooks on economic issues.

Keywords: term, derivation, financial and economic terminology, productive model

Динамизм и открытость – важнейшие параметры языковой системы. Общеизвестно, что появление нового слова в языке диктуется исключительно прагматическими потребностями. Если в лексиконе нужного слова нет, носитель языка нередко видоизменяет существующую лексическую единицу или создаёт новую. В частности, И. Ю. Первухина считает, что интенсивное пополнение словарного состава языка новыми словами, активное словопроизводство, отмечающиеся в последнее время, являются факторами бесспорными, и необходимость их лингвистического исследования очевидна [7, с. 3].

Особый интерес в этом смысле представляет язык для специальных целей, предназначением которого является обеспечение адекватного и эффективного общения специалистов в определённой предметной области¹.

На наш взгляд, проблема терминологической деривации языка для специальных целей является одной из наименее решённых в теории языка, т. к. на сегодняшний день ещё не все когнитивные и профессиональные поля исследованы с позиций функциональной терминологической деривации, не выявлен реестр деривационных формантов, продуктивных моделей деривации, способов деривации; не проведена статистическая обработка имеющихся данных, не сделаны обобщающие теоретические выводы [8, с. 230].

Исходя из этих положений, нам представляется актуальным выявление динамики продуктивности и соот-

ветствующей классификации действующих типов и моделей терминологии финансово-экономической сферы современной России.

В этой связи целью настоящей работы является анализ состава новой терминологии в экономической сфере, продуктивных типов и моделей терминообразования на разных уровнях языковой системы. А её задачами: выявление источников, описание и систематизация терминов, отражающих современный уровень финансово-рыночных отношений; определение основных продуктивных моделей соответствующего терминообразования на морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях; определение роли аффиксации, метафоризации и терминологического словосложения как наиболее активно используемых инструментов в процессе формирования актуальной экономической терминосферы.

Проведённое нами исследование осуществлялось на базе современных источников – узкоспециализированных и терминологических словарей, справочников и ресурсов интернета – всего более 3000 терминов, детально рассмотренных с точки зрения поставленных в работе задач.

Современный язык использует самые разнообразные способы создания новых терминов на всех уровнях языковой системы: чередование звуков и перенос ударения в слове, словосложение, конверсию, сокращения, субстантивизацию, адъективизацию, обратное словообразование и другие фонологические, лексико-семантические и синтаксические способы словообразования. Однако степень использования и удельный вес каждого в

¹ The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher. Oxford, New-York: Pergamon Press, 1994. P. 2011.

словообразовательном процессе существенно различается [2], в том числе применительно к рассматриваемой в данной статье области – экономической терминосфере.

Экономическая терминология, отражающая самую быстродвижущуюся и быстроменяющуюся науку – экономику [4, с. 489], тесно связанная с социально-экономическими реалиями в обществе, всегда была объектом пристального внимания исследователей, отдельные этапы развития её описаны в работах М. В. Китайгородской, И. Н. Шмелевой, В. Н. Санак, Н. В. Мандрик, С. М. Кириш, З. В. Чурзиной, Т. А. Широкова, Л. В. Жукова, О. В. Лодолина и др. Проведённые исследования осуществлялись в сфере разных подсистем экономической терминологии, в том числе кредитно-финансовой, страховой, торговой и др. В последние десятилетия одну из ведущих позиций по частотности словоупотребления в России занимают термины, связанные с финансовой деятельностью [11].

Основные способы терминологической деривации (в том числе в экономической терминосфере), как правило, основываются на определённом уровне языковой системы (*морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом*), а также включают заимствования и смешанные способы терминообразования. Рассмотрим некоторые из них.

Морфологический способ предусматривает образование новых терминов (дериватов) на базе одной или нескольких производящих основ и использования разнообразных словообразовательных аффиксов. При этом, по нашему мнению, наиболее продук-

тивной является *суффиксация*. К примеру:

- термины с суффиксом *-ор/-ер* (спонсор, аудитор, ревизор, экспедитор, менеджер, стартапер, блогер, рейдер, франчайзер и др.);

- термины с суффиксом *-ени-, -ани-, -ни-* (дисконтирование, вложение, визирование, растаможивание, хеджирование, дарение, депонирование, кредитование, лицензирование, отчуждение, погашение, поглощение и др.);

- термины с суффиксом *-ев/-ов* (хеджевый, трендовый, инсайтовый, ребрендинговый, шеринговый, евродолларовый, аутсорсинговый и др.);

- термины с суффиксом *-ка* (ассигновка, баллотировка, выписка (из счёта), кредитка, акцизка (акцизная марка), покупка, котировка, корректировка, расписка, сделка и др.);

- термины с суффиксом *-н-* (анкорный, тизертная, виральный, баннерный, рибейтный, реквотный, оверрайдный и др.);

- термины с суффиксом *-ци-, -аци-, -из/аци-* (валоризация, титризация, адмониция, амальгамация, ассекурация, бонификация, верификация, дамнификация и др.);

- термины с суффиксом *-овать/-ировать* (офшоризировать, ремейковать, трендовать, фастинговать, шеринговать, софтизировать, кейтеринговать, редиректинговать и др.);

- термины с суффиксом *-ист* (экономист, аукционист, контантист, специалист, рекламист, чартист и др.);

- термины с суффиксом *-аж* (продажа, биллонаж, арбитраж, магазинаж, бракераж и др.);

- термины с суффиксом *-изм* (колониализм, капитализм, консьюмеризм,

анатоцизм, билатеризм, карьеризм, корпоративизм, лоббизм, протекционизм, регионализм и др.).

Не менее распространённым способом деривации экономических терминов является *префиксация*, которая, в отличие от суффиксации, затрагивающей в основном существительные при категориально-понятийном номинировании, чаще встречается у прилагательных, образующих терминологические словосочетания. При этом существительные также являются продуктивной основой при создании новых экономических терминов.

В результате проведённого исследования нам представляются наиболее продуктивными при образовании специальных единиц экономической терминосферы следующие *префиксы*:

- термины с префиксом *без-* (безвалютный, безналичный, безубыточный, безакцептный, безрисковый и др.);

- термины с префиксом *ре-* (реимпорт, реэкспорт, ревальвация, реинжиниринг, реинвестиция, рекамбио, рефляция, рекапитализация, реконверсия и др.);

- термины с префиксом *пере-* (переоценка, перераспределение, перерасчёт, перепродажа, переучёт, переуступка, перезаклад, перенаём, перепозиционирование и др.);

- термины с префиксом *де-/дез-* (деноминация, девальвация, дезорганизация, демонополизация, деприватизация, деиндустриализация, дерегулирование, дезорганизация, дезинформация и др.);

- термины с префиксом *вне-* (вне рыночный, внеоборотный, внереализационный, внепроизводственный и др.);

- термины с префиксом *контр-* (контрагент, контрброкер, контрактант, контрактив, контрбаланс, контрактация, контркамбио (возвратный вексель) и др.);

- термины с префиксом *анти-* (антимонопольный, антидемпинговый, антиинфляционный, антидатирование, антиполезный и др.);

- термины с префиксом *гипер-* (гиперинфляция, гипермаркет и др.). Эта модель является малопродуктивной в экономической терминологии. К числу непродуктивных аффиксов, с помощью которых образуются экономические термины в русском языке, также относится сложный префикс *недо-* (недоприватизация – «незаконченная приватизация») [13].

Проведённый анализ достаточно большого количества экономических терминов, образованных при помощи аффиксов, даёт основания согласиться с утверждением С. В. Гринёва о том, что «в целом аффиксальное образование по сравнению с лексико-семантическим способом терминообразования обладает тем преимуществом, что позволяет отразить в структуре термина его категориальную принадлежность, поскольку существуют суффиксы, позволяющие выразить принадлежность термина к названиям процессов, орудий или свойств» [3, с. 140].

Важнейшим современным способом терминообразования считается *лексико-семантический*, который является исконным в формировании русской специальной лексики и терминологии и рассматривается одним из основных источников пополнения терминологической лексики [6, с. 172]. Как известно, в основе лексико-семантического способа деривации, в том

числе и экономических терминов, лежит процесс *метафоризации*, что характерно именно для этой языковой области, так как при номинации новых для современной экономической системы реалий очевидное большинство «метафоризованных» терминов заимствуется русским языком из английского в силу отсутствия на момент вхождения соответствующих русских однозначных терминов, обозначающих определённый круг профессионально-научных понятий.

Метафора всегда представляет собой результат сравнения, но «...в отличие от простого сравнения, имеющего два члена, метафора располагает только вторым» [1, с. 67]. Метафорическая конструкция терминов базируется на сравнении общеизвестного и специального понятий, т. е. номинировании специального понятия словом, обозначающим общеизвестное понятие. Это сравнение может возникать по одному (как существенному, так и несущественному для специальных понятий) признаку либо по их совокупности.

Зачастую метафорические термины в понятийном отношении призваны номинировать новые для современной рыночно-экономической системы реалии, а также те или иные профессионально-научные понятия, отсутствующие в настоящий временной срез в русском языке. В этом смысле нам представляется, что достаточно продуктивной моделью лексико-семантической деривации в экономической терминосфере выступает *калькирование в кавычках* (что часто встречается в словарях, справочниках, газетных и журнальных статьях). Л. Г. Просвирина считает, что в современном экономическом дискурсе термины,

образованные на основе ассоциаций и посредством метафорического переноса, становятся яркими, образными и запоминающимися [9].

К примеру, очевидной образностью и экспрессией отличаются такие экономические термины, как: «*горячие деньги*» – денежные капиталы, крайне необходимые для нормального процесса воспроизводства; «*голубая фишка*» – обыкновенная акция компаний, имеющая высокую репутацию и соответствующую котировку на фондовом рынке; «*золотая карточка*» – кредитная карточка для лиц с высоким доходом, которая выдаётся под определённый гарантийный взнос; «*зебра*» – дисконтная облигация с нулевым купоном, накопленный доход по которой ежегодно облагается налогом и др.

Отличительной особенностью экономических терминов, основанных на метафорическом переносе, является то, что они состоят не только из «чистых» базовых экономических терминов (*smart money* – «умные деньги», *soft market* – «мягкий рынок»), но также единиц, состоящих лишь из общеупотребительной лексики (мёртвые деньги; *golden hello* – «золотой привет»).

Е. В. Колотнина считает, что «в настоящее время не вызывает сомнений реальность существования моделей метафорического моделирования действительности, их максимальное разнообразие и важное место в деле постижения и отражения действительности человеком, в особой ответственности метафорического способа передачи информации в художественных, публицистических, научных и иных текстах» [5, с. 30]. В то же время А. П. Чудинов подчёркивает, что «при

решении задачи систематизации метафорических моделей процесс значительно более важен, чем результат» [12, с. 171]. Очевидно, что варианты классификации метафорического моделирования весьма разнообразны и едва ли единственная из них станет общепризнанной [5].

Нам, в частности, представляется обоснованным выделение некоторых следующих коцептуальных метафорических типов:

– метафорическая модель *«природа»* (*«медведи»* – *«быки»*) как основные участники биржевой торговли, которые придерживаются двух противоположных стратегий; *«аллигатор собственности»* – ситуация, когда в сфере недвижимости стоимость ипотечных платежей, налогов на имущество, страхования и технического обслуживания на арендуемой недвижимости больше, чем доход, который она приносит, что оставляет её собственника с отрицательным денежным потоком; *«валютная змея»* – система корреляции валютных курсов европейских государств и др.);

– метафорическая модель *«человек»* (*«голова»* – в основе концептуальная метафора *«глава чего-либо»*; *«лицо»* – напр., *«материально ответственное лицо»*; *«мозг»* – напр., *«утечка мозгов»* – процесс массовой эмиграции и др.);

– метафорическая модель *«жизнь – смерть»* (*«мёртвые активы»* – активы, не приносящие дохода; *«мёртвая рента»* – арендная плата, выплачиваемая за неиспользуемую собственность; *«мёртвый капитал»* – капитал, вложенный в инвестиции, не приносящие дохода; *«мёртвый» рынок* и др.);

– метафорическая модель *«предметы / документы»* (*«пакет»* – напр.,

«пакет документов или ценных бумаг»; *«книжка»* – напр., *«чековая книжка»*; *«окно»* – напр., *«учётное окно»* – метод снабжения банковской системы краткосрочными средствами; *«зонтик»* – напр., *«ценовой зонтик»* (price umbrella), *«налоговый зонтик»* (tax umbrella) – уменьшение налогов компании; *«подсвечник»* (candlestick) – диаграмма, показывающая высокие, низкие, открывающие и закрывающие цены на ценные бумаги за определённый период и др.;

– метафорическая модель *«действия»* (*оборот* (безналичный оборот); перевод (денежный перевод); уклон (импортный уклон); разрыв (кассовый) – временный недостаток у предприятий денежных средств, предоставляемых банком для своевременной оплаты произведённых расходов на основе овердрафта и др.);

– метафорическая модель *«цвет»* (*белые* (воротнички); *голубая* (фишка); *чёрный рынок* (нал, вторник, курс); *красная* (оговорка); *золотая* (облигация); *зелёная* (валюта); *жёлтая* (книга) и др.)

По нашим наблюдениям, особой продуктивностью в экономической сфере отличается прилагательное *«золотой»*, что свидетельствует об ассоциативной связи *золота* с понятиями *богатство, власть, сила, деньги* (*золотое правило накопления, золотой паритет, золотые займы, золотой парашют, золотые пошлины, золотые наручники, золотые рынки* и др.)

Приведённый набор коцептуальных метафорических типов, безусловно, не претендует на полное их описание (их количество может быть бесконечным, как и возможности их ассоциативного описания). В то же время проведённые

лингвостатистические процедуры показывают, что лексико-семантический способ образования экономической специальной лексики является достаточно малопродуктивным, обладая при этом значительным потенциалом на фоне усиливающихся тенденций мировой глобализации, которые непременно сопровождаются процессами заимствования в языковой сфере.

Значительное количество терминов образуются *синтаксическим* способом, который, по нашим наблюдениям, является наиболее продуктивным способом терминологизации специальных единиц в экономической терминосфере.

Основу и результат синтаксической терминологической номинации составляют *терминологические словосочетания* – составные термины. По мнению И. Т. Тихоновой, в структуре всех составных терминов присутствуют два элемента: определяемый главный компонент и определение. Модели с определением в препозиции являются самыми продуктивными: *бухгалтерский учёт, аналитический учёт, синтетический учёт; активно-пассивный счёт, забалансовый счёт, расчётный счёт, синтетический счёт* [11, с. 98]. Стержневым компонентом подобных *терминологических словосочетаний* являются названия явлений, предметов, процессов, свойств, действий и т. п., например: «денежная масса», «твёрдая валюта», «валютный фьючерс», «мировые деньги», «договор намерения»; «барометры инвестиционные» и др.

По нашим наблюдениям, наиболее продуктивными в экономической сфере являются следующие модели терминов-словосочетаний:

– *Имя существительное + Имя существительное* (дефицит бюджета,

бегство капиталов, индексация вкладов, ценовая гибкость, коэффициент наличности, дефициты-двойники, вноситель вклада, банк развития и др.);

– *Имя прилагательное + Имя существительное* (совокупный спрос, валютный демпинг, финансовые рынки, безналичные деньги, национальный доход, бухгалтерский стандарт, циклический дефицит, внешний долг и др.);

– *Имя прилагательное + Имя существительное + Имя существительное* (чистый приток капитала, льготный период кредита, косвенный налог предпринимателя, преимущественное право покупки, чистый отток капитала, маржинальная ставка налога и др.);

– *Имя существительное + Имя прилагательное + Имя существительное* (метод бухгалтерского учёта, измерение международных связей, эластичность совокупного спроса, интервенция Центрального банка, маркетинг отдельных лиц и др.);

– *Имя прилагательное + Имя прилагательное + Имя существительное* (валовый национальный продукт, международная валютная система, сдерживающая фискальная политика, международные экономические отношения, номинальный совокупный спрос, жёсткая кредитно-денежная политика, экспансионистская фискальная политика и др.);

– *Имя прилагательное + Имя существительное + Имя прилагательное* (маркетинговая система корпоративная, маркетинговая система договорная и др.);

– *Причастие + Имя существительное* (фиксированные инвестиции, стимулирующий маркетинг, осуществлённые расходы, противодействую-

щий маркетинг, осуществлённые инвестиции и др.);

– *Имя прилагательное + Имя прилагательное + Имя прилагательное + Имя существительное* (валовые частные внутренние инвестиции, международные счётные денежные единицы, номинальный валовый национальный продукт, чистые частные внутренние инвестиции и др.);

– *Имя прилагательное + Имя существительное + Имя существительное + Имя существительное* (маржинальная система калькуляции издержек, Европейский банк реконструкции и развития, Государственный фонд занятости населения и др.);

– *Имя существительное + Имя существительное + Имя прилагательное + Имя существительное* (глубина рынка ценных бумаг и др.);

– *Имя прилагательное + Имя существительное + Союз + Имя существительное* (конечные товары и услуги);

– *Имя существительное + Предлог + Имя прилагательное + Имя существительное* (равновесие в круговом потоке и др.).

Итак, в результате быстро меняющейся экономической ситуации в мире отражающая её терминосистема также находится в стадии бурного развития. Множество иноязычных терминов приходят в русскую экономическую терминосистему, проникают в общеупотребительный язык, что, безусловно, активизирует процессы изучения проблем экономической терминологии [10].

Заимствованные и вновь созданные терминоединицы, освоенные в языке, становятся базой для создания новых терминов по словообразовательным моделям современного русского язы-

ка с помощью его собственных словообразовательных средств, а также помогают прогнозировать появление новых единиц, построенных по его продуктивным моделям.

На современном этапе развития фонд *профессионально-терминологической лексики* постоянно пополняется за счёт значительного количества новых терминологических единиц из финансово-экономической сферы, создаваемых с помощью различных продуктивных словообразовательных моделей и способов современного русского языка. При этом каждый из них имеет как преимущества, так и недостатки. В частности, в рамках морфологического способа образования терминов экономической сферы максимально активными и распространёнными признаются суффиксация и префиксация, создающие чаще всего антонимичные по семантике лексемы.

Способ метафорического переосмысления также является достаточно продуктивным процессом семантической деривации в экономической терминосистеме и в основном применяется в области абстрактной лексики. Приведённые в работе многочисленные примеры свидетельствуют о широком наборе метафорических средств, используемых современным подязыком экономики и финансов. При этом зачастую в сфере составных терминов метафорические изменения проводятся совместно с синтаксическими преобразованиями.

Наиболее продуктивным способом терминодеривации специальных единиц в экономической терминосфере, по нашим наблюдениям, является синтаксический, основу которого составляют *терминологические словосо-*

четания – составные термины, представленные в работе в разнообразных продуктивных моделях.

Описание терминологических единиц посредством исследования их деривационной истории, изначально применявшееся в трансформационной грамматике, вышло за её границы, что, несомненно, способствовало развитию теории словообразования, синтаксиса и дериватологии. Подобный подход является актуальным также при исследовании деривации экономической сферы, связанной с финансами, предпринимательством и бизнесом.

Исследование современных деривационных процессов в сфере товарно-денежных отношений позволяет выявить наиболее активные звенья самых востребованных словообразовательных механизмов, определить

пути и способы освоения языковым сознанием новых реалий общественной жизни.

В этой связи предложенная нами концепция многоуровневого описания и систематизации продуктивных типов и моделей деривации и адаптации современной экономической терминологии может представлять определённый теоретический интерес, а практические результаты проведённого исследования могут быть востребованы при многостороннем изучении типов и моделей создания терминов рыночно-финансовой сферы, а также при исследовании сходных предметно-терминологических сфер, написании учебных пособий и специальных словарей по экономической тематике.

Статья поступила в редакцию 16.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Г. А. Введение в литературоведение. М.: Просвещение, 1994. 167 с.
2. Гончарова Ю. А. К вопросу о продуктивности способов словообразования в современном английском языке [Электронный ресурс]. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/ab7/uch_2010_ii_00047.pdf (дата обращения: 05.08.2019).
3. Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
4. Заримбетов А. А., Ешниязова Э. Н. Изучение экономической терминологии как производящей базы словообразования // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 489–491.
5. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 261 с.
6. Милуд М. Р., Гезайли Н. Лексико-семантический способ образования терминов нефтегазовой промышленности // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 1 (33). С. 171–180.
7. Первухина И. Ю. Продуктивные типы и модели современного словообразования: на материале Нижегородской прессы конца XX – начала XXI века: автореф. дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 22 с.
8. Плаксин В. А. Особенности функционирования терминологической сферы «Банковская деятельность» в предметно-терминологической области «Экономическая деятельность» // Вестник Академии знаний. 2018. № 24 (1). С. 229–236.
9. Просвирнина Л. Г. Метафорические термины в английском экономическом дискурсе // Язык и культура. 2015. № 2 (30). С. 84–89.
10. Суслова Л. В. Особенности иноязычных экономических терминов в структурно-се-

мантическом и переводческом аспектах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5–1 (83). С. 199–204.

11. Тихонова И. Т. Деривационные процессы в современной лексике на примере финансовой терминологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (49). С. 92–99.
12. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2001. № 6. С. 38–53.
13. Фазылова Н. А. Основные способы русского словообразования и их отражение в современной экономической терминологии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 2. С. 164–170.

REFERENCES

1. Abramovich G. A. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1994. 167 p.
2. Goncharova Yu. A. *K voprosu o produktivnosti sposobov slovoobrazovaniya v sovremennom angliiskom yazyke* [The question of the productive ways of word-building in modern English]. Available at: https://pglu.ru/upload/iblock/ab7/uch_2010_ii_00047.pdf (accessed: 05.08.2019).
3. Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 1993. 309 p.
4. Zarimbetov A. A., Eshniyazova E. N. [The study of economic terminology as a producing base of word formation]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2017, no. 20, pp. 489–491.
5. Kolotnina E. V. *Metaforicheskoe modelirovanie deistvitel'nosti v russkom i angliiskom ekonomicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical modeling of reality in Russian and English economic discourse: PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2001. 261 p.
6. Milud M. R., Gezaili N. [Lexical-semantic method of formation of Russian terms in oil and gas industry]. In: *Nauchnyi Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], 2017, no. 1 (33), pp. 171–180.
7. Pervukhina I. Yu. *Produktivnye tipy i modeli sovremennogo slovoobrazovaniya: na materiale Nizhegorodskoi pressy kontsa XX – nachala XXI veka: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Productive types and models of modern word formation: on the material of the Nizhny Novgorod press the end of XX – beginning of XXI century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2007. 22 p.
8. Plaksin V. A. [Features of the functioning of the terminological sphere “Banking” in the subject-terminological field “Economic activity”]. In: *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2018, no. 24 (1), pp. 229–236.
9. Prosvirina L. G. [Metaphorical terms in the English economic discourse]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2015, no. 2 (30), pp. 84–89.
10. Suslova L. V. [Specificity of foreign-language economic terms in structural-semantic and translation aspects]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2018, no. 5–1 (83), pp. 199–204.
11. Tikhonova I. T. [Derivation processes in modern vocabulary by the example of financial terminology]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, vol. 1, no. 3 (49), pp. 92–99.

12. Chudinov A. P. [Structural and cognitive aspects of the study of metaphorical modeling (regular polysemy)]. In: *Lingvistika: Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva* [Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society], 2001, no. 6, pp. 38–53.
13. Fazylova N. A. [The main methods of Russian word formation and their reflection in modern economic terminology]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2008, vol. 150, no. 2, pp. 164–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плаксин Владимир Аркадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Философии, истории и права» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодарский филиал;
e-mail: vladimirplaxin@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Plaksin – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, History and Law, University of Finance under the Government of Russian Federation, Krasnodar Branch;
e-mail: vladimirplaxin@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плаксин В. А. О продуктивных моделях деривации экономической профессионально-терминологической лексики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 89–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-89-99

FOR CITATION

Plaksin V. A. On productive models of derivation of economic professional-terminological vocabulary. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 89–99.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-89-99

УДК: 81.42

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Стародубова О. Ю.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы – исследование динамики лингвокультурной ситуации в эпоху глобализации сквозь призму прецедентного феномена (ПФ). Выявленные ПФ, собранные методом сплошной выборки, подверглись лингвокогнитивному, а также компонентному анализу и представлены в лингвокультурологическом аспекте. На фоне интенсификации межкультурной коммуникации происходят постепенное преобразование базовых для этноса ценностей, концептов, размывание национальных границ и, как следствие, деформация целого ряда идентичностей, что подчёркивает теоретическую и практическую значимость исследования, поскольку указанные тенденции могут представлять угрозу национальной безопасности. В ходе исследования выяснилось, что интертекстуальность, в частности прецедентный феномен (ПФ), диктующий восприятие происходящего сквозь призму своего – чужого – универсального, становится одним из ведущих ресурсов интерпретации действительности и одновременно механизмом формирования новой картины мира, когнитивной парадигмы, мощным средством манипуляции массовым сознанием.

Ключевые слова: лингвокультурная ситуация, глобализация, интертекстуальность, прецедентный феномен, медийный дискурс, картина мира, когнитивная парадигма

LINGUO-CULTURAL SITUATION THROUGH THE PRISM OF PRECEDENT PHENOMENON AS A REFLECTION OF INTERTEXTUALITY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION

O. Starodubova

*Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to study the dynamics of the linguocultural situation in the era of globalization through the prism of a precedent phenomenon. The identified precedent phenomena collected by the continuous sampling method were subjected to linguocognitive as well as component analysis and are presented in the linguoculturological aspect. With the intensification of intercultural communication values and concepts basic for the ethnic group are gradually transformed, national borders are eroded and, as a result, a number of identities are deformed, and that explains the theoretical and practical significance of the study, since these trends can pose a threat to national security. The study showed that intertextuality, in particular

a precedent phenomenon (PF), which determines the perception of what is happening through the prism of one's own – someone else's – universal, becomes one of the main resources of interpreting reality and, at the same time, a mechanism for creating a new world picture, a cognitive paradigm, and a powerful tool for manipulating mass consciousness.

Keywords: linguocultural situation, globalization, intertextuality, precedent phenomenon, media discourse, picture of the world, cognitive paradigm.

Одной из ведущих тенденций эпохи антропоцентризма на современном этапе является *глобализация*. Наиболее активно этот процесс развивается в эпоху постмодерна в последние десятилетия, охватывая основные концептосферы, оказывая влияние на лингвокультурную ситуацию и кардинально меняя картину мира. Происходит размывание национальных границ и, как следствие, изменение целого ряда идентичностей с одновременным формированием новых в русле доминанты *толерантности*. В то же время исследователи отмечают другую, противоположно направленную тенденцию – *локализацию* (*национализацию*), которая иллюстрирует стремление к сохранению национальной идентичности [9, с. 59]. Об этом свидетельствуют и международные, и локальные политические преобразования, иллюстрирующие один из аспектов *интолерантности*, например *Brexit*. Действие разнонаправленных тенденций в современной гуманитарной науке называется *глокализацией*. Термин впервые был употреблен в начале 90-х гг. XX в. английским социологом Роландом Робертсоном [25]. Слово глокализация состоит из двух частей: *glo + localization = glocalization*. Указанная тенденция является компенсаторным противодействием глобализации (интеграции, унификации цивилизационного развития). На фоне действия глокализации происходят кардинальные преоб-

разования стереотипов, когнитивной парадигмы. Доминирующим при этом становится медийный дискурс, отражающий происходящее в обществе и одновременно корректирующий формат восприятия действительности за счёт тиражирования новых ценностей.

Вектор политической риторики мирового контекста *интерпретационного характера*, реализованный в публицистическом дискурсе, диктуется вопросами конкуренции разного характера. Искусство публичного слова как речевой поступок при этом становится мощным средством манипуляции массовым сознанием, определяя восприятие происходящего сквозь призму прецедентной антиномии *своего – чужого* (например, реклама тарифа Билайна, построенная на идентификации потребителем *чужого* тарифа, использует приём реализованной метафоры. При этом пользователи других операторов связи визуализируются в образе чудовищ). К этой бинарной оппозиции на фоне *глокализации* добавляется третий компонент – *универсальное* [19, с. 182–192], который и формирует лингвокультурную ситуацию современности, корректируя когнитивную структуру личности. Средством такой коррекции в арсенале многочисленных механизмов (включая пресуппозицию), является прецедентный феномен (ПФ) как топос (общее место) в риторике всех стран, который способен имплицитно

формировать определённую модель мировосприятия, влиять на интерпретационные, оценочные механизмы перцепции окружающего мира и поведенческие стереотипы. Так, в настоящее время один из устойчивых стереотипов в сознании рядового европейца и американца связан с глобальной демонизацией России как внешнего врага в качестве манёвра, отвлекающего от внутрисполитических проблем; этот образ формируется на фоне советской тоталитарной прецедентности. В советском дискурсе так же культивировался образ то внешнего, то внутреннего врага, вследствие чего постепенно устойчиво формировались когнитивные механизмы *интолерантности* в отношении западного мира, которые в постсоветском пространстве приобрели иной формат. При этом *Союз нерушимый* как прецедентный текст (ПТ) советской эпохи, стойко ассоциировавшийся в сознании носителя русской (советской) культуры с концептом патриотизма (единства), иллюстрируя *локализацию*, на современном этапе служит в переделанном формате – «*Союз*» *нарушимый* – средством интерпретации политического аспекта межкультурной коммуникации, демонстрируя *глобализацию*. Национальное как *ядро* исходного ПФ, источником которого является «Гимн Советского союза», становится *периферией*, меняются акценты в процессе функционирования ПТ в новом информационном поле. Речь в сюжете (телеканал Москва 24, 11.09.2018) идёт о корабле «Союз», на борту которого была обнаружена дыра (причём не как производственный дефект, а как дело рук человеческих после отправки космического корабля за пределы Земли),

повлёкшая разгерметизацию, в связи с чем члены экипажа вынуждены были принять решение об изменении планов. В новом контексте в ПФ за счёт игры слов смысловым ядром становится *разрушение партнёрских доверительных отношений* уже в международном формате – а это категория *универсального*, общечеловеческого: конфликтная ситуация не зависит от национальной идентичности. В данном случае она связана с нетерпимостью автора материала (выступающего от лица определённого читательского сегмента), который использует указанный ПФ в качестве средства интерпретации события, к нарушению нравственных норм. При этом наполнение бинарной оппозиции *своё – чужое* смещается: сквозь призму *своего* воспринимается любая реальность. Проиллюстрируем указанное положение ещё несколькими примерами: *оттепель по-корейски* (телеканал Москва 24, 19.09.2018). Новостной повод – потепление в политических отношениях Северной и Южной Кореи, которое воспринимается российским телезрителем через аналогичные процессы во внутренней политике (ПФ – *хрущевская оттепель*). *Китаю море по колено* (телеканал Москва 24, 23.06.2018) – заголовки новости о темпах экономического роста Китая, который, несмотря ни на какие политические конфликты и другие препятствия (эмбарго и т. д.), продолжает укрепление своей экономики и государственное развитие. В основе заголовка узнаваемый ПФ *пьяному море по колено*, который становится механизмом интерпретации происходящего независимо от национальной идентичности в русле *универсального*. Напротив, *чужое* становится

мерилом (в том числе средством критической, конфликтной интерпретации) своего: *американские горки российского рубля* (телеканал Москва 24, 21.08.2018) – резкие скачки курса валют воспринимаются сквозь призму ПФ из развлекательной американской индустрии, что формирует иронию и выраженную негативную оценку в интерпретации российской экономической действительности. Указанные процессы демонстрируют и следующие новостные заголовки: *Американские горки или пандус для инвалидов* (телеканал Москва 24, 23.08.2018) – о трудностях, которые испытывают инвалиды при перемещении по лестницам, и невнимании к этим проблемам чиновников, *Спаси рядового Барсика* – о спасении российским служащим кота, забравшегося на дерево (телеканал Москва 24, 20.08.2018) и т. д.

Прецедентный текст трактуется как феномен культуры, фрагмент фоновых знаний (от лат. *praecedens* – предшествующий), без которых невозможно понимание современности. Термин «прецедентный текст» (ПТ) впервые прозвучал в 1986 г. в докладе отечественного учёного Ю. Н. Караулова «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. В качестве основных критериев прецедентности автор указывает познавательную и эмоциональную значимость, надличностный характер, т. е. распространённость, известность современникам и активность употребления в дискурсе [10].

В современном научном дискурсе существует ряд определений и классификаций прецедентных текстов и

феноменов (ПФ): их объём колеблется от названий литературных произведений и цитат из общеизвестных текстов [10], образов, мотивов, стилистических приёмов автора [4], пословиц, поговорок до имён собственных, антропонимов [7; 13]. В. В. Красных, например, выделяет четыре вида прецедентных феноменов: имена, тексты, высказывания и ситуации [11]. Последний термин встречается и в работах Д. Б. Гудкова, – это некая «идеальная», «эталонная» ситуация [6, с. 27], сопряжённая с определёнными коннотациями, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, формируя эффект узнавания. О. В. Лисоченко предлагает считать прецедентным текстом: «текстовое извлечение из источника – предшествующего текста, включённое во вновь создаваемый текст» [13, с. 4]. Е. А. Баженова уточняет понятие прецедентности, указывая на наличие актуализирующей и апеллятивной функций: «смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора фоновую информацию и апеллирующие к “культурной памяти” читателя» [1, с. 34].

Г. Г. Слышкин, трактуя термин как последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определённой культурной группы, расширяет понятие прецедентности за счёт снятия критерия *постоянной* значимости (ценности) для носителей языка [20, с. 22]. Е. А. Земская, кроме критерия «повторяемости в разных текстах», указывает на то, что «прецедентными могут быть тексты, включённые в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном (квазичитация),

поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц» [8, с. 27].

Разнообразны и функции прецедентных феноменов, например, в работах О. А. Ворожцовой [5], Е. А. Нахимовой [14] предложены следующие: *экспрессивная, или воздействующая; оценочная; кооперативная; парольная*. При многообразии трактовок неоспоримым преимуществом ПТ является *экспрессия* коммуникативного / прагматического воздействия на потребителя при условии наличия у последнего соответствующего фонового знания. В противном случае коммуникативный эффект будет нулевым [22, с. 75], особенно важно аутентичное включение ПТ (ПФ) в новое текстовое пространство как микро-текста, концентрирующего стилистико-ментальные когнитивные процессы, имплицитно выражающего пресуппозицию, актуализирующего знание прошлого и его связь с современностью.

Предварительные выводы показывают, что ПФ выполняет ряд функций: организует синхронную и диахронную внутри- и межкультурную коммуникацию; способствует формированию или нейтрализации конфликтных ситуаций на фоне противопоставления *своего и чужого*. ПФ организует диалог эпох, а значит, историческую преемственность, выстраивая в сознании потребителя логику восприятия историко-культурного процесса. При этом ПФ как механизм в рамках нравственной парадигмы может способствовать формированию национальной идентичности (*локализация*), устойчивости к восприятию некачественной информации, что позволит в конечном итоге сохранить национальную безопасность.

Показательно в этом плане восприятие *своего*, т. е. российской действи-

тельности. Оно неоднозначно и даже полярно: как отражение процесса *локализации* (национальные интересы, идентичность), *своего* (концепт патриотизма) через ПФ западного (*чужого*) формата. Речь идёт об интерпретации брежневской эпохи (*застоя*) как *викторианства*. Ещё одно видение того же периода даётся в контексте мировой культуры через ПФ *золотой век*¹. Данная интерпретация показывает осмысление *нашего* исторического в мировом формате, демонстрируя глобализацию, стремление приобщиться ко всеобщему, но при сохранении национальной идентичности (*глокализация*). Противоположная трактовка означенного периода – *совок, эпоха застоя, эпоха тоталитаризма*² – способствует формированию внутригосударственной конфликтной ситуации, формирует отрицание ценности прошлого, отношение к *своему* как к *чужому*, создавая через ПФ *угрозу национальному единству и безопасности*, нарушая преемственность поколений, т. е. логику историко-культурного процесса [16, с. 34–41]. Такова лингвокультурная ситуация современности, иллюстрирующая действие разнонаправленных процессов (*объединённых в глокализации*), концептуализация которой связана с ПФ.

Интерпретируя современную действительность сквозь призму прецедентности, пишущий может повышать ценность, значимость этих феноменов в сознании адресата. ПФ в публицистическом дискурсе – механизм создания аутентичной авторской модально-

¹ Черняховский С. Стояние в зените // Литературная газета. 2006. № 44.

² Гусева Д. Наш человек верит, что может жить иначе // Время новостей. 2007. № 5.

сти, тот сегмент в конечном продукте, который встраивается в картину мира автора, концепцию издательства и целого государства и задаёт ракурс восприятия события, факта, оказывая влияние на формирование общественного мнения.

Интертекстуальность в формате ПФ, таким образом как «базовое свойство» один из ведущих атрибутов текстов эпохи постмодерна [24, с. 18], глобализации, может реализовать разные сценарии развития лингвокультурной ситуации: до полной утраты национальной идентичности, а это чревато потерей личностной самоидентификации и, в конечном итоге, – государственной безопасности, целостности. Механизмом этих процессов становится ПФ, который задаёт вектор интерпретации факта и формирует новую информационную парадигму. Меняющаяся реальность как новый стереотип вмонтируется в когнитивную структуру личности.

Особенно опасна в этом плане *мнимая толерантность* (как побочный эффект глобализации) в отношении гендерного аспекта картины мира, т. к. аналогичная модель распространяется на другие концептосферы (семья, Отечество, образование и т. д.). Терпимость ко всему нетрадиционному, нестандартному оборачивается нетерпимостью к ранее устойчивым позитивным стереотипам, являющимся гарантом стабильности государства.

Эту тенденцию демонстрирует потребительская реклама: *Андродоз – готовиться к беременности – это по-мужски*. Объектом рекламы является препарат, который рекомендуется в качестве общеукрепляющего средства для мужчин. С учётом того, что ответ-

ственное отношение к планированию семьи традиционно отводится женщине, данная ситуация является нестандартной. В результате возникает эффект неожиданности, способствующий переформатированию устойчивого стереотипа. ПФ перестраивает устойчивую модель распределения гендерных ролей в картине мира. Происходит смещение традиционных представлений с одновременной пейоративацией женской модели на фоне экспансии мужского начала. ПФ в данном случае функционирует в рамках дискурса, основная цель которого – реклама товаров и услуг. Однако в конкурентной борьбе за потребителя составителями текстов используются всевозможные приёмы, которые могут дать серьёзный побочный эффект – спровоцировать кардинальные изменения в структуре мировоззрения современного потребителя. *Потребительская модель мира* становится тем универсальным, которое нейтрализует национальный компонент. *Чёрные пятницы* являются неотъемлемым атрибутом нашей реальности. Даже реклама школьной формы содержит элементы чужой престижной действительности: *Остин – школьная форма – это не форма, ты супергерой, это прочно, практично, мы – новое поколение*. Отрицательная модальность конструкции в сочетании с динамикой личных местоимений (*ты* стремительно отождествляется с *мы*) свидетельствует о том, что ценности нового поколения уже отнюдь не российские. Таким образом, *чужое* становится *своим* и одновременно *универсальным*, но в аспекте редукции национальной идентичности.

Большинство проанализированных в ходе исследования материалов

– новостные заголовки, заголовочные комплексы (лиды), а также рекламные тексты, содержащие ПФ, собраны из следующих источников: «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсантъ», телеканалы Рен ТВ и Москва 24 – всего 150 единиц, – и представляют собой поликодовые структуры. ПФ и его концепт помещаются в новое информационное поле. При этом вербальный план (ПФ) сопровождается визуализацией факта (события). На этом фоне даже небольшой фрагмент текста, в который вмонтирован смысл ПФ, становится концептуально значимым, вербализованным компонентом мировоззрения автора, который, с точки зрения когнитивной лингвистики, не описывает мир, а конструирует его в текстовом пространстве. Таким фрагментом является, например, заголовок как одна из сильных, ключевых позиций текста: он содержит до 80% информации.

Обратимся к примерам: *Разумный хазар*¹ и *Великий сербозавр*². Новостной повод отражается в одинаковых подзаголовках – *умер Милорад Павич*. Это культурно значимое событие мирового масштаба, относящееся к процессам, иллюстрирующим глобализацию (*универсальное*), устраняющее межгосударственные границы, национальную, религиозную и другие дифференциации, объединяющее всех. *Чужое* становится *своим, общечеловеческим, универсальным*. Интерпретируется событие в российском публицистическом дискурсе сквозь призму ПФ. В первом варианте заго-

ловка источник прецедентного текста – «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина: «*Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...*», отсылающая нас к далёкому историческому прошлому Руси, содержащему конфликтный контент с представителем той народности, к которой относится М. Павич, в интерпретации автора XIX в. В интерпретации же современного публицистического дискурса конфликтность нейтрализуется.

Напомним, что М. Павич – учёный с мировым именем, писатель, автор «Хазарского словаря»³. Заголовок, созданный по принципу контраста в диахроническом аспекте (*неразумные – разумный*), организует диалог эпох, заставляет современного носителя языка и культуры иначе увидеть и прошлое, и современность уже в мировом контексте *глобализации*, актуализирует критическое, аналитическое мышление.

Стилизация относит наше сознание и к автору прецедентного текста – А. С. Пушкину, творчество которого воспринимается как *сеяние разумного, доброго, вечного...* – «*чувства добрые я лирой пробуждал*».

Приём, использованный автором, рассчитан на широкий сегмент аудитории, отражает глубокое уважение к писателю, мировой и национальной культуре, устанавливает общность между представителями прежде враждебных народов. *Интертекстуальность* способствует укреплению *толерантности в аспекте универсального*. В этом смысле заголовок можно вос-

¹ Наринская А. Разумный хазар. Умер Милорад Павич // Коммерсантъ. 2009. № 225.

² Кедров К. Великий сербозавр // Комсомольская правда. 2009. № 4.

³ Павич М. Хазарский словарь: роман – лексикон в 100000 слов. Мужская версия / пер. с сербскохорв. В. Л. Савельевой. СПб.: Азбука, 1997. 381 с.

принимать и как самостоятельный текст, достигший своей цели, гораздо более широкой, чем сам новостной повод, – привлечь внимание общественности к проблемам глобального характера, напомнить о важном.

Второй заголовок «*Великий сербозавр*», также иллюстрируя глобализацию, способствует восприятию читателем в авторской интерпретации *чужого* как *своего*, относит событие к концепту *универсальное* (= общечеловеческое). Приём *паронимической аттракции*, использованный при переделке ПТ – скорнение (соединение) слов *серб* и *динозавр* – не только указывает на боль утраты конкретного человека с большой буквы, но и прямо ностальгически говорит об уходящей эпохе *титанов мысли*. Синтаксическая структура номинативного предложения с невыраженной категорией времени в заголовке способствует формированию эффекта вечности вненационального культурного концепта. Ключевым смыслом, ядром, актуализированным в структуре ПФ в первом и втором заголовках, становится историко-культурный концепт, входящий в когнитивную базу языковой личности вне национальной идентичности (*универсальное*).

Следующий заголовок также иллюстрирует категорию *универсальное* при восприятии *чужого* на фоне *своего*, снимая в новостном сегменте потенциально возможную предконфликтную напряжённость в межкультурной коммуникации: *От всего серба* (Москва с сербским акцентом) (телеканал Москва 24, 29.08.2018). Таким образом, ПТ может стать источником конфликта, реализуя противостояние *своего* и *чужого*, или, напротив, стабильности,

позитива, демонстрируя универсальное, объединяющее всех, при этом не исключая национальной идентичности. *Универсальное*, в свою очередь, может иметь полярные коннотации: от генома Гомера (нравственных, общечеловеческих ценностей) до полной утраты всех идентичностей, кроме потребительской.

Рассмотрим ещё один пример, в котором возникает явление интерференции при интерпретации *чужой* политической реальности сквозь призму *универсальных* бытовых категорий, делающих не столь престижной западную парадигму жизни. *Наши Борька – бабник* (телеканал Рен ТВ, 08.07.2018): новостным событием стал развод британского политика Бориса Джонсона, прожившего в браке со своей супругой 25 лет. Поводом для этого стали многочисленные измены Б. Джонсона и внебрачный ребёнок. В результате совпадения прецедентного имени и героя сюжета (Борис – Борька) происходит нейтрализация дифференциальной семы «политик». Приём снижения используется с целью дискредитации политического дискурса западного (*чужого*) мира, но связано это не столько с национальным компонентом, сколько с универсальным (= общечеловеческим, концептом нравственности, справедливости, логики здравого смысла). В особенности эта интенция становится очевидной на фоне высказывания о том, что знаменитый политик, по замечанию хорошо знавших его коллег, не принимал ни одного решения, не посоветовавшись со своей супругой, М. Уилер. Так подчёркивается слабая, порочная человеческая природа теперь уже не только небезупречного политика, но и быв-

шего мужа. В результате возникает ирония как следствие применения ПФ в критической интерпретации сферы зарубежного информационного (политического) сегмента, что порождает в сознании реципиента транслируемую автором интенцию демистификации образа внешнего врага, способствует инфляции западных усилий по поводу дискредитации России, порождает очевидный комический эффект. В данном случае активной становится парольная функция ПФ, которая демонстрирует национальную идентичность автора, его патриотизм. Так, понятие *своего* и *чужого* в отечественном медийном дискурсе связано уже не только и не столько с национальным, государственным, но и универсальным (= общечеловеческим).

Таким образом, интертекстуальность становится ведущей приметой современного медийного дискурса. «Нынче мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов... но многомерное пространство... текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [2, с. 388]. Прагматика текста диктует необходимость выстраивания отношений адресанта и адресата; суть стратегии основана на явлении прецедентности. Эксплицированные языковые модели, реализуемые автором, демонстрируют очевидные когнитивные изменения языковой личности [15; 17; 23]. «В эволюции сознания современного человечества можно наблюдать две отчетливо выраженные разнонаправленные тенденции. Одна детерминируется интенсивными процессами глобализации всех сфер человеческой деятельности и проявляется в процессах создания интегративных

познавательных структур вербально-авербального характера» [17, с. 152] что способствует «усилению слияния этнокультурных общностей», стиранию национальных границ, формированию *универсального* [там же, с. 152].

Источниками ПФ в российском медийном дискурсе являются фольклор как национально-культурное наследие (19 % материала), тексты советского дискурса, актуализирующие концепт единения народа (24 %), постсоветские ПТ, включая зарубежный сегмент, ставшие преимущественно инструментом критики социальной сферы (28 %), а также художественная отечественная и зарубежная литература как эталон, задающий вектор интерпретации факта (29 %).

ПФ затрагивает все ключевые концептосферы картины мира: Отечества, семьи, образования, профессии, нравственности и т. д., – что подтверждает универсальность этого ресурса как механизма, способного формировать ценностные установки. При этом автор становится транслятором ценностей, в результате чего выстраивается конструкт (структура), который на языке современной лингвистики укладывается в систему устойчивых фреймов, сценариев, формирующих новые стереотипы. В риторической традиции такой автор называется *коммуникатором*.

Эпоха культуры готового слова (раскавыченного) выводит на новый уровень интерпретацию факта [21], формирует особую модель национально-культурных стереотипов, когнитивную и нравственную парадигму. Интерпретации подвергается не столько факт, сколько концепт, при этом необходимо помнить о том, что новый дивный мир встраивается в

когнитивные модели сознания: субъект рекламы, пройдя концептуальную стадию (категоризацию) потребителя, превращается в объект. Мы получаем новую информационную парадигму, и её атрибутом становится десакрализация ценностей, низведение до уровня материальной доминанты [3]. Так происходит «переключение» народов [18].

На фоне глобализации формируется единое информационное пространство. В то же время происходит унификация сознания, которая предполагает его стандартизацию и создаёт условия

для частичной утраты национального компонента. При этом ПФ становится одним из ведущих способов интерпретации действительности, а СМИ, «обладая монополией на информацию, ... задают приоритеты событий, интерпретируют эти события, осуществляя социально преобразующую репрезентацию реальности» [11, с. 34]. Именно поэтому современная лингвокультурная ситуация становится объектом пристального внимания учёных.

Статья поступила в редакцию 19.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А. Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 32–36.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бордунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. ... докт. полит. наук. СПб, 2015. 324 с.
4. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
5. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003–2004): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
6. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Издательство Московского университета, 1999. 150 с.
7. Журавлева Е. А. Прецедентные тексты начала XXI века. М.: Флинта, 2007. 255 с.
8. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
9. Зененко Н. В. Этническое самосознание и лингвистический национализм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 10 (803). С. 59–70.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007. 264 с.
11. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
12. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир: Факультет Журналистики МГУ, 2008. 242 с.
13. Лисоченко О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: учебное пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 318 с.
14. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
15. Ощепкова Е. С. Опыт исследования динамики языкового сознания русских (70–90-е годы) // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы

- докладов, Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / ред. Е. Ф. Тарасов. Калуга: ИП Кошелев, 2006. С. 210–211.
16. Пелипенко А. А. Контрэволюция как проявление глобального кризиса современного мира // Власть. 2015. № 6. С. 34–41.
 17. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007. 200 с.
 18. Почепцов Г. Г. Как переключают народы. Психологические / информационные операции как технологии воздействия на массовое сознание в XX веке. Киев, 1998. 249 с.
 19. Саркисян И. Р. Универсалии общения в контексте истоков национальных культур. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (818). С. 182–191.
 20. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 139 с.
 21. Солганик Г. Я. Без кавычек. Об одном новом явлении в языке газеты // Журналистика и культура русской речи. 1997. № 4. С. 32–34.
 22. Стародубова О. Ю. Прецедентный текст в публицистическом дискурсе как механизм реализации аутентичной авторской модальности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 73–84.
 23. Фриман У. Дж. Динамика мозга в восприятии и сознании: творческая роль хаоса // Синергетика и психология. Вып. 3. Когнитивные процессы. М.: Когито-Центр, 2004. С. 13–29.
 24. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М.: Ленанд, 2018. 200 с.
 25. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992. 211 p.

REFERENCES

1. Bazhenova E. A. [Precedential units in scientific text]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 3 (9), pp. 32–36.
2. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
3. Bordunova S. S. *Mediokratiya: SMI i vlast' v sovremennykh demokraticeskikh obshchestvakh: dis. ... dokt. polit. nauk* [Mediocracy: media and power in modern democratic societies: D. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 324 p.
4. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow, Logos Publ., 2004. 280 p.
5. Vorozhtsova O. A. *Lingvisticheskoe issledovanie pretsedentnykh fenomenov v diskurse rossiiskikh i amerikanskikh federal'nykh vyborov (2003–2004): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic study of precedent phenomena in the discourse of Russian and American Federal elections (2003–2004): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2007. 23 p.
6. Gudkov D. B. *Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and problems of precedent]. Moscow, Moscow University Publ., 1999. 150 p.
7. Zhuravleva E. A. *Pretsedentnye teksty nachala XXI veka* [Precedent texts of the early XXI century]. Moscow, Flinta Publ., 2007. 255 p.
8. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. A., Rozanova N. N. [Language game]. In: *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika, morfologiya, leksika, zhest* [Russian spoken language: Phonetics, morphology, vocabulary, gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983. pp. 172–214.

9. Zenenko N. V. [Ethnic identity and linguistic nationalism (based on Spanish)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Science], 2018, no. 10 (803), pp. 59–70.
10. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 264 p.
11. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagaeva D. V. [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 1997, no. 3, pp. 62–75.
12. Klushina N. I. *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [The style of the media text]. Moscow, Media World Publ., Faculty of Journalism of Moscow State University Publ., 2008. 242 p.
13. Lisochenko O. V. *Ritorika dlya zhurnalistov: pretsedentnost' v yazyke i rechi* [Rhetoric for journalists: precedent in language and speech]. Rostov-on-don, Feniks Publ., 2007. 318 p.
14. Nakhimova E. A. *Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2007. 207 p.
15. Oshchepkova E. S. [Studying the dynamics of language consciousness of Russians (70–90 years)]. In: Tarasov E. F., ed. *Rechevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obshchayushchiya lichnosti: XV Mezhdunarodnyi simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii, Moskva, 30 maya – 2 iyunya 2006 g.* [Speech activity. Linguistic consciousness. Communicating identity: the XV international Symposium on psycholinguistics and theory of communication, Moscow, May 30 – June 2 2006]. Kaluga, IP Koshelev Publ., 2006, pp. 210–211.
16. Pelipenko A. A. [Counter-evolution as a sign of global crisis of modern world]. In: *Vlast'* [The Authority], 2015, no. 6, pp. 34–41.
17. Pishchal'nikova V. A. *Istoriya i teoriya psikholingvistiki. Ch. 2. Etnopsikholingvistika* [History and theory of psycholinguistics. Part 2. Ethnopsycholinguistics]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2007. 200 p.
18. Pocheptsov G. G. *Kak pereklyuchayut narody. Psikhologicheskie / informatsionnye operatsii kak tekhnologii vozdetsviya na massovoe soznanie v XX veke* [How to transform nations. Psychological / information operations as a technology of influence on mass consciousness in the twentieth century]. Kiev, 1998. 249 p.
19. Sarkisyan I. R. [Universal communication in the framework of national cultures origins]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Science], 2019, no. 2 (818), pp. 182–191.
20. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguistic-cultural concepts of precedent texts]. Moscow, Academia Publ., 2000. 139 p.
21. Solganik G. Ya. [Without quotes. A new phenomenon in the newspaper language]. In: *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi* [Journalism and Culture of Russian Speech], 1997, no. 4, pp. 32–34.
22. Starodubova O. Yu. [A precedent text in publicistic discourse as a mechanism for realizing an authentic author's modality]. In: *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 2019, no. 2 (32), pp. 73–84.
23. Freeman W. G. [Brain dynamics in perception and consciousness: the creative role of chaos]. In: *Sinergetika i psikhologiya. Vyp. 3. Kognitivnye protsessy* [Synergetics and psychology. Iss. 3. Cognitive processes]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2004, pp. 13–29.
24. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow, Lenand Publ., 2018. 200 p.

25. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, Sage Publications Publ., 1992. 211 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стародубова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института международных образовательных программ Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: oystarodubova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Starodubova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language at the Institute of International Educational Programs, Moscow State Linguistic University;
e-mail: oystarodubova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стародубова О. Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 100–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112

FOR CITATION

Starodubova O. Yu. Linguo-cultural situation through the prism of precedent phenomenon as a reflection of intertextuality in the epoch of globalization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 100–112.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-113-122

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКРЕДИТЕМЫ

Сиротин Д. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. В контексте современной антропоцентрической парадигмы особую актуальность приобретает исследование политического дискурса, в частности – коммуникативной стратегии дискредитации. В настоящей статье предлагается введение нового понятия, обозначенного термином «дискредитема», для анализа языковых единиц, реализующих дискредитацию. Цель работы – идентифицировать стилистически маркированные дискредитемы, определить их количественное соотношение по отношению к стилистически нейтральным и идентифицировать конкретные выразительные средства языка в стилистически маркированных дискредитемах. Проведённое исследование подтвердило предположение, что дискредитация в политическом дискурсе США реализуется, в частности, посредством стилистических выразительных средств, заключённых внутри дискредитем. Введение термина «дискредитема» позволило, таким образом, унифицировать подход к исследованию стратегии дискредитации и провести анализ стилистического аспекта средств, реализующих исследуемую стратегию.

Ключевые слова: дискредитация, политический дискурс, дискредитема, стилистика, стилистический приём

COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCREDITING IN POLITICAL DISCOURSE: DISCREDITEME STYLISTIC ASPECT

D. Sirotin

Moscow Region State University

24 ulitsa Veri Voloshinoy, Moscow 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. Modern anthropocentric paradigm sees analyzing the communicative strategy of discrediting in political discourse as a very important issue. The article suggests that a new term, discrediteme, may be introduced to denote language units that realize the strategy. The aim of

the article is to identify stylistically marked discreditemes, count their number as opposed to stylistically neutral ones, and to identify the expressive means in stylistically marked discreditemes. The research confirmed that the strategy of discrediting in the US political discourse is partially realized via stylistic devices inside discreditemes. Thus, introducing the term 'discrediteme' unifies the studies of discrediting strategy and facilitates the analysis of the stylistic devices that realize the strategy.

Keywords: discrediting, political discourse, discrediteme, stylistics, stylistic device

В настоящее время в лингвистике особую актуальность приобретают исследования, связанные с технологиями политического дискурса и имиджа политика как особой языковой личности. Это вызвано, в частности, возрастающим интересом со стороны общества к политикам, их выступлениям и действиям. Поэтому востребованными являются все научные исследования, имеющие отношение к речевому манипулированию, включающему, в частности, дискредитацию оппонента. В контексте современного анализа политического дискурса особую важность приобретает рассмотрение коммуникативно-прагматических стратегий и тактик.

Политический дискурс, по мнению В. А. Масловой, представляет собой особый вид (жанр) дискурса, направленный на получение, удержание и реализацию политической власти [18, с. 44]. Термин «дискурс» рассматривается здесь с позиции, близкой к точке зрения известного учёного Т. А. ван Дейка: дискурс мыслится как синоним жанра, но гораздо шире, поскольку подразумевает, в том числе, употребление и учёт экстралингвистических, паравербальных и прочих составляющих [25, р. 11]. Вследствие этого термин «дискурс» неприменим к текстам, составленным на мёртвых языках, поскольку является текстом в действии, по меткому высказыванию Н. Д. Ару-

тюновой, – «речью, погруженной в жизнь»¹.

Политические речи представляют большой интерес для исследования, поскольку, помимо стилистических приёмов, коннотированной лексики, определённых грамматических категорий, содержат когнитивные элементы (когнитивные модели, метафоры, разного рода прецедентные феномены), вербализуемые определёнными языковыми средствами (см., напр., [3; 19; 20]). В этом случае поле для анализа существенно расширяется. Можно заметить, что **когнитивная парадигма** отвечает на вопрос: «какими средствами осуществляется речевое воздействие?» Другая же крупная парадигма исследует политический дискурс **с прагматической точки зрения**, отвечая на вопрос: «какой эффект вызывают эти средства?» Когнитивная и прагматическая парадигмы тесно взаимосвязаны, поскольку исследуют одни и те же средства речевого воздействия (синтаксические параллелизмы, когнитивные модели, экспрессивную лексику) с разных сторон, одинаково актуальных для условий реализации политического дискурса, где чрезвычайно важно иметь определённый инструментарий речевого воздействия и обладать знаниями относительно эффекта, произ-

¹ См.: Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 135–137.

водимого каждым из инструментов в отдельности.

К концу XX в. в лингвистике появилось новое направление, получившее название теории языковой личности (другие названия – *персонология* или *теория персонологии*), чему в большей степени способствовал вклад Ю. Н. Караулова. Работы в данной области продолжил, в частности, В. И. Шаховский [14; 24]. Впоследствии теория персонологии распространилась на другие сферы, и исследования ряда учёных носили более узконаправленный характер. Среди работ в области изучения профессиональной языковой личности можно назвать статьи таких учёных, как Е. И. Голованова и Л. А. Чернышова, а анализу языковой личности политика посвящены работы А. П. Чудинова и Н. Д. Голева [6; 7; 22; 23]. Для политического дискурса теория персонологии ознаменовала новые перспективы исследований.

Постепенно, под влиянием, в том числе, теории языковой личности, зародилось антропололингвистическое направление, о котором писали, в частности, Э. А. Сорокина и С. В. Гринев-Гриневич [8–10]. Антропололингвистика ставит первостепенной задачей изучение человеческого мышления и видения мира через призму порождаемых им текстов. Следовательно, антропололингвистику можно назвать закономерным, новым этапом в развитии языкознания, где на первый план ставится человек как субъект, порождающий самые разнообразные тексты.

Как уже было замечено, теория языковой личности быстро распространилась на разные сферы лингвистических исследований. Не стал исключением и политический дискурс, где подавляю-

щее большинство современных работ составлено в антропололингвистическом ключе. В таком ракурсе исследуется, в частности, стратегия дискредитации – коммуникативная стратегия, направленная на подрыв доверия к оппоненту [12, с. 161]. Материалом для нашего исследования послужили 8 речей президентов США (3 речи Барака Обамы и 5 речей Дональда Трампа), произнесённые в период с 2008 по 2018 г. Общий объём проанализированного текста составил 102 тыс. знаков, в котором методом сплошной выборки было выделено 216 дискредитем.

Вообще, изучение речевых приёмов, позволяющих корректно дискредитировать противника, представляется весьма актуальным. Политическому дискурсу США, например, свойственна «мягкая» дискредитация, часто критикуются последствия политических решений оппонента, и достаточно редко оппонент критикуется прямо (лично).

- So he made what I consider to be a very terrible mistake for the country¹ – критика действий

- Tonight, more Americans are out of work and more are working harder for less² – критика последствий (неэффективная политика => рост безработицы 'out of work' и рабочих часов при уменьшении зарплаты 'are working harder for less').

¹ Remarks: Donald Trump Meets With Senior Military Leaders // FactSquared: [сайт]. URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-meeting-military-leaders-april-9-2018> (дата обращения: 15.08.2019).

² Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention Mile High Stadium, Denver Colorado // Obamaspeeches: [сайт]. URL: <http://obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 15.08.2019).

• John McCain stands alone in his stubborn refusal to end a misguided war¹ – *объект дискредитации указан прямо, но негативно окрашенная лексема stubborn ‘упрямый’ характеризует не лично Дж. Маккейна, а его действия – «отказ прекратить ненужную войну» ‘to end a misguided war’.*

Проанализировав определённое количество работ по дискредитации [11–13; 15; 17; 21], мы заметили, что ни в одной не указана конкретная языковая единица, реализующая дискредитацию, непосредственно с которой работает исследователь. В области фонетики, например, в качестве таких единиц выступают фонемы, которые специалист выделяет в речевом потоке.

Считаем логичным ввести понятие, обозначенное термином «**дискредитема**», под которым мы понимаем *языковую единицу, реализующую коммуни-*

кативную стратегию дискредитации. Анализ дискредитем может проводиться в рамках теории персонологии, а также практически всех существующих на данный момент лингвистических теорий. **Цель** исследования – провести двухэтапную классификацию дискредитем с точки зрения наличия в них стилистических приёмов. **Задачи** можно определить следующим образом:

- провести «отсев» стилистически маркированных дискредитем от стилистически немаркированных;
- идентифицировать в каждой стилистически маркированной дискредите конкретный стилистический приём (анафору, аллитерацию, гиперболу и т. д.), см. рис. 1;
- подвести статистику и сделать вывод, насколько часто стилистические приёмы используются в дискредитации.

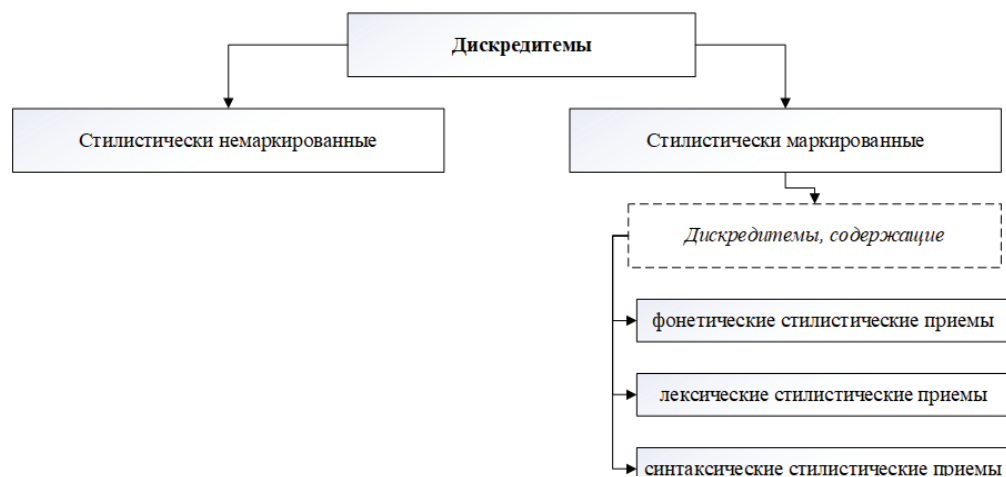

Рис. 1. Стилистическая типология дискредитем

¹ Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention Mile High Stadium, Denver Colorado // Obamaspeeches: [сайт]. URL: <http://obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 15.08.2019).

Косвенно подобные предположения уже делались в других работах (напр., [4]), но они касались средств речевого манипулирования в целом, а не конкретно дискредитации.

Итак, мы исходим из предпосылки, что дискредитема может обладать стилистической окраской. Известно, что объектом изучения стилистики являются стили языка, средства языковой выразительности, используемые для достижения определённой цели высказывания [1, с. 7; 5, с. 6]. Всего мы проанализировали 10 речей 44-го и 45-го президентов США Б. Обамы и Д. Трампа общим объёмом 120 тыс. знаков, где выделили 216 дискредитем. Мы рассмотрели найденные дискредитемы с точки зрения наличия или отсутствия стилистической коннотации, основываясь на классической типологии стилистических приёмов [1; 2; 5; 16]¹.

Исследование показало, что чуть больше половины дискредитем стилистически немаркированы (57 % от общего числа дискредитем). Остальные дискредитемы (43 %) содержат стилистические приёмы на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка (см. табл. 1).

В табл. 2 продемонстрированы стилистически маркированные дискредитемы, содержащие различные выразительные средства. Рассмотрим некоторые из них.

Дискредитемы, содержащие фонетические выразительные средства, представлены только аллитерацией (*курсивом* выделены сами дискредитемы):

¹ См. также: Стилистические приёмы // Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. М.: Пилигрим, 2010. С. 371–372; Стиль // Тимофеев Л. И. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1978. С. 152.

– The stock market dropped a lot today as soon as they heard *the noise of this nonsense* that's going on² – *повторение сонорных [n]*.

– We must solve our problems, to build our prosperity, to secure our futures, or we will be vulnerable to *decay, domination, and defeat*³ – *повторение согласного [d]*.

Как иллюстрирует табл. 2, дискредитемы с лексическими выразительными средствами представлены гораздо шире. Встречается, например, *сарказм*, основанный на дословной трактовке фразеологизма (зевгме):

– *Pull yourself up by your own bootstraps – even if you don't have boots*⁴ – обыгрываются однокоренные лексемы *bootstraps* и *boots*, где первая входит в состав идиомы *to pull oneself up by one's own bootstraps*.

Встречаются и *метафоры*:

– *It's a total witch hunt*⁵ – *метафора: «охота на ведьм», т. е. преследование инакомыслящих*.

² Remarks: Donald Trump Meets With Senior Military Leaders // FactSquared: [сайт]. URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-meeting-military-leaders-april-9-2018> (дата обращения: 15.08.2019).

³ Transcript of President Donald Trump Speech To U.N. General Assembly // The Last Refuge: [сайт]. URL: <https://theconservativetreehouse.com/2017/09/19/transcript-of-president-donald-trump-speech-to-u-n-general-assembly> (дата обращения: 15.08.2019).

⁴ Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention Mile High Stadium, Denver Colorado // Obamaspeeches: [сайт]. URL: <http://obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 15.08.2019).

⁵ Remarks: Donald Trump Meets With Senior Military Leaders // FactSquared: [сайт]. URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-meeting-military-leaders-april-9-2018> (дата обращения: 15.08.2019).

Таблица 1

Количество дискредитов в проанализированных речах

Количество стилистически немаркированных дискредитов	Количество стилистически маркированных дискредитов	
57%*	На фонетическом уровне	2%
	На лексическом уровне	16%
	На синтаксическом уровне	25%

*Цифрами указано количество дискредитов в процентах от общего числа

Таблица 2

Количество выразительных средств в найденных дискредитах

Выразительные средства	Б. Обама	Д. Трамп
Фонетические	–	4
Аллитерация		4
Лексические	22	16
Гипербола	–	2
Ирония	–	1
Лексический повтор	5	–
Литота	3	2
Метафора	8	8
Метонимия	3	1
Перифраз	2	–
Сарказм	1	1
Сравнение	–	1
Синтаксические	25	36
Анафора	–	1
Многосоюзие	2	3
Риторический вопрос	2	–
Ряды	10	21
Синтаксический параллелизм	7	11
Эллипсис	4	–

– Now it is time for America to bind the wounds of division, have to get together¹ – метафора: «болезненные» противоречия

Дискредитемы с синтаксическими выразительными средствами также

¹ Here's the full text of Donald Trump's victory speech // CNNPolitics: [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech> (дата обращения: 15.08.2019).

представлены в большом количестве как у Д. Трампа, так и у Б. Обамы (см. табл. 2).

– Многосоюзие: They're not looking at all of the things that happened that everybody is very angry about, I can tell you, from the Republican side, and I think even the independent side².

² Remarks: Donald Trump Meets With Senior Military Leaders // FactSquared: [сайт].

– *Риторический вопрос: A nation of whiners?*¹

– *Эллипсис: No health care?*²

Можно считать, что дискредитация в политическом дискурсе осуществляется при помощи специальных языковых единиц – дискредитем. Введе-

URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-meeting-military-leaders-april-9-2018> (дата обращения: 15.08.2019).

¹ Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention Mile High Stadium, Denver Colorado // Obamaspeeches: [сайт]. URL: <http://obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 15.08.2019).

² Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention Mile High Stadium, Denver Colorado // Obamaspeeches: [сайт]. URL: <http://obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm> (дата обращения: 15.08.2019).

ние термина «дискредитема» вызвано практической необходимостью анализа данной стратегии с лингвистической точки зрения. Являясь частным случаем языкового знака, дискредитема может содержать в себе, помимо метафор, прецедентных имён, эмоционально окрашенной лексики, выразительные средства языка. В этом случае дискредитему можно считать стилистически коннотированной. Как показало исследование, существует определенная тенденция в политическом дискурсе США к использованию фонетических, лексических и синтаксических стилистических приёмов. Дискредитема позволяет унифицировать подходы, использующиеся в современном критическом дискурс-анализе, который осуществляется в контексте антропоцентрической парадигмы.

Статья поступила в редакцию 05.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / науч. ред. П. Е. Бухаркин. 13-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 385 с.
2. Багге М. Б., Гвоздинская Л. Г., Ивлева В. Н. Русский язык: учебно-справочное пособие для учащихся 11 классов общеобразовательных учреждений и абитуриентов. СПб.: Просвещение, 2007. 174 с.
3. Бутахина Л. А., Филиппова А. В. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3 (10). С. 7–14.
4. Виноградова С. А. Речевая манипуляция – речевое воздействие // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 460–462.
5. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: УРСС, 2014. 333 с.
6. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика: тезисы Международной научной конференции, Екатеринбург, 29 сентября – 6 октября 2011. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. С. 66–69.
7. Голованова Е. И. Лексикографическое описание языковой личности ученого как лингвистическая проблема // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 423–428.
8. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. К вопросу о методах лингвистических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 23–31.
9. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антропологической лингвистики) // Вестник

- Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 12–25.
10. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологистики. М.: Академия, 2008. 128 с.
 11. Джинджолия Г. П. Речевые стратегии современного политического дискурса // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка імені Тараса Шевченка (філологічні науки). 2010. № 20 (207). Ч. II. С. 17–23.
 12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012. 288 с.
 13. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2016. 224 с.
 14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 261 с.
 15. Карякин А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 163–167.
 16. Крылова М. Н. Средства художественной выразительности. Тропы: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 101 с.
 17. Крячкова А. П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политическом дискурсе Германии // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3 (42). С. 157–161.
 18. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 205 с.
 19. Мохова Е. В. Военная метафора в политическом дискурсе президентов Барака Обамы и Николя Саркози // Молодой ученый. 2010. № 3. С. 193–196.
 20. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 44–48.
 21. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 138–144.
 22. Чернышова Л. А. Антропологистические аспекты современной отраслевой терминологии на материале терминологии железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 41 с.
 23. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14–31.
 24. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54–79.
 25. Dijk T. A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 400 p.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 385 p.
2. Bagge M. B., Gvozinskaya L. G., Ivleva V. N. *Russkii yazyk* [Russian language]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 2007. 174 p.
3. Butakhina L. A., Filippova A. V. [Precedent phenomena in the texts of political discourse]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of V. N. Tatischev Volzhsky University], 2012, no. 3 (10), pp. 7–14.

4. Vinogradova S. A. [Speech manipulation – speech influence]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2010, no. 6, pp. 460–462.
5. Gal'perin I. R. *Stilistika angliiskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Moscow, URSS Publ., 2014. 333 p.
6. Golev N. D. [Common linguistics: problems and perspectives]. In: *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 29 sentyabrya – 6 oktyabrya 2011* [Modern political linguistics: proceedings of the International scientific conference (Yekaterinburg, 29.09–6.10.2011)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2011, pp. 66–69.
7. Golovanova E. I. [Lexicographic description of the academic linguistic personality as a linguistic problem]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2009, no. 2 (24), pp. 423–428.
8. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Methods of linguistic research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 1, pp. 23–31.
9. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Language as means of studying human cognitive process and evolution (to the 10th anniversary of anthropological linguistics as a separate branch of science)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 5, pp. 12–25.
10. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Skopyuk T. G. *Osnovy antropolingvistiki* [The basics of anthropolinguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 128 p.
11. Dzhindzholiya G. P. [Speech strategies of modern political discourse]. In: *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka (filologichni nauki)* [Bulletin of Lugansk Taras Shevchenko National University], 2010, no. 20 (207), Part II, pp. 17–23.
12. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2012. 288 p.
13. Issers O. S. *Rechevoe vozdeistvie* [Speech impact]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 224 p.
14. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 261 p.
15. Karyakin A. V. [Discredit strategy as a way of speech aggression realization]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Linguistics], 2009, no. 2 (10), pp. 163–167.
16. Krylova M. N. *Sredstva khudozhestvennoi vyrazitel'nosti. Tropy* [Means of artistic expression. Tropes]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 101 p.
17. Kryachkova A. P. [Defamation Strategy Implementation in the German Political Discourse]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2015, no. 3 (42), pp. 157–161.
18. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 205 p.
19. Mokhova E. V. [The military metaphor in the political discourse of presidents Barack Obama and Nicolas Sarkozy]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2010, no. 3, pp. 193–196.
20. Nakhimova E. A. [Precedent Names in Presidential Discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 2 (22), pp. 44–48.
21. Khabekirova Z. S. [Discredit strategy and ways of its realization in a political discourse of democratic opposition]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History], 2011, no. 2, pp. 138–144.

22. Chernyshova L. A. *Antropolingvisticheskie aspekty sovremennoi otraslevoi terminologii na materiale terminologii zheleznodorozhnogo transporta: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Anthropological aspects of modern industry terminology in the railroad industry vocabulary: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011. 41 p.
23. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. [Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2018, vol. 9, no. 1, pp. 14–31.
24. Shakhovsky V. I. [The cognitive matrix of emotional-communicative personality]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, vol. 22, no. 1, pp. 54–79.
25. Dijk T. A. van. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2014. 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиротин Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: dsir-89@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Sirotin – postgraduate student at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: dsir-89@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сиротин Д. В. Коммуникативная стратегия дискредитации в политическом дискурсе: стилистический аспект дискредитемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 113–122.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-113-122

FOR CITATION

Sirotin D. V. Communicative strategy of discrediting in political discourse: discrediteme stylistic aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 113–122.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-113-122

УДК 811.11-11

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-123-130

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЖА И ИХ КОГНИТИВНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Т. ПРАТЧЕТТА СЕРИИ “DISCWORLD”)

Юдина О. И.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение использования глаголов речи в качестве средства речевой характеристики персонажа художественного произведения, являющейся одним из элементов создания отрицательного образа. Рассматриваемые глаголы, вводящие прямую речь персонажа в произведении, были проанализированы с точки зрения частотности их употребления для характеристики речи отрицательных персонажей в произведениях Т. Пратчетта, а также их роли в репрезентации в них концептуальных метафор. Результатом контекстного и дефиниционного анализа является классификация языковых единиц, выполняющих указанную функцию в данных художественных текстах. Данный анализ особенно актуален для изучения способов лингвистического представления художественных и иных образов, а также способов использования когнитивного подхода к анализу текста.

Ключевые слова: речевая характеристика, глаголы речи, образ, персонаж, концептуальная метафора, художественный текст, Т. Пратчетт

SPEECH VERBS AS A MEANS OF CHARACTERIZING A NEGATIVE CHARACTER'S SPEECH AND THEIR COGNITIVE BASIS (STUDY OF T. PRATCHETT'S "DISCWORLD" SERIES)

O. Yudina*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The article focuses on analyzing the use of speech verbs as a means of characterizing a literary character's speech and as the key element of building a negative image. The speech verbs that introduce a character's direct speech were considered from the point of view of how frequently they appear in T. Pratchett's works with the purpose of describing a negative character, as well as their role in conceptual metaphor representation. As a result of contextual and definition analysis, a comprehensive classification of language units with this function in these texts is presented in this paper. This research is particularly relevant for the study of linguistic representation of images, literary or otherwise, as well as the ways of applying cognitive principles to text analysis.

Keywords: speech characteristic, verbs of speech, image, character, conceptual metaphor, literary text, T. Pratchett

Как известно, исследования текста с позиции отражения в нём структур знания, таких как концепт, концептуальная область и концептуальная метафора, сейчас привлекают интерес многих учёных. Не меньший интерес связан и с проблемой отражения в текстах разного стиля морально-этической оценки и формирования образа как отдельной личности, так и явления действительности (образ политика, речевой портрет учёного, характеристика индивидуально-авторского концепта «зло») [2, с. 89–90]. В связи с этим вопрос изучения образа литературного персонажа как отдельной языковой личности, которая создаётся автором в рамках художественного произведения с определённой коммуникативной целью, и исследования входящей в него речевой характеристики, формируемой репрезентантами концептуальных метафор, становится особенно актуальным для объединения лингвистического подхода к анализу лексических единиц текста и когнитивных исследований тех ментальных структур, которые определяют их выбор. Соответственно, результаты данного исследования представляются полезными как для анализа авторского стиля Т. Пратчетта, так и для рассмотрения влияния концептуальных метафор на выбор автором языковых средств, описывающих манеру речи персонажа, и их значимости для формирования его образа и восприятия его читателем. Следует также отметить, что в данной работе делается не предпринимавшаяся ранее попытка рассмотреть функционирование лингвокогнитивных структур и их вербализацию с помощью глаголов речи в литературном творчестве данного писателя.

В целом образ мира, рисуемый в художественном произведении, является субъективным отражением объективной реальности, особым образом преломленным восприятием автора [3, с. 21]. Этот образ существует в форме, предопределённой теми языковыми средствами, которые доступны автору, что, несомненно, накладывает на него некоторые ограничения [8, с. 79]. В то же время это позволяет читателю в определённой степени проникнуть в сознание автора художественного произведения, поскольку когнитивная деятельность человека всегда влияет на выбранные им речевые средства и находит отражение в его языке [6, с. 78]. Предполагается, что явления, воспринимающиеся автором как негативные, будут соответствующим образом представлены в создаваемых им текстах и транслируемы читателю с целью повлиять на его мировосприятие и поведение [12, р. 397]. Это включает характеристику отрицательно оцениваемых типов личности, поступков и моделей поведения.

Целью данного исследования является изучение одного из способов негативной характеристики, встречающихся в художественных текстах, а именно – концептуальной метафоры. Поскольку эта структура знания по своей природе представляется суждением о явлении посредством проекции на него опыта взаимодействия с другим явлением, она видится эффективным средством моральной оценки, использующимся для имплицитного воздействия на восприятие того или иного объекта [10]. Так, к примеру, метафора *A PERSON IS VERMIN*, употребляющаяся автором для характеристики персонажа, вероятнее всего,

приведёт к негативному восприятию этого персонажа читателем. Ниже приводится пример использования такой характеристики в романе Т. Пратчетта:

*“... gave rise, in the same way that **compost gives rise to worms**, to Mr Clete. He was not, by the standard definitions, a bad man; in the same way **a plague-bearing rat** is not, from a dispassionate point of view, a bad animal”¹.*

На основании семантического анализа можно утверждать, что паразитическая метафора здесь актуализируется с помощью лексических единиц “*compost, worm, plague-bearing, rat*” и служит для формирования отрицательного образа персонажа “Mr Clete”. Однако образ персонажа включает достаточно большое количество и других элементов, в том числе, по мнению Е. Б. Борисовой, характер, внешность, речевую характеристику, поступки и социальный статус [1, с. 93]. Поскольку детальное рассмотрение всех составляющих образа действующего лица в данной статье не представляется возможным, особое внимание здесь будет уделяться речевой характеристике персонажа, одним из аспектов которой являются глаголы речи, так как именно они указывают на поведенческие и моральные аспекты речевой деятельности персонажа, подвергающиеся оценке автором, поскольку, если рассматривать литературного персонажа как языковую личность, речепроизводство которой основывается на таких её уровнях, как вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный, то важным для её характеристики будет

не только содержание продуцируемых ею текстов (высказываний в контексте художественного произведения), но и их оформление [5, с. 36]. Прямая речь персонажа в литературном тексте, как правило, оформляется с помощью глаголов речи. Существует несколько подходов к определению природы данных языковых единиц, но объединяет их то, что глаголами речи и в широком, и в узком смысле считаются глаголы, называющие акт говорения [7, с. 2].

В данном исследовании были рассмотрены глаголы речи, оформляющие прямую речь персонажа в художественном тексте, а также глаголы, описывающие манеру его речи на материале 41 романа Т. Пратчетта серии “Discworld”. С помощью методов семантического и дефиниционного анализа в 31 романе из числа исследованных был найден 161 репрезентант концептуальных метафор, использующийся для речевой характеристики персонажей, что свидетельствует о высокой значимости данного способа характеристики речи персонажа в творчестве автора. Из найденных 161 в 123 контекстах использовались глаголы речи, оформляющие прямую речь персонажа. При этом данные глаголы в 87 % случаев (107 контекстов) описывают речь отрицательных персонажей, или персонажей, ситуативно воспринимаемых как отрицательных. Показательно также и то, что в 70 контекстах эту функцию выполняют самостоятельные экспрессивные или звукоподражательные глаголы, а в остальных – глагол “say”, модифицированный наречием или развёрнутым обстоятельством образа действия. В 81 случае эти глаголы можно классифицировать по принадлежности к следующим кон-

¹ Pratchett T. Soul Music. London: Transworld Publishers, 1995. P. 42.

цептуальным метафорам, реконструированным на основе функционирования их репрезентантов в контекстах изученных произведений:

A PERSON IS AN ANIMAL (56 контекстов): to hiss (11 контекстов), to snarl (14 контекстов), to snap (8 контекстов), to growl (8 контекстов), to sneer (5 контекстов), to roar (4 контекста), to croak (2 контекста), to shriek (2 контекста), to whimper (1 контекст), to snort (1 контекст).

A PERSON IS A (DESTRUCTIVE) FORCE OF NATURE (10 контекстов): to thunder (2 контекста), to rumble (1 контекст), to rage (1 контекст), to say coldly (3 контекста), to say icily (1 контекст), to say airily (1 контекст), to say brightly (1 контекст).

WORDS ARE PROJECTILES (7 контекстов): to spit (4 контекста), to burst out (1 контекст), to splutter (1 контекст), to say sharply (1 контекст).

A PERSON IS A MECHANISM (3 контекста): to suction (1 контекст), to rasp (1 контекст), to drone (1 контекст).

DISHONESTY IS A SMOOTH SURFACE (5 контекстов): to oil (1 контекст), to say smoothly (3 контекста), to say silkily (1 контекст).

Как можно видеть, количество репрезентантов метафоры A PERSON IS AN ANIMAL, являющихся глаголами речи, первоначальное словарное значение которых связано со звуками или мимикой животных, значительно превосходит количество вербализаций других метафор. Это говорит о том, что данная метафора обладает большим оценочным потенциалом относительно характеристики персонажа. Более того, в то время как прочие из указанных метафор подкрепляются другими контекстами произведения,

где даётся дополнительная характеристика героев, репрезентанты метафоры A PERSON IS AN ANIMAL сами по себе являются достаточными для обращения к ней и создания отрицательной оценки.

Приведём пример метафоры DISHONESTY IS A SMOOTH SURFACE. В произведении "Small Gods" образ эпизодического отрицательного персонажа рисуется таким образом:

*Brutha had a good view of the man's face. The change in his expression was like watching a **grease slick cross a pond**. 'My Lord Vorbis,' **he oiled...** The stableman's face was **yellow with dread**¹.*

В выделенных фразах вербализуется метафора DISHONESTY IS A SMOOTH SURFACE, которая в данном случае может уточняться с помощью структурной метафоры LIES ARE GREASE. Она раскрывается на протяжении всего описания, в то время как её реконструкция может быть затруднена на основании отдельного глагола "to oil". Однако это не означает, что, будучи достаточной, речевая характеристика является единственной областью реализации концептуальных метафор, связанных с животными. К примеру, в произведении Т. Пратчетта "Going Postal" основной отрицательный персонаж "Reacher Gilt" характеризуется анималистической метафорой A PERSON IS A PREDATOR, связанной областью источника с метафорой EVIL IS A PREDATOR, следующим образом:

*The other face belonged to a man with one eye and one black eyepatch, and it **smiled like a tiger**. / ...the big head, with its **leonine mane**, turned to stare at Moist's table - / ...On the other hand, they'd been*

¹ Pratchett T. Small Gods. London: Transworld Publishers, 2011. P. 134.

safe so far; maybe it was worth following the tiger to the kill. Better to follow at the beast's heel than be its prey... / ...He surveyed the faces of men who now knew that they were riding a tiger. It had been a good ride up until a week or so ago. It wasn't a case of not being able to get off. They could get off. That was not the problem. The problem was that the tiger knew where they lived. / ...'They believe themselves to be sharp operators, and yet they offer themselves like little lambs. How I love to see their expressions when they think they're being astute.' / ...'Is this why you appear so confident?' snarled Gilt. And it was a snarl, there and then, a little sign of a crack appearing.¹

Как можно заметить, указанная выше метафора в данных контекстах проявляется в качестве средства формирования отрицательного образа описываемого персонажа, а её репрезентанты становятся тем средством, которое автор использует для того, чтобы повлиять на восприятие читателя [11, p. 164].

Говоря об анималистических концептуальных метафорах в тексте художественного произведения, стоит заметить, что они также служат нескольким функциям. Во-первых, они указывают на опасность и потенциальную губительность того, что становится областью их цели. Так, ещё при анализе концептуальных метафор в Библии учёные отмечали использование анималистической метафоры EVIL IS A WILD ANIMAL для характеристики зла. В работе "Because You Bear This Name: Conceptual Metaphor And the Moral Meaning of 1 Peter" автор в рам-

ках своего анализа указывает на репрезентанты "...on the prowl, roaring and dangerous", которые в контексте книги отсылают читателя к метафоре EVIL IS A LION, идентификация которой происходит именно благодаря характеристикам животного, выделенным из области источника [9, p. 77–78]. Более того, рассматривая глаголы речи, представленные в качестве репрезентантов анималистической метафоры, можно прийти к выводу, что большинство из них отражают агрессивные действия и звуки, производимые животными для выражения угрозы, к примеру, *to hiss, to snarl, to snap, to growl*, на которых автор фокусирует внимание читателя [4, с. 29].

Во-вторых, они позволяют описываемому образу сохранять свою экспрессивность в рамках нескольких произведений, что также упрощает его идентификацию. К примеру, отрицательный персонаж "Ardent", появляющийся в двух произведениях серии "Discworld" – "Thud!" и "Raising Steam" – получает в обоих схожую речевую характеристику:

'You have no business in the lower areas!' snapped Ardent, standing up².

The key turned in the lock. There was Ardent, and his expression seriously frightened his erstwhile mentor. ... There was a little bloom of spittle on one side of Ardent's face and he snapped, 'You can't possibly know that!' / ...He stopped. Ardent had gone pale and seemed to be shivering. But then his eyes blazed, and he snarled, 'You won't be driven, Albrecht, and nor will I'³.

Наконец, речевая характеристика

¹ Pratchett T. Going Postal. London: Transworld Publishers, 2004. P. 122, 423, 504, 505, 510, 596.

² Pratchett T. Thud!. London: Transworld Publishers, 2005. P. 127.

³ Pratchett T. Raising Steam. London: Transworld Publishers, 2013. P. 602, 608.

персонажа с помощью глаголов речи, являющихся репрезентантами нескольких концептуальных метафор, даёт читателю возможность получить наиболее полное представление об отрицательном персонаже благодаря тому, что в его описании задействованы несколько концептуальных областей источника и цели. Приведём пример основного отрицательного персонажа “Lord Peaseblossom” романа “The Shepherd’s Crown”, описание речи которого включает репрезентанты трёх из обозначенных метафор:

Peaseblossom sneered and said, ‘This is rubbish... / ‘We have been elves since the dawn of time,’ Peaseblossom thundered. / ...‘What fools these mortals be!’ Peaseblossom roared. / ...‘Friend?’ Peaseblossom spat. ‘There are no friends for elves’¹.

Таким образом, по результатам проведённого лингвокогнитивного анализа можно утверждать, что в романах Т. Пратчетта серии “Discworld” характеристика персонажа с помощью глаголов речи занимает важное место

в наборе средств, использующихся автором для создания его образа. Глаголы речи, вербализующие концептуальные метафоры, встречаются в 31 романе писателя из числа исследованных (75 %) и в 87 % случаев используются автором для создания негативного образа описываемого персонажа. Среди них доминантную позицию занимают репрезентанты анималистических концептуальных метафор, что свидетельствует об эффективности применения данного типа метафоры для трансляции отрицательной моральной оценки автором художественного текста. Дополнительными функциями речевых глаголов, репрезентирующих концептуальные метафоры в романах Т. Пратчетта серии “Discworld”, можно считать указание на речевую агрессию описываемого персонажа, а также придание формируемому образу завершённости и сохранение его целостности в рамках нескольких произведений автора.

Статья поступила в редакцию 31.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Б. Средства создания образа персонажа как предмет сопоставительного анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 93–99.
2. Дербишева З. К., Чонмурунова Н. Ж. Индивидуально-авторский концепт «Зло» в языковой картине мира Ч. Айтматова // Приволжский научный вестник. 2016. № 3 (55). С. 89–96.
3. Задорнова В. Я., Матвеева А. С. Концептуальные метафоры в англоязычной поэзии: монография. М.: Университетская книга, 2017. 206 с.
4. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Маркевич Ю. В., Середа П. В. Глаголы речи и их семантическая классификация // Научные труды Кубанского государственного технологического университета (элек-

¹ Pratchett T. The Shepherd’s Crown. London: Transworld Publishers, 2015. P. 196, 213, 214, 424.

тронный журнал). 2016. № 2. С. 1–9. URL: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/22> (дата обращения: 25.04.2019).

8. Николаев А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011. 255 с.
9. Howe B. Because You Bear This Name: Conceptual Metaphor and the Moral Meaning of 1 Peter. Leiden, Boston: Brill, 2006. 406 p.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
11. Maas A., Suitner C., Arcuri L. The Role of Metaphors in Intergroup Relations // The power of metaphor: examining its influence on social life / ed. M. J. Landau, M. D. Robinson, B. P. Meier. Washington: American Psychological Association, 2014. P. 153–178.
12. Ruiz R. S., Cirugeda I. L. Persuasion and Manipulation Through Conceptual Metaphors in George Ridpath's Political Writings (1707–1709) // US-China Foreign Language. 2015. Vol. 13. No. 6. P. 397–411.

REFERENCES

1. Borisova E. B. [Means of creating a character image as a subject of comparative analysis]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 2 (106), pp. 93–99.
2. Derbisheva Z. K., Chonmurunova N. Zh. [Individual author concept “evil” in a language picture of Ch. Aitmatov world]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2016, no. 3 (55), pp. 89–96.
3. Zadornova V. Ya., Matveeva A. S. *Kontseptual'nye metafory v angloyazychnoi poezii* [Conceptual metaphors in English poetry]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 206 p.
4. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Game of focus in the language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 320 p.
5. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
6. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p.
7. Markevich Yu. V., Sereda P. V. [Speech verbs and their semantic classification]. In: *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Scientific works of the Kuban State Technological University (electronic journal)], 2016, no. 2, pp. 1–9. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/22> (accessed: 25.04.2019).
8. Nikolaev A. I. *Osnovy literaturovedeniya* [Foundations of literature]. Ivanovo, LISTOS Publ., 2011. 255 p.
9. Howe B. Because You Bear This Name: Conceptual Metaphor and the Moral Meaning of 1 Peter. Leiden, Boston, Brill Publ., 2006. 406 p.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2003. 276 p.
11. Maas A., Suitner C., Arcuri L. The Role of Metaphors in Intergroup Relations. In: Landau M. J., Robinson M. D., Meier B. P., eds. *The power of metaphor: examining its influence on social life*. Washington, American Psychological Association Publ., 2014, pp. 153–178.
12. Ruiz R. S., Cirugeda I. L. Persuasion and Manipulation Through Conceptual Metaphors in George Ridpath's Political Writings (1707–1709). In: *US-China Foreign Language*, 2015, vol. 13, no. 6, pp. 397–411.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юдина Ольга Игоревна – аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
email: oy1992@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Yudina – postgraduate student at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
email: oy1992@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юдина О. И. Глаголы речи как средство речевой характеристики отрицательного персонажа и их когнитивная обоснованность (на материале романов Т. Пратчетта серии “Discworld”) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 123–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-123-130

FOR CITATION

Yudina O. I. Speech verbs as a means of characterizing a negative character’s speech and their cognitive basis (study of T. Pratchett’s “Discworld” series). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 123–130.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-123-130

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК: 81' 366.58 [811.161.1+ 811.133.1]

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-131-138

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И ВИДА ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ АНАЛОГАМИ

Сенченкова М. В.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы – выявление различий французского и русского языков на предмет грамматических глагольных категорий времени и вида. Сравнительно-сопоставительный приём используется в качестве основного метода исследования, что позволяет выявить структурные различия французского и русского глаголов. Результаты исследования подтверждают гипотезу, что категория вида и времени проявляется в обеих грамматических структурах, что является общностью русского и французского языков. Однако при их сопоставлении выявляются различия как в значении данных категорий, так и в реализации значений вида и времени. Значимость полученных результатов для теории сопоставительного языкознания состоит в уточнении функционально-семантических характеристик категорий вида и времени.

Ключевые слова: категория времени, категория вида, сравнительная типология, русский язык, французский язык, грамматика

GRAMMATICAL TENSE AND ASPECT CATEGORIES OF FRENCH VERBS IN COMPARISON WITH THEIR RUSSIAN ANALOGUES

M. Senchenkova

*Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract. While comparing verb category characteristics in both languages we took into consideration their qualitative and quantitative differences, namely the paradigm of parallel simple and complex French tense forms and absence of the time correlation category in the Russian

language. What both languages have in common is the tense and aspect categories of the verb. However, each of the two languages has its own specific features in tense and aspect forms.

Keywords: the categories of tense and aspect, the French language, the Russian language, contrastive linguistics, grammar

Во французском и русском языках сопоставительный анализ глагольных времён затрудняется тем, что теоретически не установлено ни число времён, ни их номенклатура как в одном, так и в другой языке.

Формы времени в русском языке тесным образом связаны с категорией вида. Глаголы совершенного вида имеют две временные формы (*прочитал, прочитаю*), глаголы несовершенного – три временные формы (*читал, читаю, буду читать*) [5, с. 6–15]. Теоретические споры касаются временной формы «*прочитаю*». Она трактуется как будущее время или в значении настоящего времени (*кто хочет, тот добьётся*) как настоящее-будущее (непрошедшее) время (учитывая её частое использование). Так как в своём внеконтекстуальном, первичном, парадигматическом значении данная форма указывает на будущее время события (*я напишу, я сделаю, я возьму*), будем её рассматривать как будущее время глагола (примеры взяты из [3, с. 146–157]).

Определение системы времён во французском языке ставит более сложные проблемы. Они касаются морфологического аспекта, но следует ли признавать так называемые имediatные конструкции формой глагола или перифразой (*il va lire, il allait lire, il vient de lire, il venait de lire*). Они связаны главным образом с содержательной стороной глагольных форм. Если формы Conditionnel рассматривать не как модальные, а как временные, то со-

кращается число выделяемых наклонений, но увеличивается количество отмечаемых оппозиций в индикативе. Если видеть в противопоставлении форм *passé simple* (*passé composé*) и *imparfait*, как и в противопоставлении простых и сложных форм видовые оппозиции, а не временные, то сократится число выделяемых времён. Так как во французском языке эти оппозиции носят смешанный видовременной характер, то оба случая будем рассматривать и в связи с категорией времени, и в связи с категорией вида. Будем в целом придерживаться традиционных классификаций.

Общие оппозиции. Во всех языках основным значением категории времени является отношение момента действия к моменту речи – это так называемое абсолютное время. Внутри этого значения различаются три плана: прошедшее, настоящее, будущее. Может отсутствовать специфическая форма настоящего времени, как это имеет место у глагольных форм несовершенного вида в русском языке; специально может не выделяться будущее время, как в некоторых языках, но самой частой оппозицией является противопоставление прошедшего / не-прошедшего времени [4, с. 30–38; 7, с. 16–27].

Специфические оппозиции. Дифференциация трёх временных планов у глагольных форм несовершенного вида и двух – у глагольных форм совершенного вида исчерпывает оппозиции, которые различают пять

временных форм русского глагола [6, с. 582–636]. Система времён во французском языке насчитывает в одном лишь индикативе более десяти форм, что можно объяснить наличием специфических оппозиций. К таким относятся следующие.

1. Временная соотнесённость. Во французском языке значение временной соотнесённости включает не только предшествование, а также одновременность и следование, выражающиеся формами, представленными в табл. 1.

Таблица 1

Временные формы французского глагола

Временной план	Временная отнесенность		
Прошедшее время	Предшествование	Одновременность	Следование
	Plus-que-parfait	Imparfait	Futur dans le passé
	Passif antérieur		Futur de perspective
	Passif immédiat dans le passé		Futur immédiat dans le passé
Будущее время	Futur antérieur	–	–

Futur dans le passé composé (conditionnel passé), кроме того, обозначает по отношению к следованию в плане прошедшего предшествование: *je savais qu'il viendrait quand il aurait fini*.

Наиболее дифференцированным в целом оказывается значение предшествования и план прошедшего времени. Французский язык для выражения предшествования имеет специфические временные формы, для выражения значения следования и одновременности приспосабливаются формы, для которых данные значения не являются единственными, основными (imparfait, futur dans le passé, совпадающий формально с conditionnel présent).

Для выражения временной соотнесённости нет особых глагольных времён в русском языке. Значение одновременности может быть выражено настоящим временем, а значение предшествования – прошедшим, например: *Он сказал, что читает эту книгу. Он сказал, что читал (прочел) эту книгу.*

Предшествование в плане прошедшего нередко выражается прошедшим временем несовершенного вида, которое становится функционально равнозначным французскому plus-que-parfait: *Il m'a dit qu'un de ses amis (il lui avait parlé de moi) m'invitait à passer la journée de dimanche dans son cabanon, près d'Alger. – Он сказал, что один его приятель, которому он про меня рассказывал, приглашает меня в воскресенье за город, у него там домишко.*

В русском языке после глаголов восприятия допускается более свободное варьирование в выборе времён: *Il lui sembla qu'elle marchait plus vite que d'habitude. – Ему показалось, что она идет (шла) быстрее обычного.*

Итак, во французском языке в системе личных глагольных форм категория временной соотнесённости передаётся специальными временами, а в русском языке она представляется как вторичная функция абсолютных времён [2, с. 350–361]. И во француз-

ском и в русском языках в системе личных форм категория временной соотнесённости выступает как значение, которое зависит от основной оппозиции временных планов.

По-другому дело обстоит в неличных формах глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), где временная соотнесённость оказывается основным временным значением, а абсолютное время вовсе не выражается. Личная форма глагола обозначает основное действие в высказывании, неличная обозначает дополнительные действия, которые разъясняют или уточняют основное.

В силу этого личная глагольная форма должна быть способной указывать самостоятельно на время события относительно момента речи, избираемого за точку отсчёта. Отсюда преобладание и универсальность абсолютного времени в личных глагольных формах. Неличные глагольные формы, обозначая действие, зависимое от действия, которое выражено личной глагольной формой, обозначают время действия по отношению к действию, обозначаемому личной формой, поэтому в данных формах преобладает относительное время.

Неличные формы глагола в обоих языках выражают одновременность или предшествование, но при этом есть существенные различия.

Для выражения предшествования французский инфинитив имеет особую форму, которой нет в русском языке. В то же время русское деепричастие имеет особую форму выражения предшествования. Её отсутствие во французском языке может быть компенсировано с помощью причастия или предшествующего инфинитива,

например: *Перейдя (деепричастие) через площадь я повстречался с другом.* – *Ayant traversé (причастие) или aprus avoir traversé (инфинитив) la place j'ai rencontré un ami.*

Дело обстоит сложнее с причастиями, поскольку сферы употребления ряда форм не совпадают.

2. Линейность или точечность представления события. Действие может представляться как целостное событие или как развертывающий процесс. Данное различие возможно при описании действия в будущем и прошлом, а в настоящем обычно оно воспринимается как процесс. Различие в представлении и характере действия во французском языке выражается в плане прошедшего противопоставлением «точечных времён» (*passé composé*, *passé simple*) и «линейного времени» – *imparfait*. Различие процессуальности и целостности в русском языке передаётся категорией вида.

3. Актуальность и неактуальность действия. Формы глагола во многих языках различают связанность действия с настоящим моментом и его несвязанность (неактуальность). В таком случае в плане прошедшего можно говорить об аористическом и перфектном значении времени. В основном это различие во французском языке передаётся противопоставлением форм *passé simple* (и *antérieur*) и *passé composé*. Формы *passé simple* сообщают об имевшем место факте в прошлом, формы *passé composé* подчёркивают значение данного факта для настоящего. Во французском языке формы *passé simple* употребляются в качестве повествовательного прошедшего в исторических описаниях и в книжном языке, а формы *passé com-*

posé употребляются в устной речи. Различие двух планов – плана речи и исторического – затрагивает употребление и других времён: «исторических» и «речевых» [1, с. 270–285]. К «речевым» относят формы *présent*, *passé composé*, *futur*. Как отмечается в последнее время, различие между формами *futur simple* и формами *futur immédiat* тоже связывается с данной категорией: формы *futur immédiat* вытесняют из речевого плана простое будущее. В большинстве случаев, однако, это касается лишь функционирования данных времён. Как грамматическая категория неактуальность действия присуща только формам *passé simple* и *passé antérieur*.

Значение актуальности / неактуальности в русском языке в глагольной системе морфологически не выражается, но может передаваться видовыми формами в определённых контекстах: иногда несовершенный вид обозначает действие, несвязанное с настоящим.

4. Временной интервал. Связь с моментом отсчёта / моментом речи проявляется и в чисто временном аспекте, не только в результативном. По отношению к настоящему различаются действия более отдалённые и более близкие. Во французском языке это различие в плане прошедшего выражается оппозицией временных форм *passé composé* и *passé immédiat*. Формы *passé immédiat* показывают более узкий временной интервал между действием и моментом речи.

Данная категория в русском языке формально не выражается, и в случае необходимости значение передается лексическим образом: *Il est arrivé* – Он приехал; *Il vient d'arriver* – Он только что приехал.

Различия интервала менее чётки и существенны в плане будущего, чем в плане прошедшего, и различия между формами *futur simple* и *futur immédiat* отражает не интервал, а другие значения: модальное (формы *futur immédiat* обозначают неизбежное, определённое будущее); актуальное (это значение обозначает связь будущего действия с настоящим).

Система собственно временных форм индикатива во французском языке в целом сложнее. Она организуется вокруг четырёх специфических оппозиций и одной общей.

Вторичные функции временных форм. Времена используются и в своих вторичных функциях, а именно: для выражения вневременного действия (семантическая нейтрализация); для выражения модальных и видовых значений независимо от первичного временного значения формы, в асемантической функции; в значениях других временных форм (транспозиция времён). Во французском языке преимущественно формы настоящего времени используются при временных транспозициях; формы прошедшего времени используются для выражения видовых оттенков, будущего – для выражения модальных.

1) Функция нейтрализации. Для выражения вневременного действия и французский, и русский языки используют преимущественно настоящее время как немаркированную форму: *La Terre tourne* – Земля вертится.

В русском языке особенностью является широкое употребление в данной функции формы будущего времени совершенного вида: *Qui sème le vent récolte la tempête* – Кто сеет ветер, пожнёт бурю.

2) Транспозиция времён.

– Временные значения.

а) При переносе точки отсчёта времени из настоящего в прошедшее настоящее время обозначает действие в прошлом по отношению к моменту речи («историческое настоящее»), а будущее время обозначает действие в прошлом, последующее по отношению к другому действию в прошлом («историческое будущее»). Во французском языке синонимом исторического будущего (*futur de perspective*) является конструкция с «*devoir*» в *imparfait*. Во французском языке настоящее и будущее историческое употребляется значительно чаще, чем в русском: *Le 5 septembre, le cortège se forme à l'Hôtel de Ville et se rend à la Convention, cernée par les manifestants. La Convention votera ce jour-même ou peu après des mesures très importantes du programme populaire.* – 5 сентября возле ратуши было организовано шествие, которое направилось к Конвенту. Под давлением манифестантов Конвент на этом же заседании или в последующие дни принял несколько очень важных мер, входивших в народную программу.

б) Употребление настоящего времени вместо будущего или прошедшего в конкретной ситуации выражает стирание граней между временными планами. В плане будущего при этом оно обозначает определённое будущее действие; в плане прошедшего оно выражает, что действие, которое началось в прошлом, захватывает и момент речи («инклюзивное время»). Во французском языке оба переноса используются чаще, чем в русском языке. *Je viens te parler* – Я пришёл поговорить с тобой; *Il vient nous voir demain à 5 heures.* – Он придёт к нам завтра в 5 часов.

В русском языке чаще транспонируются формы прошедшего и будущего времени, особенно совершенного вида, заменяющие отсутствующее настоящее время. Будущее время, которое перенесено в план настоящего или прошедшего, выражает неожиданность действия или мгновенность (*Вдруг он как крикнет!*), его повторяемость (*Ни минуты он не сидит на месте: то сядет, то встанет*). Прошедшее употребляется для определённого будущего времени: *Ну, я пошёл.* – *Eh bien, je m'en vais.*

в) К транспозиции времён можно отнести и употребление временных форм *imparfait* вместо точечного времени (*imparfait stylistique*). Замена прошедшего времени совершенного вида прошедшим временем несовершенного вида в русском языке наблюдается реже, в связи с чем в русском тексте французскому имперфекту соответствует совершенный вид: *En 1902 mourait E. Zola.* – В 1902 году умер Э. Золя.

– Видовые значения. Во французском и русском языках завершённость действия выражается переносом временных форм, особенно прошедшего в план будущего: *J'ai fini dans un instant.* – Ещё немножко поработать и я закончил.

– Модальные значения. В обоих языках широко используются временные формы индикатива для выражения модальных оттенков, причём во французском языке чаще всего употребляются будущие времена, имперфект и настоящее время, а в русском языке используются прошедшее и будущее времена совершенного вида.

3) Асемантическое употребление форм времени. Во французском языке сюда относится использование

временных форм *présent* в устойчивых конструкциях «*c'est*», «*est-ce que*»; после «*si*» вместо будущего времени; временные формы *imparfait* после «*si*» вместо условного наклонения; временные формы *imparfait du subjonctif* в обороте «*ne fût-ce que*».

В заключение можно сделать вывод, что транспозиция времён свойственна как французскому языку, так и русскому. В русском языке транспозиция преимущественно связана с необходимостью восполнить отсутствующую форму настоящего времени совершенного вида.

Во французском языке она не обусловлена структурными особенностями языка. Во французском глаголе чаще транспонируются формы настоящего времени, в русском – формы прошедшего и будущего. Чаще чем во французском, в русском языке выражаются видовые оттенки действия (мгновенность, повторяемость и др.) при транспозиции, во французском языке – относительно чаще модальные значения. Во французском языке наблюдается чаще необязательная, структурно не обусловленная транспозиция.

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 270–285.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2014. 862 с.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: URSS, 2016. 288 с.
4. Епифанцева Н. Г., Корж В. И. Французская морфология: имя и глагол. М.: МГПУ, 2016. 128 с.
5. Катагощина Н. А. Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках. М: Русский язык, 1985. 200 с.
6. Глагол. Морфологические категории глагола // Русская грамматика. Т. 1. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Академия наук СССР, 1980. С. 582–636.
7. Сенченкова М. В. Перевод грамматического компонента литературно-художественных текстов. М.: РГГУ, 2017. 200 с.

REFERENCES

1. Benveniste E. [Relationships of Time in the French Verb]. In: *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, pp. 270–285.
2. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2014. 862 p.
3. Gak V. G. *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian languages]. Moscow, URSS Publ., 2016. 288 p.
4. Epifantseva N. G., Korzh V. I. *Frantsuzskaya morfologiya: imya i glagol* [French morphology: the noun and the verb]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2016. 128 p.
5. Katagoshchina N. A. *Sootnoshenie glagol'nykh i imennykh kategorii v russkom i frantsuzskom yazykakh* [Correlation of verbal and nominal categories in Russian and French]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 200 p.
6. [The Verb. Morphological categories of the verb]. In: Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 1* [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1980, pp. 582–636.

7. Senchenkova M. V. *Perevod grammaticheskogo komponenta literaturno-khudozhestvennykh tekstov* [Translation of the grammatical component of literary texts.]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенченкова Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка Московского государственного лингвистического университета;

e-mail: sentchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Senchenkova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of lexicology and stylistics of the French language, Moscow State Linguistic University;

e-mail: sentchenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сенченкова М. В. Категория времени и вида французского глагола в сопоставлении с русскими аналогами // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 131–138.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-131-138

FOR CITATION

Senchenkova M. V. Grammatical tense and aspect categories of French verbs in comparison with their Russian analogues. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 131–138.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-131-138

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-139-148

ВИДЫ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Черноклинов Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы заключается в установлении модальных семантических границ. Низкая степень проработки данной проблемы выливается в большое разнообразие предлагаемых модальных значений. В статье рассматриваются различные модальные значения, выделяемые в отечественной и зарубежной (западной) лингвистике. С использованием описательного метода выделяется перечень значений, наиболее полно соответствующих понятию модальности. Рассматривается понятие эвиденциальности и её место в системе модальных значений. Подвергаются анализу классификации модальных значений, предложенные лингвистами со второй половины XX в. до настоящего времени.

Ключевые слова: модальность, немецкий язык, русский язык, алетичность, волюнтаривность, эпистемичность, эвиденциальность

KINDS OF MODAL MEANINGS IN RUSSIAN AND WESTERN LINGUISTICS

E. Chernoklinov

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The main aim of this article is to determine and define modal semantic borders. The problem has not received due attention yet and is insufficiently studied. Due to this fact, there is a wide range of different modal meanings. The article presents the results of analysis of various modal meanings found in Russian and foreign (especially western) linguistics. With description method, the main meanings of modality are shown. Various classifications of modal meanings, established from the second part of the XX century to the present, are analyzed.

Keywords: modality, German language, Russian language, alethic modality, volutative modality, epistemic modality, evidentiality.

Вряд ли сегодня кто-нибудь будет спорить с утверждением, что категория модальности является неотъемлемой частью любого выражения. На это указывал ещё В. В. Виноградов: «Если категория предикативности выражает общую соотнесенность содержания предложения с действительностью, то отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности есть прежде всего модальное отношение» [5, с. 49–60]. Об этом также писал Ш. Балли, который указывал на наличие в *любом* высказывании (предложении) не только диктума,

но и *модуса* – части высказывания, полностью передающей отношение говорящего к высказыванию [2]. Получается, что универсальность [10, с. 54] и безоговорочное присутствие модальности в языке является одним из тех немногочисленных вопросов, на которые получен ответ.

Неразрешённым является вопрос о перечне внутренней модальной семантики – какие модальные значения существуют? «Едва ли можно найти двух ученых, которые воспринимали бы модальность одинаково» [4, с. 67]. С таким утверждением сложно не согласиться, ибо зачастую учёные, исследующие модальность и её значения, не могут прийти к единой точке зрения. В связи с чем и взгляд, предложенный в настоящей статье, может считаться существенно субъективным взглядом на данную проблему.

Начав с такой пессимистичной ноты, требуется отметить, что всё-таки некоторый консенсус в модальных значениях существует – так, общим выводом отечественных [13, с. 286] и зарубежных лингвистов стало наличие двух «глобальных» модальных значений: объективной (реальной) и субъективной (нереальной) модальностей.

В отечественном языкознании основной и главный вектор направления исследования модальности заложил В. В. Виноградов. Он же и указал на существование объективной, выражающейся в любом предложении, модальности, и субъективной модальности, которая выражается при помощи специальных модальных лексических средств [5]. Виноградов выделял пять основных модальных значений на основе отношения говорящего к высказыванию с точки зрения: 1) реаль-

ности/нереальности; 2) возможности и невозможности; 3) с точки зрения уверенности; 4) отношения к целевой установке говорящего; 5) эмоциональной оценки говорящего. Идеи В. В. Виноградова получили развитие во многих последующих работах. Так, например, Н. Ю. Шведова разделяла мнение В. В. Виноградова, однако указывала на то, что все модальные значения возникают «на стыке» реальности и нереальности [14].

В. Г. Адмони, в свою очередь, расширил перечень модальных значений, добавив к ним эмоциональную установку говорящего: «в каждом предложении обязательно указывается и определенная эмоциональная установка говорящего (или пишущего)» [1, с. 203]. Таким образом, учёный к имеющимся пяти значениям добавил ещё два: 1) предложения с нейтральным эмоциональным содержанием и 2) предложения с усиленным эмоциональным содержанием [1, с. 204].

Однако мнение В. Г. Адмони не разделил М. В. Зайнуллин, который утверждал, что такие атрибуты высказывания, как эмоциональность и экспрессивность, не являются обязательными в высказывании и не могут называться модальными: «Именно модальность, как и предикативность, справедливо считается постоянным признаком, или грамматическим значением предложения» [8]. Такого же мнения придерживались многие другие учёные: «Нет предложения без предикативности и модальности, как нет предикативности и модальности без предложения» [11, с. 41; 12; 15].

С другой стороны, А. В. Бондарко утверждает, что языковая модальность происходит целиком и полностью из

логической модальности. Логическая модальность базируется на четырёх суждениях, а именно: 1) суждениях действительности; 2) суждениях возможности; 3) суждениях необходимости; 4) суждениях достоверности и вероятности [4, с. 67]¹. Сам же А. В. Бондарко выделяет шесть модальных значений: 1) оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности или нереальности события; 2) отношение говорящего к высказыванию с точки зрения возможности, необходимости или желательности; 3) отношение к высказыванию с точки зрения уверенности говорящего в достоверности высказывания; 4) целевая установка говорящего или коммуникативная функция (т. е. разделение высказываний на утвердительные, вопросительные и побудительные); 5) значение отрицательности и утвердительности; 6) эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания (*хорошо, плохо* и т. д.).

Необходимо указать, какие модальные значения выделялись в зарубежной лингвистике, ведь там также нет единой точки зрения. И начать следует с О. Джесперсена, который указал, что модальность является «содержанием предложений» [27, р. 313]. Как и в отечественной лингвистике, зарубежные учёные крайне широко трактовали модальности, в связи с чем порой перегружали модальность различными значениями. Иногда трактовка модальности была настолько широкой, что в ней находилось место темпоральности и аспекту (грамматической

категории [6, с. 202]) [22; 31, р. 9; 33, р. 6; 34, р. 357–379; 35].

Важным для зарубежной лингвистики стало исследование Г. Х. фон Райтом логической модальности. В своём исследовании он выделил четыре модуса, которые обладали конкретными модальными значениями: 1) алетический модус; 2) эпистемический модус; 3) деонтический модус; 4) экзистенциальный модус [37].

Основываясь на данном исследовании, Н. Решер перенёс данные модусы в лингвистику, исключив при этом экзистенциальный модус, однако добавив ряд новых, а именно: темпоральный, эмоциональный, оценочный и причинный модусы [36]. Теория Н. Решера, на наш взгляд, представляется весьма перегруженной излишними значениями.

С другой стороны, Дж. Найтс в своих работах отмечал низкую степень структурированности категории модальности. Саму модальность он же считал «суперкатегорией» и ставил её в один ряд с категориями времени и аспекта (не рассматривая их в качестве части модальности). Он выделял всего три значения модальности: 1) динамическую; 2) деонтическую и 3) эпистемическую модальность [30].

К. Филмор рассматривал модальность крайне широко (как и Ф. Палмер, Н. Решер и др.) и включал в неё значения отрицания, времени, наклонения и аспекта. Подобные выводы можно наблюдать, кстати, в работах А. В. Бондарко [4].

Мы считаем, что бесспорно разделять чью-либо точку зрения нецелесообразно. В этом плане можно ещё раз процитировать А. В. Бондарко: «Едва ли можно найти двух уче-

¹ См. также: Кант // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Дизъюнкция-комическое / глав. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 421.

ных, которые воспринимали бы модальность одинаково» [4, с. 67]. На наш взгляд, необходимо в первую очередь распределить модальные значения, относящиеся к реальной (т. е. объективной) модальности и к нереальной (субъективной). И если круг «субъективных» модальных значений можно более-менее очертить, то с объективной модальностью всё несколько сложнее. К объективной модальности относят наклонения [7, с. 35; 20]; эвиденциальность (выражающую источник информации говорящего) [16]; адмиративную модальность (выражающую удивление) [21]; а также «агрессивную» модальность (выражающую сильную экспрессию (агрессию)) [28].

Однако этот перечень не может не вызвать дискуссии. Как уже было отмечено – модальность является универсальной категорией, следовательно, значения модальности также должны обладать универсальным характером и так или иначе присутствовать во всех языках. Однако представленная выше «агрессивная модальность» является особенностью финского языка (представляет из себя особую форму глагола) и не может претендовать на универсальный статус [28]. Что касается адмиративности и эпистемичности, то здесь тоже нельзя дать чёткий ответ. Вокруг принадлежности эвиденциальности к перечню модальных значений ходит огромное количество ожесточённых споров [9, с. 144]. Некоторые авторы включают значение эвиденциальности в категорию эпистемической модальности [18; 32]. Некоторые авторы ассоциируют эвиденциальность с эпистемической модальностью, рассматривая их в качестве единой модальной «суперкатегории» (у Хенвель-

да – раздел “epistemological modality” [25], у Палмера – раздел “propositional modality” [32]). Другие авторы рассматривают эвиденциальность и эпистемичность как две взаимосвязанные, но различные категории [29], в то время как другие учёные попросту исключили значение эвиденциальности из перечня модальных значений [16; 17; 19; 23]. Ввиду того, что адмиративность рассматривают как разновидность эвиденциальности [26], то её также нельзя безоговорочно отнести к значению объективной модальности.

Субъективная модальность оперирует устоявшимися ещё в логике значениями, однако и там возникают спорные ситуации. Традиционно к субъективной модальности относят следующие модальные значения: 1) динамическую; 2) деонтическую и 3) эпистемическую модальности. Однако, на наш взгляд, предложенные Дж. Найтсом или А. В. Бондарко классификации вызывают ряд вопросов. Во-первых, сформулированная Дж. Найтсом динамическая модальность, помимо алетической модальности, включает в себя также *деонтическую* модальность [30], что при наличии самой деонтической модальности выглядит нелогично. А. В. Бондарко, в свою очередь, не распределил шесть предложенных им значений по внутренним значениям объективной и субъективной модальностей.

Анализ обозначенных выше подходов и мнений различных учёных и лингвистов к перечню модальных значений вынуждает нас «пристально» отобрать те модальные значения, которые представляют для нас интерес. Мы не считаем, что искусственное «расширение» модальных семантик

способствует их точному исследованию. При рассмотрении немецкого и русского языков нами было решено использовать те модальные значения, которые получают выражение в языке при помощи присутствующей в нём специальной модальной лексики. Наибольшим «доверием» среди всей этой лексики пользуются модальные глаголы. Кроме того, мы базируемся на (в первую очередь) немецком языке, обладающем максимально сформированной и независимой системой средств выражения модальности [3, с. 6]. Если пристально взглянуть на модальные глаголы немецкого языка, то можно убедиться, что они передают все *основные* модальные значения, а именно: 1) алетическую модальность (выражаемую глаголами können и dürfen); 2) деонтическую модальность (выражаемую глаголами müssen и sollen); 3) эпистемическую модальность (выражаемую *всеми* глаголами, но во вторичном, т. н. субъективном значении); 4) волюнтаривную модальность (выражаемую глаголами wollen и mögen). Здесь стоит обратить внимание на некоторые идеи и высказывания Дж. Найтса и Ф. Палмера. Первый вместо алетической модальности предлагал так называемую «динамическую модальность», которая, однако, помимо выражения возможности (алетическая м.) обладала также значением обязательства (деонтической м.) [30]. Т. е., согласно Дж. Найтсу, такие модальные глаголы, как können, dürfen, müssen, sollen, должны обладать значением как возможности, так и обязанности, что, однако, не соответствует действительности [24, S. 129–132]:

1. „Erzählen wird er auch nichts – aber zeigen **kann** er es uns! Nicht

wahr?“¹ – «Ничего он не расскажет – но вот показать **может!** Не правда ли?»;

2. „**Darf** ich fragen, was es im Wald für Aufgaben gibt?“, Farie wurde neugierig.² – «**Можно** спросить, какие еще есть дела в лесу?»...;

3. „Wir **müssen** jetzt zügig nach Hause, es hat alles länger gedauert, als ich gedacht habe. Ich möchte nicht im Dunkeln durch den Wald“³ – «мы **должны** быстро вернуться домой...»;

4. „Sanar! Das ist es! Daran hätte ich schon viel früher denken **sollen!**“, triumphierte die Mutter⁴. – «Об этом мне **стоило** раньше подумать!»

Примеры показывают, что модальные глаголы используются в рамках их собственных значений: 1) выражение возможности [24, S. 131]; 2) выражение возможности ввиду разрешения [24, S. 132]; 3) объективная внутренняя необходимость [24, S. 129]; 4) обязательство, обусловленное чужой волей [24, S. 130].

Критически можно отнестись также к высказыванию Ф. Палмера относительно «отсутствия разницы между алетической и эпистемической возможностью». Действительно, «в вакуумных условиях», что алетическая модальность, что эпистемическая модальности обладают значением возможности. Однако в первом случае речь идёт о возможности ввиду наличия *сил / условий / знаний*, тогда как во втором – о возможности, как о некото-

¹ Корпус “Cosmas II” (далее – Cosmas II) – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föritz, 2005. S. 8.

² Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föritz, 2005. S. 37.

³ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föritz, 2005. S. 12.

⁴ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föritz, 2005. S. 205.

рой *вероятности*. Разницу между алетической и эпистемической модаль-

ностями можно продемонстрировать следующим примером:

Алетическая модальность	Эпистемическая модальность
„Ich kann nicht schlafen , wenn der rote Mond auf mein Bett scheint!“ ¹ – «Я не могу спать, когда...»	Wenn Festenberg tatsächlich inhaftiert worden ist, so kann seine Haft nur kurz gedauert haben . ² – «Если Фастенберга действительно взяли под стражу, то его арест может недолго продлиться»

Из примеров видно, что модальный глагол können употребляется семантически по-разному. Как известно, модальные глаголы немецкого языка обладают двумя семантиками: объективной и субъективной [24, S. 129, 140], при этом такие глаголы, как können, dürfen, müssen и mögen, в субъективном значении получают семантику сомнения в истинности высказывания – т. е. семантику, присущую эпистемической модальности. В связи с этим мы критически относимся к обозначенно-

му выше высказыванию Ф. Палмера и рассматриваем алетическую и эпистемическую модальности в качестве двух различных модальных значений.

Деонтическая и волюнтативная модальности, в свою очередь, не представляют такой сложности и, как видно из анализа выше, большинство учёных без оговорок причисляют их к модальным значениям. И средства выражения модальности немецкого языка без проблем позволяют выстроить подобного рода отношения к высказыванию:

Деонтическая модальность	Волюнтативная модальность
1) – „recht gern“, sagte Philine, „wir müssen unserm neuen Bekannten eine kleine Veränderung machen“ ³ . – «... Мы должны устроить для наших новых знакомых небольшую перемену».	1) „Ich verstehe von diesem Mondzauber nicht viel und ich will es auch gar nicht“ ⁴ – «Я не много понимаю в этом лунном колдовстве, да и не хочу понимать вовсе».
2) Nur einen Moment eher hätte Vamun diese Worte sagen sollen ⁵ . – «Лишь несколькими моментами раньше стоило Вамуну сказать эти слова»	2) „Wenn Sie mögen , werde ich Ihnen zwei Pferde geben, dann sind Sie schneller wieder zurück! Im Kloster angekommen, werden die Pferde ihren Weg nach Hause selbst finden!“ ⁶ – «Если хотите , я дам вам двух лошадей...»

Примеры показывают «живое» функционирование деонтической и волюнтативной модальностей. Последняя

же является тем модальным значением, которое реализует в высказывании значение желания. Wollen, как и mögen,

¹ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föriz, 2005. S. 32.

² Cosmas II – Mattle, Christoph. Gustav von Festenberg; Hrsg.: Thomas Eicher; Fritz Hackert; Bernd Hamacher. – Oberhausen, 2002. S. 214.

³ Cosmas II – Bomm, Manfred. Himmelsfelsen, [Roman]. Meßkirch, 20.08.2012.

⁴ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föriz, 2005. S. 67.

⁵ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föriz, 2005. S. 103.

⁶ Cosmas II – Planert, Angela. Rubor Seleno. Föriz, 2005. S. 38.

показывают семантику желания, а следовательно – являются средствами выражения волюнтаривной модальности.

В заключение следует отметить, что перечень модальных значений довольно широк и на текущий момент необходимо чётко представить перечень истинно модальных значений. На текущий момент мы рассматриваем четыре основных модальных значения: 1) алетическую модальность, реализацию которой мы продемонстрировали; 2) деонтическую модальность, не вызывающую споров; 3) эпистемиче-

скую модальность, отличие которой от алетической также было продемонстрировано; 4) волюнтаривную модальность – редкоупотребимый термин для модальности волеизъявления.

Развитие данной темы видится нами не только в дальнейшем исследовании обозначенных четырёх значений, но и в исследовании категориального статуса эвиденциальности, а также возможности причисления её к перечню модальных значений.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Балакина А. А. Модальные глаголы немецкого языка: от этимологии к прагматике // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 5–20.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., Л.: Наука, 1975. С. 53–87.
6. Галазов Э. Ю. Функциональное взаимодействие грамматической категории вида с другими глагольными грамматическими категориями в современном русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 201–208.
7. Горбань О. А., Шептухина Е. М. Реализация объективной модальности в текстах войсковых грамот середины XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 34–45.
8. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. 123 с.
9. Сафина А. Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–2 (63). С. 142–145.
10. Сибгатуллина А. А. Выражение категории модальности в русском, немецком и татарском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 10. С. 53–57.
11. Сизова И. А. Что такое синтаксис. М.: Наука, 1966. 71 с.
12. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / под ред. В. В. Пассека; предисл. О. А. Смирницкой. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2007. 285 с.
13. Тарелкина Т. И. Субъективная модальность междометных предложений // Преподаватель XXI век. 2018. № 3–2. С. 285–291.
14. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 3–77.

15. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. 216 с.
16. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2003. 349 p.
17. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
18. Anderson L. B. *Evidentials, Paths of Change, and Mental Maps: Typologically Regular Asymmetries // Evidentiality: The Linguistic Coding of epistemology* / eds. Chafe W., Nichols J. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1986. P. 273–312.
19. Bybee J. L. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning und Form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985. 246 p.
20. Bybee J. L., Revere D. P., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
21. DeLancey S. *Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. Iss. 1. P. 33–52.
22. Dietrich R. *Modalität im Deutschen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. 224 S.
23. Haan F. de. *Typological Approaches of Modality // The Expression of Modality* / ed. W. Frawley. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 27–69.
24. Hall K., Scheiner B. *Übungsgrammatik DaF für Fortgeschrittene, neue Rechtschreibung, Übungsbuch*. Deutschland: Max Hueber Verlag, 2000. 432 S.
25. Hengeveld K. *Layers and Operations in Functional Grammar // Journal of Linguistics*. 1989. Vol. 25. Iss. 1. P. 127–157.
26. Hill N. W. *Hare lõ: the touchstone of mirativity // SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2015. Vol. 12. No. 2. P. 24–31.
27. Jespersen O. *The philosophy of grammar*. London: Allen and Unwin, 1924. 359 p.
28. Kotilainen L. *Konstruktioiden dynamiikkaa*. Helsinki: University of Helsinki, Department of Finnish language and literature, 2007. 103 p.
29. Narrog H. *On Defining Modality Again // Language Sciences*. 2005. Vol. 27. Iss. 2. P. 165–192.
30. Nuyts J. *The Modal Confusion: On terminology and the concepts behind it // Modality: Studies in Form and Function* / ed. A. Klinge, H. H. Müller. London: Equinox, 2005. P. 5–38.
31. Palmer F. R. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 243 p.
32. Palmer F. R. *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p.
33. Perkins M. R. *Modal expression in English*. London: Pinter, 1983. 186 p.
34. Ransom E. *On the representation of modality // Linguistics and Philosophy*. 1977. Vol. 1. Iss. 3. P. 357–379.
35. Ransom E. *Complementation: Its Meaning and Forms*. Amsterdam: John Benjamins, 1986. 226 p.
36. Rescher N. *Topics in Philosophical Logic*. Dordrecht: Reidel, 1968. 347 p.
37. Wright G. H. von. *An essay in modal logic*. Amsterdam: North-Holland. 1951. 90 p.

REFERENCES

1. Admoni V. G. *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka. Sistema otnoshenii i sistema postroeniya* [The syntax of the modern German language. The system of relations and the build system]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 366 p.
2. Bally Ch. *Traite de stylistique francaise* (Russ.ed.: Etkind E. G., ed. *Frantsuzskaya stilistika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1961. 394 p.)
3. Balakina A. A. [German modal verbs: from etymology to pragmatics]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2011, no. 4 (16), pp. 5–20.

4. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 264 p.
5. Vinogradov V. V. [The category of modality and modal words in Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1975. pp. 53–87.
6. Galazov E. Yu. [Functional interaction of the verb category of aspect and other grammatical categories in the modern Russian language]. In: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law studies], 2016, no. 4, pp. 201–208.
7. Gorban' O. A., Sheptukhina E. M. [Expression of objective modality in Cossack army charters of the 18th century]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2016, vol. 15, no. 2, pp. 34–45.
8. Zainullin M. V. *Modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya* [Modality as a functional-semantic category]. Saratov, Saratov University Publ., 1986. 123 p.
9. Safina A. R. [Theoretical aspects of studying epistemic modality and evidentiality]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 9-2 (63), pp. 142–145.
10. Sibgatullina A. A. [Category of mood expression in the Russian, German and Tatar languages]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2015, no. 10, pp. 53–57.
11. Sizova I. A. *Chto takoe sintaksis* [What is the syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 71 p.
12. Smirnitsky A. I. *Sintaksis angliiskogo yazyka* [The syntax of the English language]. Moscow, URSS Publ., 2007. 285 p.
13. Tarelkina T. I. [Subjective Modality of Sentences on the Basis of Interjections]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Teacher XXI century], 2018, no. 3–2, pp. 285–291.
14. Shvedova N. Yu. [Paradigmatics of simple sentences in modern Russian language]. In: *Russkii yazyk. Grammaticheskie issledovaniya* [Russian language. Grammatical studies]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 3–77.
15. Shigarevskaya N. A. *Ocherki po sintaksisu sovremennoi frantsuzskoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of contemporary French spoken language]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1970. 216 p.
16. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2003. 349 p.
17. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford University Press, 2004. 452 p.
18. Anderson L. B. Evidentials, Paths of Change, and Mental Maps: Typologically Regular Asymmetries. In: Chafe W., Nichols J., eds. *Evidentiality: The Linguistic Coding of epistemology*. Norwood, NJ, Ablex Publishing, 1986, pp. 273–312.
19. Bybee J. L. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning und Form*. Amsterdam, John Benjamins, 1985. 246 p.
20. Bybee J. L., Revere D. P., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 420 p.
21. DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. In: *Linguistic Typology*, 1997, vol. 1, iss. 1, pp. 33–52.
22. Dietrich R. *Modalität im Deutschen*. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1992. 224 S.
23. Haan F. de. Typological Approaches of Modality. In: Frawley W., ed. *The Expression of Modality*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006, pp. 27–69.
24. Hall K., Scheiner B. *Übungsgrammatik DaF für Fortgeschrittene, neue Rechtschreibung, Übungsbuch*. Deutschland, Max Hueber Verlag, 2000. 432 S.

25. Hengeveld K. Layers and Operations in Functional Grammar. In: *Journal of Linguistics*, 1989, vol. 25, iss. 1, pp. 127–157.
26. Hill N. W. Hare lô: the touchstone of mirativity. In: *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*, 2015, vol. 12, no. 2, pp. 24–31.
27. Jespersen O. The philosophy of grammar. London, Allen and Unwin, 1924. 359 p.
28. Kotilainen L. Konstruktioiden dynamiikkaa. Helsinki, University of Helsinki, Department of Finnish language and literature, 2007. 103 p.
29. Narrog H. On Defining Modality Again. In: *Language Sciences*, 2005, vol. 27, iss. 2, pp. 165–192.
30. Nuyts J. The Modal Confusion: On terminology and the concepts behind it. In: *Klinge A., Müller H. H., eds. Modality: Studies in Form and Function*. London, Equinox, 2005, pp. 5–38.
31. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, Cambridge University Press, 1986. 243 p.
32. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2001. 236 p.
33. Perkins M. R. Modal expression in English. London, Pinter, 1983. 186 p.
34. Ransom E. On the representation of modality. In: *Linguistics and Philosophy*, 1977, vol. 1, iss. 3, pp. 357–379.
35. Ransom E. Complementation: Its Meaning and Forms. Amsterdam, John Benjamins, 1986. 226 p.
36. Rescher N. Topics in Philosophical Logic. Dordrecht, Reidel, 1968. 347 p.
37. Wright G. H. von. An essay in modal logic. Amsterdam, North-Holland, 1951. 90 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черноклинов Евгений Андреевич – аспирант кафедры германской филологии факультета романо-германских языков, ассистент кафедры романистики и германистики лингвистического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: tschernoklinow94@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Chernoklinov – Postgraduate student at the Department of Germanic Philology at the Faculty of Romance and Germanic Languages, Assistant Lecturer at the Department of Romance and Germanic Studies at the Linguistic Faculty, Moscow Region State University;
e-mail: tschernoklinow94@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черноклинов Е. А. Виды модальных значений в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-139-148

FOR CITATION

Chernoklinov E. A. Kinds of modal meanings in Russian and western linguistics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 139–148.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-139-148

УДК 81'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-149-161

ПЕРЕДАЧА РИТМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. АТКИНСОН «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»)

Шляхтина Е. В.*Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является изучение вопроса воспроизведения ритмических средств при переводе художественного текста с английского на русский язык. Автором проведён эксперимент на основе использования инструмента Rhythmanalysis для выявления ритмообразующих средств в романе К. Аткинсон «Жизнь после жизни» и его переводе на русский язык. Это позволило получить обширный эмпирический материал. В ходе эксперимента анализировалась частотность употребления таких фигур речи, как анафора, эпифора и симплока, в текстах на английском и русском языке, а также то, насколько переводчику удалось сохранить их в переводе. Проведённый анализ показал, что весьма незначительная часть ритмических средств была воспроизведена в переводе. Полученные сведения пополняют систему знаний об использовании ритмообразующих средств в прозе и подтверждают необходимость сохранения ритма при переводе текста на другой язык.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, ритмическое средство, анафора, эпифора, симплока

TRANSLATION OF RHYTHM FIGURES IN LITERARY PROSE FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (A STUDY OF K. ATKINSON "LIFE AFTER LIFE")

E. Shliakhtina*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinski
108/1 ulitsa Respublikanskaya, Yaroslavl 150000, Russian Federation*

Abstract. The article presents a study of reproducing rhythm figures while translating literary prose from English into Russian. The author has conducted an experiment based on the use of Rhythmanalysis tool to detect rhythm figures in the novel "Life after life" by K. Atkinson and its translation into Russian. This has provided rich empirical material. During the experiment the author has analyzed the frequency of anaphora, epiphora and simplot use in the original and in the translation as well as how often the translator has managed to preserve the rhythm figures in the Russian text. The analysis has shown that very few of them are reproduced in the translation. The data obtained add to the system of knowledge about using rhythm figures in literary prose and prove the necessity to preserve rhythm in the translation from one language to another.

Keywords: translation, literary prose, rhythm figure, anaphora, epiphora, simplot

Ритм – универсальное явление, которое характерно для любого языка. Благодаря этой категории происходит упорядочивание самого разного языкового материала, и художественный текст, как и произведения любого другого жанра, не является исключением. По мнению Н. И. Голубевой-Монаткиной, в художественной прозе «именно ритм объединяет всю речевую поверхность, превращает простую последовательность внешне обозримых и непосредственно ощущаемых речевых элементов в последовательность значащую» [4, с. 4].

Кроме того, ритм делает возможной передачу авторского замысла и его позиции в отношении героев или происходящего. Он позволяет показать сюжетно-композиционную динамику, передать особенности характера и речи героев, их эмоциональный настрой и т. д. Ритм помогает полнее и богаче выразить непередаваемые словами оттенки внутреннего состояния человека и тем самым усиливает впечатление от прочитанного. Всё это свидетельствует об индивидуальном стиле каждого конкретного писателя.

Исследованием ритма в прозе учёные занимаются не так давно, как вопросами ритма в поэзии, тем не менее данной проблеме посвящено много работ таких лингвистов, как Е. И. Бойчук [2], М. М. Гиришман [7], Н. И. Голубева-Монаткина [5], Г. Н. Гумовская [8], В. М. Жирмунский [9], Г. Н. Иванова-Лукьянова [10], Л. В. Кишалова [11], М. Г. Мирианашвили [12], Н. М. Фортунатов [15] и др.

В след за Е. И. Бойчук под ритмом прозы мы понимаем «периодическое проявление фонетических, лексических, грамматических средств вырази-

тельности речи в рамках определённой ритмической единицы, а также периодическую последовательность сегментов, частей текста и упорядоченную смену элементов сюжетно-образной системы художественного произведения на структурно-композиционном уровне реализации ритма» [3, с. 29].

Из определения становится понятным, что основой ритма является повтор, который может проявляться на различных уровнях: фонетическом (количество ударений, слогов, длина синтагм; расположение безударных интервалов и словоразделов и др.), лексическом (повтор синонимов, антонимов; анафора, эпифора, симплока, анадиплосис, редупликация и др.), синтаксическом (синтаксический параллелизм, градационный повтор, многосоюзие, бессоюзие и др.) и структурно-композиционном (повторы ключевых слов при построении линии сюжета и др.).

Таким образом, ритм художественной прозы является комплексным явлением, которое присутствует на всех уровнях произведения, и средства создания ритма могут быть довольно разнообразными. Это доказывает, что ритм представляет собой весьма значимую категорию для художественной прозы. В таком случае встаёт другой важный вопрос, а именно – необходимость его сохранения при переводе текста с одного языка на другой.

Благодаря процессу глобализации и расширению рынка печатной продукции перевод художественной литературы остаётся до сих пор весьма актуальной темой, а значит необходимость передачи ритмообразующих характеристик при переводе художественных текстов очевидна. В настоящее время

существуют исследования, посвящённые изучению способов передачи ритма в переводе. Среди лингвистов, занимающихся переводом ритма прозы, следует отметить И. А. Афонину [1], В. О. Станевич [13], Ю. В. Степанюк [14], Р. Динга [16], А. Мешонника [17].

Однако перевод ритмических средств в художественном тексте освящён не в полной мере по сравнению с вопросом перевода лексических, грамматических и стилистических особенностей текста. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть, насколько полно и точно получается отразить данную категорию в переводе художественного текста с английского на русский язык.

Ситуация осложнена тем, что не существует стандартной схемы использования ритмообразующих средств при создании художественного текста. Это означает, что они имеют нерегулярный характер, благодаря чему каждый писатель по-своему использует ритмические характеристики для построения своего произведения [6, с. 95].

Как верно отмечает Ю. В. Степанюк, в принципе любой текст перевода будет обладать своим ритмом как законченное художественное произведение, но ритм этот может не совпадать с ритмом исходного текста [14, с. 50]. Иными словами, при переводе ритм текста неизбежно видоизменяется. Это связано с тем, что у каждого языка свой ритм. Кроме того, существует разница в лексических, грамматических, стилистических нормах языков оригинала и перевода, что приходится учитывать при работе с текстом. В этом случае перед переводчиком встаёт непростая задача найти средства в

языке перевода для верной передачи ритма текста оригинала.

Комплексное изучение вопроса перевода ритма художественного текста вызывает определённую трудность, поскольку ритм прозы является многоуровневым явлением, и рассмотрение всех элементов ритмизации прозаического текста одновременно представляется трудноосуществимой задачей.

В ходе данного исследования для поиска и количественной обработки ритмообразующих средств был использован инструмент *Rhythmanalysis*, созданный группой лингвистов и программистов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского и Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова в 2019 г. для нахождения в тексте любого жанра лексических (анафора, эпифора, симплока, анадиплозис, эпистрофа, редупликация) и грамматических (многосоюбие, апозиопеза) средств ритма. Большим преимуществом данного инструмента является то, что, сопоставляя ритмические характеристики в оригинале и переводе по определённым показателям, он позволяет осуществлять анализ ритма в больших по объёму текстовых фрагментах на материале англоязычных текстов и их переводов на русский язык. При этом анализируемый текст является динамическим, поскольку программа даёт возможность изменять существующие параметры при работе с ним¹.

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019619380 «Программа, реализующая автоматизированный алгоритм анализа ритма текста на основе фонетических, лексико-грамматических

Материалом для анализа послужил роман *Life after life* известной британской писательницы К. Аткинсон, а также его перевод на русский язык, выполненный Е. С. Петровой. Данное произведение было выбрано неслучайно. После публикации в 2013 г. роман стал мировым бестселлером и может считаться хорошим примером современной прозы. Благодаря оригинальности сюжета и красоте языка он был удостоен нескольких престижных литературных премий.

В рамках данной статьи будут рассмотрены такие средства, как анафора, эпифора и симплока. Выбор данных приёмов для анализа ритма обусловлен тем, что, во-первых, они имеют фиксированную синтаксическую позицию и активно ритмизируют художественный текст. Во-вторых, они привлекают внимание читателя за счёт определённого графического ритма. В-третьих, эти средства в большей степени доступны с точки зрения автоматизированной обработки ритма.

В рассматриваемом произведении на английском языке при помощи инструмента было выявлено 310 анафор. Если говорить о структуре анафорических повторов, в её состав в основном входит один элемент. Больше всего было найдено примеров повтора личных местоимений *she* (109 раз), *he* (34 раза), *they* (12 раз), *it* (11 раз), *you* (9 раз); союзов *and* (5 раз), *but* (3 раза). Кроме того, в тексте однократно встречаются анафоры, представленные и другими частями речи: числительным

(*one, ten*), вопросительным словом (*why, what*), частицей (*to*), наречием (*not*), личной формой глагола (*would, was*). Довольно регулярно анафора выражена именами собственными *Silvie* (5 раз), *Pamela* (5 раз), *Ursula* (3 раза), *Bridget* (1 раз), *Eva* (1 раз).

В ходе анализа текста было выявлено 59 случаев анафорического повтора, состоящего из двух компонентов. Как правило, эти элементы представляют собой подлежащее, выраженное местоимением, в сочетании со сказуемым в форме прошедшего времени основного глагола. Например, *she was* (6 раз), *they had* (5 раз), *she had* (4 раза), *it was* (3 раза) и т. д.

Следует также отметить 14 анафор с тремя и более элементами. Каждый повтор встретился в тексте один раз. Например: *They had to know if anyone had gone away or moved, married, had a baby, died. They had to know where the hydrants were, cul-de-sacs, narrow alleyways, cellars, rest centres*¹.

В русском языке программа обнаружила 39 примеров анафоры. Сопоставление количества выявленных анафор в текстах на английском и русском языках свидетельствует о том, что в переводе большое количество анафорических повторов было опущено.

Как и в тексте оригинала, в переводе анафора включает в основном один элемент: местоимение (личное *он, она*; указательное *это*), имя собственное (*Сильви, Урсула, Тедди*), наречие (*неужели, теперь*), предлог (*у, в*), союз (*или*), вводное слово (*возможно*) и т. д. Из них чаще всего встречаются предлоги *у* (3 случая) и *в* (3 случая), местоимение *он* (2 раза), союз *а* (2 раза), имя

и структурно-композиционных параметром ритма для текстов на русском, английском и французском языках». Авторы: Е. С. Ратников, А. Д. Туманова, Е. И. Бойчук, Н. С. Лагутина, К. В. Лагутина.

¹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 417.

собственное *Сильви* (2 раза), остальные элементы употреблены в тексте однократно.

В русском тексте было обнаружено всего пять случаев анафоры, в которую входит два или три элемента. Например: *Ей хотелось домой. Ей хотелось в Лисью Поляну*¹.

Кроме определения частоты употребления анафоры в языках оригинала и перевода, в рамках исследования было проанализировано, насколько удалось переводчику сохранить ритм исходного текста. В результате анализа было установлено, что всего в переводе сохранено 22 анафоры. Например, *What if there was no demonstrable reality? What if there was nothing beyond the mind?*² – *Что, если осязаемой реальности вообще не существует? Что, если не существует ничего, кроме мышления?*³ Здесь в оригинале анафора включает четыре элемента, в то время как анафора на русском языке – всего два. Однако расхождение в количестве составляющих не мешает воспроизвести ритм в данном отрывке произведения, и эмоции главной героини переданы абсолютно точно. То же самое касается и других случаев. Если в переводе сохраняется анафора, то благодаря этому тексту на русском языке присущ тот же ритм, что и тексту оригинала.

Далее встретились примеры, когда данное ритмическое средство было сохранено не в полном объёме. В одном случае в переводе анафора включает в

себя больше повторов, чем в оригинале: (*Pamela mustn't wake up.*) *They mustn't go downstairs. They mustn't see Bridget*⁴. – *Чтобы только сестра не проснулась. Чтобы они не сбегали вниз. Чтобы только не увидели Бриджет*⁵. Хотя синтаксическая структура всех трёх английских предложений одинакова, автор в первом из них использовала имя собственное, в остальных случаях – местоимение, и программа выделила только два повтора в составе анафоры. Несмотря на разные подлежащие в предложениях, ритм очень чётко прослеживается за счёт одинакового количества слов и использования модального глагола *mustn't*. В русском тексте во всех трёх предложениях повторяется один и тот же элемент *чтобы* и, хотя синтаксическое построение русского предложения сильно отличается от строя предложения оригинала, ритмический и эмоциональный рисунок исходного отрывка полностью воспроизведён.

Кроме этого, было выявлено два примера того, что в переводе анафора поменяла своё положение в тексте: *'But not this one,' Sylvie said fiercely, clutching Teddy's hand. 'Not my child. Not my children,' she amended, reaching across to stroke Ursula's burning forehead*⁶. – *Только не на этого. – Сильви неистово сжимала ручонку Тедди. – Только не на моего ребёнка. Не на моих детей, – исправила она сама себя, потянувшись к Урсуле, чтобы положить ладонь на её горящий лоб*⁷. В отрывке на англий-

¹ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 385.

² Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 208.

³ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 203.

⁴ Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 134.

⁵ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 127.

⁶ Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 109.

⁷ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 104.

ском языке она находится во втором и третьем предложении прямой речи, в то время как в русском языке она входит в состав первого и второго предложений. Несмотря на этот сдвиг, ритм текста сохранён в полном объёме, и эмоции главной героини переданы адекватно.

Интерес также вызывают два случая, когда анафора в переводе опущена, но ритм в отрывке воспроизводится благодаря использованию аллитерации: *One breath. One shot*¹. – *Вдох. Выстрел*². Как видно из этого примера, здесь отсутствует перевод слова *one*, и оба русских предложения состоят из одного слова, начинающегося с одной и той же буквы. Данный аллитерационный повтор компенсирует потерю анафоры и позволяет сохранить ритм исходного текста.

Кроме аллитерации, можно наблюдать замену анафоры простым повтором: *'To protect hearth and home,' he persisted. 'To defend everything we believe in.'*³ – *Чтобы защитить родной дом, – упорствовал Хью. – Защищать все, во что мы верим*⁴. Повторение глагола *защитить* помогает проставить правильные акценты в предложениях, тем самым придавая дополнительный вес словам персонажа.

Было выделено также два случая замены анафоры эпифорой в переводе: *'I don't know,' Ursula said. 'I know nothing.'*⁵

– *Сама не понимаю, – ответила Урсула. – Я уже вообще ничего не понимаю*⁶. Несмотря на то, что в русском тексте использовано другое ритмическое средство, данный приём позволяет в полной мере передать чувства главной героини.

Привлекает внимание и ситуация (выявлено 3 случая), когда формально в переводе не сохранена анафора за счёт добавления какого-либо слова: *How calm the house was. How deceptive that could be*⁷. – *Как тихо было в доме. И как обманчива бывает тишина*⁸. Союз *и* в начале второго предложения, с одной стороны, мешает нам, в полной мере, отнести данный пример к анафоре. Однако, с другой стороны, он абсолютно не нарушает ритмики текста.

В остальных случаях анафора в переводе отсутствует, и ритм исходного текста не воспроизводится. Причиной тому могут быть такие факторы, как различная сочетаемость в двух языках, желание сохранить разговорный стиль или избежать повторов, которые зачастую рассматриваются как стилистическая ошибка. Однако основной причиной, вероятно, служит желание сохранить красоту текста и передать как можно точнее смысл исходного произведения: *He was eating a slice of Kirschtorte. He loved his cakes*⁹. – *Он уминал Kirschtorte. Ему нравилась выпечка*¹⁰.

¹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 521.

² Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 513.

³ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 95.

⁴ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 87.

⁵ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 272.

⁶ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 265.

⁷ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 163.

⁸ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 155.

⁹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 142.

¹⁰ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 135.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на присутствие в русском тексте анафор, которые отсутствуют в оригинале. Причиной тому может служить желание компенсировать в переводе потерю другого ритмического средства, например, анадиплосиса (в двух случаях): *Life wasn't about becoming, was it? It was about being*¹. – *В жизни главное – не становление, правда ведь? В жизни главное – бытие*².

В других примерах (15 случаев) использование анафоры в переводе мотивируется тем, что с помощью данного ритмообразующего средства переводчик старается передать все нюансы эмоционального состояния персонажей: *But he was never hers, was he? On the contrary, he belonged to Moira*³. – *Он ей не принадлежал. Он принадлежал Мойре*⁴. В данном случае помимо анафоры можно наблюдать повтор глагола *принадлежал*.

Кроме анафоры в рамках данного исследования было проанализировано употребление другого ритмообразующего средства, а именно – эпифоры. В рассматриваемом тексте данный приём используется реже по сравнению с анафорой: инструмент выделил всего 59 эпифорических повторов.

Как и в случае с анафорой, в состав эпифоры в основном входит один компонент (41 случай). Лексических повторов данного типа, состоящих из двух компонентов, насчитывается 12 случаев, из трёх и более – 6 случаев.

Однако если при анализе анафорических повторов было выявлено множество повторяющихся случаев, то эпифоры все разнородны и повторов не встречается.

В тексте на русском языке было выявлено 35 эпифор, из которых 28 состоят только из одного компонента, в 3 случаях из двух элементов, в 4 случаях – из трёх и более элементов.

В переводе было сохранено всего 13 эпифор: *All she knew was that she had to do it. The great sense of dread had come over her and she had to do it*⁵. – *Но она знала одно: ей пришлось это сделать. На нее напал все тот же великий страх, и ей пришлось это сделать*⁶. Кроме сохранения эпифорического повтора, данный пример примечателен ещё и тем, что в состав английской эпифоры входит пять слов и она представляет собой не просто слово или словосочетание, а целое предложение. У переводчика получилось сохранить повтор предложения, хотя компонентов в русской эпифоре четыре и их порядок изменён в соответствии с нормами русского языка.

В ходе работы было выявлено 10 случаев, когда программа не выделила эпифору, хотя их можно считать таковыми. Например: *Sylvie still stubbornly thought of her as Cook. 'Thank you, Cook'*⁷. – *Про себя Сильви упорно продолжала называть её хозяйкой. «Спасибо, хозяйка»*⁸. Здесь изменение падежа слова *хозяйка* препятствует автоматическому выделению эпифоры.

¹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 310.

² Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 304.

³ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 498.

⁴ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 491.

⁵ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 225.

⁶ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 218.

⁷ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 154.

⁸ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 146.

ческому выделению эпифоры в отрывке. Однако повтор существительного в конце предложений сохраняет ритм текста.

Мешают выделению эпифоры и личные формы глагола. Например: *He was angry all the time. She made him angry all the time*¹. – *Постоянно злился. Это она его постоянно злила*². В русском отрывке в основу эпифоры положены разные формы глагола *злиться*. Кроме того, происходит усиление ритма за счёт наречия *постоянно*.

В 25 случаях эпифора была полностью опущена в переводе: *Can you say no? Do you want to say no?*³ – *Отказы не принимаются? Или ты хочешь отказать?*⁴ Возможно, отказ от эпифоры обусловлен желанием сохранить естественность разговорной речи.

В других 10 случаях также наблюдается опущение данного средства, но переводчик прибегает к простому повтору, что частично компенсирует отсутствие эпифоры: *I'm fine. Absolutely fine*⁵ – *У меня всё в порядке. Всё отлично*⁶. Здесь эпифорический повтор в переводе мог восприниматься как стилистическая ошибка, поэтому данный приём и не был использован. Однако в примере можно наблюдать повтор слова *все*, который можно рассматривать как употребление диакопы, и градацию: *в порядке, отлично*. Данные сред-

ства помогают возместить отсутствие эпифоры в переводе.

В одном случае переводчик использует анадиплозис вместо эпифоры: *'We've lost him.' 'Then we'll find him.'*⁷ – «Мы его *потеряли*». «*Потеряли* — найдем»⁸. Компактность предложений в дополнение к подхвату наполняет отрывок ритмом.

В ходе работы инструмент выявил 23 эпифоры в тексте перевода, которые отсутствуют в оригинале: *'And an Egyptian pudding to follow.' Sylvie had no idea what an Egyptian pudding was*⁹. – *А на сладкое – египетский пудинг. Сильви понятия не имела, что представляет собой египетский пудинг*¹⁰. Во всех случаях использование данного приёма обусловлено тем, что в тексте на английском языке присутствует редупликация, и воспроизведение простого повтора в виде эпифоры позволяет подчеркнуть значимость данных единиц.

И наконец, в ходе исследования были рассмотрены случаи использования симплоки в романе. Благодаря инструменту было найдено семь примеров данного ритмического средства в тексте оригинала.

Только два случая было переведено с помощью этого приёма: *She had been here before. She had never been here before*¹¹. – *Здесь она уже бывала. Здесь*

¹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 87.

² Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 80.

³ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 538.

⁴ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 529.

⁵ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 113.

⁶ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 104.

⁷ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 261.

⁸ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 254.

⁹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 64.

¹⁰ Аткинсон К. *Жизнь после жизни*. М.: Азбука, 2014. С. 58.

¹¹ Atkinson K. *Life after life*. London: Black Swan, 2014. P. 432.

она еще не бывала¹. В данном примере необходимо также отметить, что в английском языке эта симплока встречается дважды в разных отрывках текста, в то время как в русском языке она сохранена в переводе только один раз. Во втором случае её перевели как *Здесь тоже, подумалось ей. Здесь она тоже бывала*². В этом случае, вероятно, хотелось избежать повтора, поскольку в оригинале симплока встречается два раза на одной странице. Вместо этого приёма используется анафора, которая помогает компенсировать потерю.

В одном случае симплока была воспроизведена частично: *Do we believe everything he says? Do we believe anything he says?*³ – *Разве мы с тобой верим этим словам? Разве мы верим хоть одному его слову?*⁴ В переводе во втором предложении заменено число существительного, что является вполне логичным шагом, который позволяет точно передать смысл исходного предложения.

В одном из случаев вместо симплоки была использована эпифора: *Did something happen? Did anything happen, she thought?*⁵ – *Что случилось? Разве что-то случилось?*⁶ Благодаря этому средству ритм исходного отрывка передан в полной мере.

В двух оставшихся случаях симплока была опущена в переводе: *Is*

*all well? Is the baby well?*⁷ – *У них всё благополучно? Ребёнок здоров?*⁸ Это обусловлено желанием придать естественность разговорному языку.

Итак, в ходе анализа было установлено, что ритмические рисунки текста оригинала и перевода значительно различаются. В тексте на английском языке наибольшую частотность имеет употребление анафоры. Однако, несмотря на то, что случаев воспроизведения анафоры в переводе относительно немного, в других ситуациях переводчик старается либо восполнить её отсутствие другими средствами (аллитерацией, эпифорой и др.), либо использовать анафору там, где её не было в исходном тексте. В этом случае употребление анафоры обусловлено желанием компенсации опущения других ритмических средств, например, андиплозиса. Кроме того, данный приём помогает дополнительно подчеркнуть мысль, заложенную в оригинале. Опущение анафоры в некоторых случаях является вынужденным, поскольку различия в лексическом и грамматическом строе языков заставляют переводчика в первую очередь обращать внимание на соблюдение норм языка перевода и на создание красоты текста на русском языке.

Частота употребления эпифоры в анализируемом тексте значительно ниже, и практически половина их них была опущена в переводе. Однако количество воспроизведённых в переводе эпифор больше, чем анафор. Кроме того, в случае эпифоры большее количество опущенных повторов было

¹ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 424.

² Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 425.

³ Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 346.

⁴ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 338.

⁵ Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 405.

⁶ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 396.

⁷ Atkinson K. Life after life. London: Black Swan, 2014. P. 153.

⁸ Аткинсон К. Жизнь после жизни. М.: Азбука, 2014. С. 145.

возмещено редупликацией и другими ритмообразующими средствами. В свою очередь, переводчик в ряде случаев создал эпифору в переводе для того, чтобы подчеркнуть важность простого повтора в тексте оригинала.

Инструменту было всего сложнее обнаружить в тексте симплоку. Возможно, не все случаи были выявлены. Однако стоит признать, что данный приём был задействован в наименьшей степени в текстах на обоих языках. Это средство было воспроизведено в переводе только в двух случаях. В остальных примерах либо было задействовано другое ритмическое средство, либо симплока была полностью опущена.

В целом применение инструмента для анализа ритмики произведения художественной литературы позволило получить точные данные о наличии ритмических средств в текстах оригинала и перевода. Это, в свою очередь, помогло выявить средства, задействованные писателем в процессе создания произведения. Данные результаты служат доказательством тому, насколько сложно воспроизвести ритм исходного текста в переводе, и позволяют исследователям приблизиться к проблеме определения индивидуального авторского стиля.

Статья поступила в редакцию 06.08.2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ в рамках научного проекта №19-07-00243.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out in the framework of the RFBR grant within the framework of the scientific project No. 19-07-00243.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонина И. А. Модель адекватности ритмико-фонетических особенностей оригинала при переводе художественной прозы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 5–10.
2. Бойчук Е. И. Ритм как категория выражения индивидуального стиля писателя (на материале произведений французских авторов) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 247–252.
3. Бойчук Е. И. Фонетический, лексико-грамматический и структурно-композиционный аспекты анализа ритма прозы (на материале романов Стендаля, О. де Бальзака, Г. Флобера, Г. де Мопассана): дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 378 с.
4. Голубева-Монаткина Н. И. К проблеме ритма прозы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 2. С. 16–27.
5. Голубева-Монаткина Н. И. К вопросу о передаче ритма прозы при переводе (G. García Márquez “Cien años de soledad” / Г. Гарсиа Маркес “Сто лет одиночества”) // Перевод как средство обогащения мировой культуры: материалы Международной научной конференции, 21–24 ноября 2015 г.: электронное издание. URL: [http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/СБОРНИК%20\(ЛЪЕЙДА%2020-24%20НОЯБРЯ%202015%20Г.\).pdf](http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/СБОРНИК%20(ЛЪЕЙДА%2020-24%20НОЯБРЯ%202015%20Г.).pdf) (дата обращения: 05.06.2019).

6. Голякова Л. А. Ритм художественного произведения: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 94–99.
7. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 366 с.
8. Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста. М.: Прометей, 1998. 134 с.
9. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103–114.
10. Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: монография. М.: Флинта: Наука, 2002. 196 с.
11. Кишалова Л. В. Анализ особенностей ритмической структуры текстов разных стилей речи // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 257–262.
12. Мирианашвили М. Г. Особенности ритма в текстах прозы и стиха // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 46–55.
13. Станевич В. О. Ритм прозы и перевод // Вопросы теории художественного перевода: сборник статей / сост. Т. А. Рузская. М.: Художественная литература, 1971. С. 80–118.
14. Степанюк Ю. В. Ритм прозы как переводческая проблема // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / под ред. Н. К. Гарбовского. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 49–55.
15. Фортунатов Н. М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 173–186.
16. Ding R. Rhythm in Translations // International Education Studies. 2008. Vol. 1. No. 4. P. 79–82.
17. Meschonnic H. Ethics and politics of translating. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2011. 185 p.

REFERENCES

1. Afonina I. A. [A model of the adequacy of the rhythmic-phonetic features of the original when translating fiction]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2008, no. 9, pp. 5–10.
2. Boichuk E. I. [Rhythm as a Category to Express the Writer's Individual Style (based on French authors' works)]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2015, no. 4, pp. 247–252.
3. Boichuk E. I. *Foneticheskii, leksiko-grammaticheskii i strukturno-kompozitsionnyi aspekty analiza ritma prozy (na materiale pomanov Stendalya, O. de Bal'zaka, G. Flobera, G. de Mopassana): dis. ... dokt. filol. nauk* [Phonetic, lexical-grammatical, structural and compositional aspects of the analysis of the rhythm of the prose (study of Stendhal, O. de Balzac, G. Flaubert, G. de Maupassant novels): D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 378 p.
4. Golubeva-Monatkina N. I. [On the Problem of Prose Rhythm]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2017, vol. 76, no. 2, pp. 16–27.
5. Golubeva-Monatkina N. I. [On the transfer of prose rhythm in translation (G. García Márquez “Cien años de soledad” / G. García Márquez “One Hundred Years of Solitude”)]. In: *Perevod kak sredstvo obogashcheniya mirovoi kul'tury: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–24 noyabrya 2015 g.* [Translation as a means of enrichment of world culture. Proceedings of international scientific conference, November 21–24th 2015]. Available at: [http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/СБОРНИК%20\(ЛБЕЙДА%2020-24%20НОЯБРЯ%202015%20Г.\).pdf](http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/СБОРНИК%20(ЛБЕЙДА%2020-24%20НОЯБРЯ%202015%20Г.).pdf) (accessed: 05.06.2019).

6. Golyakova L. A. [Rhythm of the work of art: communicative and pragmatic aspect]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, no. 3 (15), pp. 94–99.
7. Girshman M. M. *Ritm khudozhestvennoi prozy* [The rhythm of prose]. Moscow, Sovetskii picatel' Publ., 1982. 366 p.
8. Gymovckaya G. N. *Ritm kak faktor vyrazitel'nosti khudozhestvennogo teksta* [Rhythm as a factor of expressiveness in a literary text]. Moscow, Prometei Publ., 1998. 134 p.
9. Zhirmunskii V. M. [Rhythmic prose]. In: *Russkaya literature* [Russian Studies in Literature], 1966, no. 4, pp. 103–114.
10. Ivanova-Luk'yanova G. N. *Kul'tura ustnoi rechi. Intonatsiya, payzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm* [The culture of spoken language. Intonation, pause, logical stress, tempo, rhythm]. Moscow, Flinta Publ., Nayka Publ., 2002. 196 p.
11. Kishalova L. V. [Analysis of features of rhythmic structure of texts of different styles of the speech]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2016, no. 1 (27), pp. 257–262.
12. Mirianashvili M. G. [Rhythm features in the texts of prose and verse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 4, pp. 46–55.
13. Stanevich V. O. [The rhythm of the prose and translation]. In: Ruzskaya T. A., comp. *Voprosy teorii khudozhestvennogo perevoda* [The theory of literary translation]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. pp. 80–118.
14. Stepanyuk Yu. V. [The rhythm of prose as a translation problem]. In: Garbovskiy N. K., ed. *Yazyk i kul'tura. Lingvistika, poetika, sravnitel'naya kul'turologiya, teoriya perevoda* [The language and culture. Linguistics, poetics, comparative cultural studies, translation theory]. Moscow, Moscow University Publ., 2001, pp. 49–55.
15. Foptunatov N. M. [The rhythm of prose]. In: *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. Leningrad, Nayka Publ., 1974. pp. 173–186.
16. Ding R. Rhythm in Translations. In: *International Education Studies*, 2008, vol. 1, no. 4, pp. 79–82.
17. Meschonnic H. Ethics and politics of translating. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2011. 185 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шляхтина Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода факультета иностранных языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского;
e-mail: ElenaV_Yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Shliakhtina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Foreign Languages, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinski;
e-mail: ElenaV_Yar@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шляхтина Е. В. Передача ритмических средств при переводе художественной прозы с английского на русский язык (на материале романа К. Аткинсон «Жизнь после жизни») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 149–161.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-149-161

FOR CITATION

Shliakhtina E. V. Translation of rhythm figures in literary prose from English into Russian (a study of K. Atkinson “Life after life”). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 5, pp. 149–161.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-149-161

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2019. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная верстка – А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 10,25, уч.-изд. л. 11,75.

Подписано в печать: 00.00.00. Выход в свет: 00.00.19. Заказ № 2019/.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А